

ПРИЛОЖЕНИЕ № 7

**к Бюллетеню
Фонетического
Фонда русского языка**

Кафедра фонетики СПбГУ

Институт русской литературы
РАН (Пушкинский Дом)

Seminar für Slavistik
RUB

**ОБРЯДОВАЯ
ПОЭЗИЯ
РУССКОГО СЕВЕРА:
ПЛАЧИ**

Второе издание

Составители:

А.Ю.Кастров, Ю.И.Марченко

Ответственный редактор: П.А.Скрелин

Технический редактор: Е.Г.Вольская

Данная работа была поддержана грантом РГНФ № 96-04-06247 —
“Исследование изменений звуковой формы русской речи”

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ — БОХУМ
1998

Бюллетень Фонетического Фонда русского языка

Herausgeber:

Christian Sappok (Bochum)

Лия Васильевна Бондарко (Санкт-Петербург)

Redaktionsadressen:

Prof. Dr. Christian Sappok
Seminar für Slavistik
Ruhr-Universität Bochum
Universitätsstraße 150
D-44780 Bochum
Deutschland

Проф. Др. Лия В. Бондарко
Кафедра фонетики
СПбГУ
Университетская наб. 7/9
191123 Санкт-Петербург
Россия

Редакционная коллегия:

Н.Д.Светозарова (Санкт-Петербург)
П.А.Скрелин (Санкт-Петербург)
В.В.Люблинская (Санкт-Петербург)
Р.Ф.Касаткина (Москва)
С.В.Кодзасов (Москва)
О.Т.Yokoуama (Los Angeles)
M.Krause (Jena)
C.Odé (Leiden)

ISSN 0937 – 7492

© Christian Sappok / Lija V. Bondarko

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Аннотация	5	
<i>А.Ю.Кастров, Ю.И.Марченко.</i> О музыкальных формах причитаний Русского Севера	7	
<i>Н.М.Герасимова.</i> Поэтика плача в севернорусских причитаниях	13	
<i>Е.В.Хворостьянова.</i> Стих причитаний Русского Севера и проблема описания народного стиха	38	
<i>С.Б.Адоньева.</i> Этнография севернорусских причитаний	63	
<i>Е.Г.Вольская, С.О.Тананайко.</i> Фонетические особенности севернорусских похоронных плачей и причитаний	86	
II. Тексты		
	орфограф. запись	транскрипция
№ 1. Ой, резвы ножки подломились	97	122
№ 2. Я сегодняшного деницьку	98	123
№ 3. Уж как сяду я, беднушка	100	124
№ 4. Ой, только слушай-ко, светушко братец ...	101	125
№ 5. Уж и мне-ка сесть, бедной горюшице	102	126
№ 6. Ой, я-то увидела-упремила	103	128
№ 7. Уж подойти да мне, победною	104	128
№ 8. Господарёв мой Сергиюшко	105	129
№ 9. Уж роскатитесь-ко, ручки белые	105	130
№ 10. Уж вы раздайтесь-ко, народ да люди добрые	108	132
№ 11. Ой, как ты моя да голубушка	109	133
№ 12. Ой, как ты моё да рожноё	110	134
№ 13. Ой, уж ты родимой жо брателко	111	135
№ 14. Ой, дак уж накатись туця грозная	112	136
№ 15. Ой, уж ты родимой жо брателко... Ой, уж ты моя лада милая	113	137

№ 16. О-ёй-ёй, я поутру-ту ранёшенько	115	139
№ 17. Ух и ти мине, дак снаряжалась, бедная . . .	115	140
№ 18. И как роскину я да очи ясные	116	140
№ 19. И ты прости да боле, мила ладушка...		
И ты, родимый ты да мой-от брателко	117	141
№ 20. Уж я ждала только да дожидаласе	117	141
№ 21. А вы донесите, да ноги резвые	119	143
№ 22. Да как подули да ветры буйные...		
Уж ты куда же да нонь средился	120	144

III. Приложения (Н.М.Герасимова)

1. Словарь эпитетов		146
2. Двойные синонимические конструкции		151
3. Метафорические замены, встречающиеся в публикуемых текстах		153
4. Словарь местных слов		154

Аннотация

Настоящее издание содержит образцы музыкально-поэтических форм сольной причеты Русского Севера, занимающей центральное место в женских прощальных обрядах. Составители ограничились текстами похоронных (погребальных), поминальных и рекрутских причитаний, оставив в стороне традицию свадебной причеты, охватывающую как сольные, так и групповые формы напевов.

Избранный в публикации географический принцип расположения материала демонстрирует стилистические различия напевных форм сольных причитаний, позволяет выявить особенности диалекта и проследить их трансформацию в локальных зонах севернорусской территории.

Основой издания послужили звукозаписи, хранящиеся в фонде Фонограммархива Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук. Они были выполнены сотрудниками Отдела народно-поэтического творчества Института в 1970-90-х гг.

По сложившейся традиции к изданию прилагаются звукозаписи плачей на аудиокассете или на аудиодиске, а также цифровой компакт-диск с акустической базой данных, в которой представлены звуковые материалы, текстовые расшифровки, транскрипции и комментарии специалистов.

О музыкальных формах одиночных причитаний Русского Севера

Антологическое собрание севернорусской причеты открывают образцы, представляющие музыкальную традицию, распространенную на территории Восточного Обонежья, озерного Каргополя и Белозерского края. Она отличается хорошей сохранностью музыкально-поэтических форм и многообразием мелодических, ритмических и композиционных структур. Однострочные и многострочные напевы причитаний, различающиеся по величине амбитуса и наклонению звукоряда, опираются на асимметричный девятисложный стих с третьим и седьмым акцентными слогами, двусложной анакрузой и дактилической клаузулой (2.3.2). Отступления от количественно-слоговой нормы стиха, как правило, не влияют на временные параметры мелострок.

Основу ритмики напевов причитаний составляет декламационная форма равномерного слогапроизнесения, характерная для сольной причеты различных локальных традиций Русского Севера. На образование ритмических вариантов оказывают воздействие структурные характеристики стиха, выраженные в сочетании его акцентных, стопных и силлабических признаков.

Важнейшей отличительной чертой сольных причитаний указанного ареала является их музыкальная архитектоника, складывающаяся на основе объединения мелострок в двух- трехчленные тирадные группы.

Соподчинение мелострок тирадного периода базируется на звуковысотном контрасте как инициальных, так и кадансовых оборотов. Аналогичная форма звуковысотной интеграции представлена в тирадно-строфических напевах севернорусского эпоса. Особое внимание исследователи обращают на типологическое сходство напевов обонежских былин тирадно-строфической композиции и сольных причитаний, бытующих в пудожско-каргопольско-белозерском ареале [6-9]. При явных различиях в структуре стиха общим между ними является рисунок мелодического контура и динамика ладообразования, направленная на интонационное соподчинение мелострок. Их сближает также тенденция к кор-

релятивной связи композиционных параметров музыкального и вербального компонентов текстов, проявляющейся в стремлении к совмещению границ музыкального и стихотворного периодов. Взаимосвязь между многострочными напевными конструкциями и стиховыми тирадами базируется на принципах развитой системы параллелизма, присущей нарративным жанрам фольклора. Наиболее употребительным является парное объединение строк (№ 5). Широко распространены трехчленные конструкции (№№ 1, 2).

Характерным свойством многострочных напевов является полистрофичность — сочетание в рамках одного текста музыкально-поэтических периодов нетождественной композиции. Однако количественное преобладание однострочных построений над многострочными свидетельствует о разрушении тирадно-строфических форм (№ 3). Появление однострочных напевов причитаний в рамках описываемой традиции служит одним из признаков ее распада, связанного с утратой характерных музыкально-стилистических свойств (№ 7).

На территории Заонежья и части западного побережья Онежского озера распространены тирадно-строфические и однострочные формы причитаний, напев которых охватывает двух-трехиктный тонический стих переменной количественно-слоговой величины. В отличие от пудожских образцов, музыкально-композиционные характеристики заонежских причитаний выражены менее ярко. Их нивелировка приводит к образованию однострочных форм (№ 4).

Границы ареала девятисложной причети тирадно-строфической композиции согласуются с историко-этнографическими сведениями, отражающими особенности заселения указанной территории, представляющей собой одну из ранних зон новгородской крестьянской колонизации. Тирадно-строфические напевы замечены собирателями также в бассейне среднего течения реки Мезени и в низовьях ее притока — реки Пёзы. Результаты картографирования дают основания для вывода о повторении изоглоссой тирадных форм напевов графики древних севернорусских торговых и колонизационных путей.

Обнаружение аналогичных музыкальных форм причети на территории юго-восточного Придвинья, в низовьях реки Лузы (№ 8), лишь на первый взгляд кажется неожиданным. Устюжские и вологодские летописи сообщают о заселении данной территории выходцами из Новгорода Великого. Современные историки и

археологи склонны датировать начало русской колонизации Лузского края XV веком. Не вызывает сомнений факт типологического сходства лузских и восточно-обонежских причитаний тирадно-строфической композиции. Тем не менее, отчетливо просматривается меньшая упорядоченность стиховых структур первых в сравнении со вторыми. Подобная “расшатанность” стиха легко объясняется слабой сохранностью местной традиции причети.

Богатая традиция причитаний Архангельского Поморья изучена слабо, несмотря на обилие материалов, рассредоточенных по фондам фольклорных архивов России. Поэтому о музыкально-стилевых особенностях местной плачевой культуры можно говорить лишь с позиций самого общего приближения к проблеме.

Включенные в Антологию два поморских причитания (№№ 9, 10) демонстрируют широкий диапазон варьирования музыкальной формы — от стиховой структуры до более свободной композиции с признаками тирадного строения. Основу интонирования в поморских причитаниях составляет десятисложный стих, но свойством периодичности обладает музыкальная фраза, соответствующая пятисложнику. Расширения стиха на границах пятисложных образований не приводят к изменению музыкального времени мелодической фразы. Важную роль в варьировании структуры играет использование двух- и трехакцентных стихов, логика чередования которых связана с индивидуальной манерой интонирования.

На этой основе возникают признаки тирадного строения музыкально-поэтической формы. Однако в отличие от причитаний северо-западных традиций с их опорой на строфические мелодии, здесь решающим компонентом оказывается мелостих, обладающий к тому же свойством внутренней делимости. Так реализуется один из важнейших принципов плачевого интонирования — опора на традицию прерывистого дыхания.

Для поморских причитаний существенны музыкально-поэтические формы с усечением заключительной части мелостиха, которая либо вовсе не интонируется, либо проговаривается шепотом на выдохе. В целом же поморские плачи в наибольшей степени приближаются к норме повествовательного интонирования, во многом связанного с эпической напевной декламацией.

Образцы причитаний Вологодского Края представлены строго стиховыми напевами, получившими распространение на правах ареальных мелодий (№№ 11-16). В их основе тонический восьмисложный стих с акцентами на 3-м и 5-м слогах, усложненный

начальным возгласом, предваряющим интонирование поэтического текста. Мелодии характеризуются равномерным слогопроизнесением при наличии одной ритмической опоры, подчеркнутой музыкальной долготой. Местные редакции различаются формой соотношения долготы произнесения слога и акцентности стиха, разнообразием использования приемов плачeveго интонирования. Это приводит к образованию специфических слогоразрывов и словообрывов, место которых в музыкальной форме всегда строго определено. Важной отличительной особенностью местных редакций является также различная протяженность начального возгласа, которая варьируется в широком диапазоне — от простейшей однослоговой формы до развитой музыкальной фразы.

Обращает на себя внимание и контрастное мелодическое строение напевов. Так, плачи юго-восточных районов выдержаны в стиле строго слоговой напевной декламации, в причитаниях же северных традиций появляется внутрислоговой распев.

Западная граница восточновологодского плача устанавливается по реке Ваге. Композиция важских причитаний (№ 17) с одной стороны обнаруживает параллели с напевами соседней (тарногской) традиции (№ 16), а с другой отличается количественно-слоговым объемом смыслонесущего стиха (семисложная форма вместо восьмисложной). Таким образом, важские причитания в целом не утрачивают качеств, свойственных плачевой культуре Вологодского Края, вместе с тем их своеобразие подчеркивает самостоятельность местных традиций, одновременно — и тех культурных процессов, которые происходили на территории междуречья Северной Двины и Ваги.

Завершают Антологию образцы мезенских причитаний (№№ 18-22). Это наиболее сложные формы, в которых интонационные каноны севернорусской плачевой культуры получили концентрированное выражение. С одной стороны очевидны параллели с причитаниями Поморья (опора на цезурированный десятисложный стих при периодичности музыкальных фраз, соответствующих пятисложникам). Но с другой — мезенские напевы представляют собой развитые стиховые композиции, обнаруживающие тесную связь с культурой групповой причети местного свадебного обряда. Повидимому, на Мезени процесс образования мелодий похоронных и свадебных причитаний был связан с переинтонированием общих музыкальных источников (в том числе — и песенного происхождения), однако протекал он в специфических условиях,

продиктованных условиями жанра. В результате в погребальной и свадебной причети возникали родственные музыкальные формы, но с различной степенью контраста напевов в каждой местной традиции.

Для севернорусской похоронной обрядности типичны “встречные причитания”, чаще — в форме диалога ближайших родственников покойного или покойницы при похоронах и на поминках. Такие причитания объединяют самостоятельные поэтические тексты в их сочетании при одновременном интонировании (значительно реже фиксировались случаи одновременного причитания трех плачей). В настоящий момент нет возможности чисто теоретического освещения проблемы “встречных причитаний”, поэтому ограничиваемся представлением некоторых материалов, связанных с этой культурой (№№ 15, 19, 22).

Важнейшим условием изучения традиции похоронного плача оказывается анализ звучащего материала. Традиционные публикации дают лишь самые общие сведения о культуре причети в прямой зависимости от опыта собирателя, расшифровщика, исследователя. Похоронная обрядность, связанная с самыми мрачными народными суевериями, с одной стороны строго регламентирована, но с другой — оказывается выражением конкретного человеческого горя. Эмоциональное наполнение причитаний похоронной обрядности может привести к отходу от интонационных канонов, ввергая исполнительницу в сферу физиологического плача. Зачастую напевная декламация, плач, ритмизованная проза и спонтанная речь оказываются одинаково важными элементами художественной формы, сиюминутная реализация которых всегда индивидуальна и неповторима.

ЛИТЕРАТУРА

1. Песенный фольклор Мезени / Изд. подгот.: Н.П.Колпакова, Б.М.Добровольский, В.В.Митрофанова, В.В.Коргузалов. Л., 1967.
2. Никольские песни, записанные в Никольском районе Вологодской области / Составление, редакция, вступит. ст. и коммент. М.Мазо. Л., 1975.
3. Песни Карельского края / Сост. и автор вступ. ст. Т.В.Краснопольская. Петрозаводск, 1977.

4. *Ефименкова Б.Б.* Севернорусская причеть. Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшеньги (Вологодская область). М., 1980.
5. Из ранних записей групповой причети на Русском Севере / Публ. Ю.И.Марченко // Из истории русской фольклористики. Л., 1990. Вып. 3.
6. *Кастров А.Ю.* Напевы пудожских причитаний тирадно-строфической композиции // Русский фольклор. СПб., 1996. Т. XXIX.
7. *Краснопольская Т.В.* Традиционное искусство современного Пудожа // Народная музыка СССР и современность. Л., 1982;
8. *Краснопольская Т.В.* О мелодике пудожских причитаний // Традиционное народное музыкальное искусство восточных славян (вопросы типологии): Сб. трудов ГМПИ им. Гнесиных. Вып. 91. М., 1987.
9. *Кастров А.Ю.* Вопросы структурной типологии олонечких нарративных напевов ("вепсская мелострофа" и "рунический ритм") // Русский фольклор. СПб., 1993. Т. XXVII.
10. *Марченко Ю.И.* Замечания о напевах вологодских причитаний // Русский фольклор: Проблемы текстологии фольклора. Л. 1991. С.Т. XXVI.
11. *Марченко Ю.И.* Напевы групповых причитаний в междуречье Северной Двины и Ваги // Русская народная песня. Стиль, жанр, традиция: Сб. научных статей. Л., 1985.
12. *Резниченко Е.Б.* Поморские "свадебные стихи" как особый вид северной причети // Традиционное народное музыкальное искусство и современность (вопросы типологии): Сб. трудов ГМПИ им. Гнесиных. Вып. 60. М., 1982.
13. *Резниченко Е.Б.* Напевы свадебных причитаний Мезени и Зимнего берега Белого моря // Традиционное народное музыкальное искусство восточных славян (вопросы типологии): Сб. трудов ГМПИ им. Гнесиных. Вып. 91. М., 1987.
14. *Резниченко Е.Б.* Некоторые вопросы интонирования севернорусской причети // Фольклорный текст. Функция и структура: Сб. трудов ГМПИ им. Гнесиных. Вып. 121. М., 1992

Н.М. Герасимова

Поэтика плача в севернорусских причитаниях

*Уж я развою-то, я рассыплю
Уж все свое-то горе великое... (№9)*

Язык наш, как и всякий язык, не выдуман, а выстрадан, и притом всенародно, и притом на протяжении веков. Он подобно пению родился из всенародного стона и вздоха. Стон же есть звук страдающей и влекущейся души. И не естественно ли, что люди единой крови и единого духа — стонут однородно из сходно страдающих и сходно влекущихся душ. Вздох есть живой ритм жизни — и тела (легкие, дыхание) и души (воздыхание, смех и плач); и не естественно ли, что этот ритм однороден у людей единой крови и единого духа. Это стихия пения и музыки в языке.

И.А. Ильин. Россия в русской поэзии.

Для переходных обрядов, зафиксированных в севернорусской традиции, характерно включение в ритуальную практику вербальных текстов, имеющих ритмическую и ритмико-мелодическую природу. Как правило, эти тексты относятся к календарной и семейной обрядности и оформляют реальный, культурный и метафизический сюжет, связанный с преодолением границ “этого” и “иного” миров. В содержащих эти представления культурных текстах и народных поведенческих нормах отразились различные отношения человека со смертью как важнейшей формой приобщения человека к инобытию. Особенно показательны в этом отношении тексты похоронных причитаний, как одной из основных компонент народного похоронного обряда.¹

Уже первые его исследователи обратили внимание на нравственную природу, исключительную эмоциональность и поэтичность севернорусской причеты — основного фольклорного жанра, сопровождающего и оформляющего ритуальные действия, связанные с переходом человека в иной мир. Так, Е.В.Барсов, первый составитель антологии севернорусских причитаний —

¹ См., например: [9-16]

фундаментального труда “Причитания Северного края”, писал об исполнительницах народных причитаний — вопленицах, передающих из поколения в поколение традицию выплакивать горе словами: “Вопленица по преимуществу является истолковательницей семейного горя; она входит в положение осиротевших; она думает их думами и переживает их сердечные движения; чем богаче ее запас готовых оборотов и древних эпических образов, чем лучше обрисовывает она думы и чувства в животрепещущих явлениях природы, тем умильнее и складнее ее причитания, тем большим пользуется она влиянием и уважением среди народа. Отдать последний долг умершему собираются иногда целые селения, а потому мы не вполне определим значение вопленицы, если будем представлять ее истолковательницей чужого горя; влияние ее — шире: она объявляет во всеуслышанье нужды осиротевших и указывает окружающим на нравственный долг поддержки, она поведает нравственные правила жизни, открыто высказывает думы и чувства, симпатии и антипатии, вызываемые таким или другим положением семейной и общественной жизни...” [13: 6]

Эта нравственная установка причитаний, конечно, по-разному реализуется в традициях разных регионов, в местных “школах” причета, у различных исполнительниц. Так, расширение границ собирательской деятельности привело к выявлению особенностей, связанных с теми способами передачи традиции, которые свойственны именно данному региону или констатации значительных отличий в разработке отдельных тем или приемов поэтического языка, оформляющего тот или иной обрядовый момент. Характерны в этом смысле высказывания исследователей, сравнивающих не только значительно удаленные в пространстве регионы, но и сопредельные области распространения причета. Точкой сравнения служит, как правило, олонецкий причет, как традиция, сформировавшая в значительной степени представления о каноне и характере образности русских причитаний. Уже М.К.Азадовский вслед за первыми исследователями причети отмечал в своих “Ленских причитаниях”, что столь сильно развитое в олонецких причитаниях эпическое начало, когда личное горе приобретает почти космический масштаб, захватывая все стороны народной жизни, как социальные катаклизмы, так и бытовые

стороны народного уклада, не целиком соответствует традициям других регионов. “В записях из других мест, особенно в записях малорусских и белорусских, отмечается прежде всего почти полная утрата эпических элементов и безраздельное господство лирических. Причитания сводятся к простому и несложному выражению личного горя и тяжелой скорби по поводу постигшей утраты. Воспоминания о прошлом (не всегда сформировавшиеся в цельный рассказ) и изображение *своего* печального положения после смерти близкого и дорогого человека — их основное содержание.” [1: 10-11]. Современные собиратели, деятельность которых основана на тщательных полевых изысканиях, также показывают вариативный характер общерусской традиции, исходя из комплексного и глубинного изучения традиций исполнения причитаний в различных регионах. Например, Б.Б.Ефименкова, исследуя вологодские причитания по умершим, писала, что они, “примыкая к северной традиции, имеют свой облик и заметно отличаются, например, от олонекских причитаний, долгое время считавшихся эталоном северного русского плача... Так, в Междуречьи Сухоны и Юга и на Верхней Кокшеньге не принято похоронный плач превращать в рассказ о жизни покойного и обстоятельствах его смерти, как это делала Ирина Федосова. Здесь и в надгробных, и в поминальных причитаниях основное место занимают поэтические приемы выражения горя осиротевших” [4: 15].

Представленные в настоящем издании тексты причитаний достаточно традиционны, о чем свидетельствуют сравнение образцов из различных северных ареалов: Пудожского, Медвежьегорского районов Карелии; Каргопольского, Бабушкинского, Тотемского, Тарногского районов Вологодской области; Мезенского, Северодвинского, Лешуконского районов Архангельской области; Лузского района Кировской области, а также привлекаемые для сопоставления образцы из других районов Русского Севера. Традиционная природа представляемой причеты объясняется не только исторически сложившимися причинами, культурным притяжением “Исландии русского эпоса” — Олонецкой губернии, мощным новгородским влиянием и т.д. Сходство отдельных причетов разных районов определяется устойчивостью самого похоронного обряда, его отдельных частей, к которым приурочено произнесение формул, представляющих определенные тематические блоки, имеющие стереотипное стилистическое выражение. Но в тоже время каждый из приводимых текстов

причета — результат неповторимого импровизационного действия, в котором индивидуальная манера исполнения основана на личном переживании обрядовой ситуации, персональном знании традиционных клише и приемов лирического излияния, которые используются в отдельных моментах обряда. Основу этого действия составляет своего рода ритм, в котором течение обрядового сюжета — сменяющие друг друга обрядовые положения и ситуации — развиваются через синхронное выплакивание происходящего в музыкально-словесном ритмическом звучании. Поэтому столь необходимо сочетание в издании вербальных текстов и сопровождающей их аудиозаписи. Тексты причети, представленные в обычных фольклорных сборниках, не дают возможности наблюдать именно эту существенную сторону причети как синкретического фольклорного искусства, — сочетание музыкального ритма со словом и действием. В то время как следствием такого соединения и является свойство причитания выполнять роль утешения. “Вопли”, использующие традиционные ритмические механизмы народной поэтической речи, имеют кроме ритуальной и психосоматическую функцию, позволяя в словах “выплакать” горе и тоску, вытеснить негативные переживания, преобразить их в позитивную энергию. Можно сказать, что в этом смысле плачи представляют собой психологический аналог речи, точнее, “говорения” и смеха, имеющего восстанавливающую и продуцирующую силу. Отдельной проблемой представляется определение связи плача-речи со смехом в похоронной обрядности, их функционально-генетическая общность и формы сосуществования в обряде. Крайне неточными будут все рассуждения о *природе* народной причети, не учитывающие ритмико-мелодического рисунка *живого* звучания причитаний.

Цель настоящей статьи — показать, в какой мере публикуемый материал является традиционным, характерным для севернорусской традиции причитаний. Для этого необходимо обратиться к тем приемам поэтического языка и стиля, которые служат традиционными средствами выражения народных мировоззренческих представлений и составляют неоспоримое богатство живой народной поэтической речи.

Как известно, причитания, плачи, вопли, заплачки достаточно однородны по своему эмоциональному настроению, приемам поэтического языка и ритуальной функции на всем протяжении похоронного обряда. Об этом свидетельствует прежде всего повторяемость сходных ритмических конструкций и лексики во всех представленных типах причетов. Но все же в севернорусской традиции можно заметить связь *определенных* типов похоронного причета с определенными моментами обряда. Как правило, отдельное причитание содержат устойчивый тематический комплекс, который соотносится с происходящим в данный момент действием, оформляя и комментируя его. Другим основанием внутренних различий в типах причета является открытая адресация — аппеляция к конкретному лицу, к которому обращен причет (брату, мужу, жене, внучке и т.д.). Важным для поэтического рисунка причета является и ролевой статус причитающей (мать, жена, бабушка, соседка и т.д.). Таким образом, поэтический текст каждого конкретного причитания одновременно зависит как минимум от нескольких условий:

— характера “языковой личности” исполнителя как носителя определенного языкового, культурного и социального диалектов, имеющего определенную биографию;

— его психосоматического состояния, определяющего перцептуальный характер времени и пространства обрядового действия;

— роли исполнителя в обряде, его обрядовой функции (мать, жена, соседка и т.д.);

— коммуникативного статуса текста, ориентации текста на определенного адресата (покойный, соседи, дети и т.д., включая и автоориентацию)

— конкретной формы ритуального события (внос гроба, поминки и т.д.);

— знания традиции (включая музыкальную традицию исполнения) и направленности на ее воспроизведение.

В настоящем издании представлены не все традиционные тематические комплексы, формирующие разные типы причетов, содержащихся в севернорусской причети. Так, например, хорошо представлены поминальные причеты, но нет причитаний при вносе гроба или при остановках по дороге на кладбище. Некоторая неполнота объясняется вполне практической целью — дать

достаточно внятную и показательную аудиозапись. Поэтому необходимо восстановление обязательного ритуального контекста, о котором можно судить, в частности, по представленной в настоящем сборнике статье С.Б.Адоньевой.

Последовательность этапов севернорусского похоронного обряда, сопровождаемого причитаниями, несколько варьируется в отдельных регионах, но в целом она достаточно устойчива и развивается по следующей схеме:

плач-*вопрошение* во время констатации смерти;
плач-*оповещение* во время прихода соседей;
плач *при вносе гроба*;
плач *при выносе* покойного из дома;
плач *по дороге* на кладбище;
плач *при опускании гроба* и *надмогильная* причеть;
плач *при возвращении с кладбища* и *поминальные* причеты
[12: 38-39, ср.: 15: XIV-XV; 9: 132; 4: 15-22].

Мотивные комплексы и тематика причитаний.

Традиционными мотивами для начального этапа похоронного обряда являются темы-сетования, обращенные к покойному в *плаче-вопрошении*. Описание состояния скорбящей — обычный зачин для такого типа причета:

Ой, резвы ножки подломилисе,
А ясны оци помутилисе... (№ 1)

Ср.

Как послушай-ка желанная тетушка!
У меня, бедной горяшицы,
Резвы ножки подломилися
Ясны очи помутилися.../№9/

(Ср. с формулами переживания печальной вести:

Уж поприбавил он да мне-ка горяшка,
Уж во мою-ту грудь вздыханьца,
Ой к ретиву серьцю да розрывани(и)ца,
Ой, горячи слезьми да у...утирани(и)ця... (№ 20))

Формула "ясны очи помутилися", имеющая иногда и более общий характер, является как бы рефреном, повторяемым и по отношению к себе, описывая собственные переживания, и по отношению к умершему, обозначая печальный момент его перехода в иной мир. На акциональном уровне это формула маркирует действия, связанные с преобразованием "живой-мертвый", которое начинается с того, что покойнику закрывают глаза [2: 106] и реализует символическую оппозицию света и тьмы как метафор жизни и смерти.

В трансформированном виде она употребляется всякий раз, когда нужно обозначить именно движение *перехода* от состояния к состоянию, от одной реальности к другой.

А он(ы) не вышел да ва...ас(ы) не встре<тил>
У его не ходят да но...оги ре<звые>
А уж(ы) не машут да ру...уки бе<лые>,
А не г(ы)лядят да о...оци я<сные>... (№ 22)

Типичным мотивом для плачей-оповещений является мотив ожидания вести или мотив сна-бессоницы как предчувствия смерти в доме. Он, как правило, вводится формулой "мало спала, много видела". Той же формулой вводится мотив посещения умершим дома:

Я сегод(и)няшного деницьку
Дак мало спала, м(ы)ного видела,
Уж(и) ды-й во снях(ы) много казалос(и)...
Дак приходил(ы) кор(ы)милец-батюшко
Уж(и) на твоё на провожжен(и)ицё... (№ 2)

Вариации этой формулы связаны с темой ожидания пробуждения умершего:

Ой(и), как ты моё да серьецинько!
Ой(и), как не спалось, не лежалосё
Ой(и), как севоднишна тёмна ноц.
Ой(и), да всё ждала, дожидаласё,
Ой(и), штё ты проснёссё-пробудиссё... (№ 12)

Ой, уж нам(ы) во сней-то приви<дице>,
Ой, уж наяву не пока<жице>... (№ 13)

Эти формулы, очевидно, связаны с традиционной для народного сознания оппозицией сна и бдения, широко представленной как в акциональном плане обряда [2: 110], так и фольклорных текстах, ориентированных на воплощение семантической оппозиции “жизнь-смерть”. Интересно, что эти формулы весьма характерны и для свадебного причета, и для волшебной сказки, которая развивает эту семантику в теме сна/смерти героя.

Традиционным моментом в причетах в доме являются и разнообразные *упреки*, обращенные как к окружающим:

Уж(ы) мы поз(ы)но схватилис(и) во те<бе>
Не сохранили тебя, наша ты Ни<ночка>... (№ 10),

так и к умершему:

Ой ты чаво жо ты надумалса?
Да ты оставил меня, горё-горькую,
Да ты оставил меня, кокушицю... (№ 8)

Они получают свое развитие в формулах риторического выспрашивания о причине смерти, которая всегда изображается как внезапная:

Ой, поспрошу я тол(и)ко, бед(ы)нуш(ы)ка:
Ой, тебе што не прилюбилосе,
А тебе што не приглянулосе... (№ 1)

Причина смерти может изображаться как обида на родных, поэтому распространены обращение к покойнику или покойнице с просьбой о них рассказать:

Ой, как ты моя да голубушка,
Ой, ты расскажи-ко, голубушка,
Ой, дак ты свои-те обидушки
Ой, как на своих-то сыноциков.
Ой, да как с тобой да водилисё
Ой, да как на тя осердилисё... (№ 11)

В этом причитании на смерть сестры, записанном в Вологодской области, развивается мотив *трудной судьбы*, тяжелой работы покойной:

Ой, как подымала голубушка
Ой, она сиротиночкой горькою
Ой, она без милые ладушки!
Ой, никто не видяё желанницу
Ой, яё великие трудности.
Ой, как приняла-то голубушка
Ой, да много горя великова... (№ 11)

Здесь очевидно сочетание традиционных эмоциональных формул причета с описанием личной судьбы покойной. Такие описания составляют импровизиционную силу причета, соотнося индивидуальный лирический опыт с каноническим опытом, воплощенном в формулах:

Тебе работка не под силушку,
Уж тебе платья не по плечушкам.
Уж(и) беззаступна, беззащитная... (№ 3)

В случае, если о себе причитает вдова, она может описывать свою собственную трудную жизнь, особенно после смерти мужа:

Я приду со роботушки,
Да я приду со тяжёлые.
Некто не скажёт не словечика,
Да не спромолвыт единова.
Уж я шибко уходилася,
Да уж я шибко притомилася... (№ 8)

Для причитаний в избе характерно также противопоставление прежней счастливой жизни до смерти мужа несчастной судьбе вдовы, сходное со свадебным причетом:

Пожила с тобой, покрасовалася.
Да я теперичи, кокушича,
Да как я буду обживатися,
Да как я без тебя буду жить-то?..
Я пятнадцать годочиков
Да я жила с тобой, красовалася.
Да не слыхала я от тебя худова словечика... (№ 8)

Они могут развиваться *в обращение* к покойнице с просьбой не забывать родных:

Уж ты прощай(и), моя да дорогу<ленька>,
Не забудь ты меня, желан(ы)ная... (№ 10)

Формулы *памяти-забвения* могут рифмоваться с темой *сиротства* оставленной семьи, которая характерна также для плача-оповещения, обращенного к близким, родным и соседям;

Тема сиротства детей может быть развита как обращение к ним матери, родственницы или соседки, т.е. как объективная характеристика их будущей судьбы, своего рода предсказание, или передана как субъективное эмоциональное переживание, например в причитании по бабушке или матери:

Уж(ы) как(ы) твоя-та молода жёна
А пора-времечко обойдетце,
Ой, тоска на сер(и)ци уходитце —
Й-она найдет(ы) мужа закон(ы)ного.
Ой, как(ы) рожонийи-ты детуш(ы)ки
Уж(ы) не найдут(ы) кормиль(и)ца-батюш(ы)ка.
Ой, дак(ы) жадоб(ы)ной ты жадобуш(ы)ка!
Уж как серотнии-ты детушки,
Й-оны на улици шалливыи,
Ой, за столом(ы)-то — бол(и)шовыт(ы)ныи... (№1)

Ср.:

Как сиротные детушки
На улице бурливые,
Во избы-то хлопотливые,
За столом многовытные;
Как сиротным детушкам
Под конец стола обломочки.
Охти мне-ка да тошнехонько! [10: №6]
*(Записано со слов уроженки г. Пудожа. Произносит дочь
после похоронного стола.)*

Другой тематический комплекс составляют формулы *выкли-
кания мертвого*. Это может быть:

— обращение к мертвому с просьбой ожить:

Стань-восстань-ко ты, родимай да милай бра<тенька>!
Ой, ты открой-ко ты свои да ясны оченьки,
Ай, ты размахни-ка ты свои да белы рученьки,
А стань на резвья свои да белы ноженьки... (№ 4)

Уж(ы) роскатитесь-ко, ручки белы<е>
Уж(ы) вы откритесь-ко, оци ясны<е>... (№ 9)

Рос(ы)катитес(и), да бе...елы ру<ченьки>,
Вы открой(и)тес(и)-ко, да о...оци я<сны>,
А уж заговорите, ус(ы)та...(а) сахар<ные>!... (№ 21)

Ой, дак уж ты моя лада ми<лая>,
Ой, перекрести, лада ми<лая>,
Ой, уж ты своё лицё бе<лое>,
Ой, своё лицё ты бума<жное>!
Ой, да уж Расскажи, лада ми<лая>,
Ой, как там живёшь, лада ми<лая>,
Ой, да уж и послушай, голу<бчик мой>... (№ 14)

— обращение к мертвому с просьбой посмотреть на свою семью:

Ай, посмотри-ка ты на породушку родовиту<ю>:
На своих-то ты желанных да милых детушек, —
И на свою ли на скачёных да на жемчужинок,
Ай, на свою ли ты законную супругу да всё законну<ю>. (№ 4)

В той части обряда, когда причитания произносятся в избе, дом после смерти изображается как тесный, стылый, холодный:

Уж(и) ты приедёшь-то, мило дитят(ы)ко,
Уж(и) на родиму-то на сторонушку.
Уж(и) во твоей-то высокой горёнки
Уж(и) будё в том ды уг(ы)лу пустёшенько,
Уж как в другом(ы) да холоднёшен(и)ко,
Уж как в третьём-то — снежки белыи,
Уж как в четвер(ы)том — печь кирпичиная
Уж(и) печь кирпичиная, холодная... (№ 5)

Как плач-сетование оформляется традиционный *мотив сборов в дорогу*, когда к покойному обращаются с риторическими вопросами-недоумениями:

Уж ты куда да отправляесе
Уж ты куды да снаряжаесе... (№ 3)

А уж ты куда жа да но...они среди<лсе>,
А уж куда нон(и)це да спо...одоби<лсе>,
А уж ты во в(ы)сё в то да с(и)вет(ы)ло <платье>?
А ты на роботоцки да но...они среди<лсе>,
А ты на наживушки да спо...одоби<лсе>?... (№ 22)

Ср.:

Ты, кормилец, желанной батюшко,
Ты куда да сподобилси?
Ты куда да снарядилси,
Во которую сторонушку... [16: №329: 338]
*(Записано от Л.А.Шарашевой из д.Тереховой-
Малаховой, Мишутинской вол. Белозерского уезда.)*

Ой, ты, родимая мамушка,
Ой, ты куда снаряжаешься,
Ой, ты куда собираешься?
Ой, в путь-дорожку далекую,
Ой, в путь дорожку широкую... [4: №8: 102]
*(Записано в 1967 г. в д. Захарово Вахневского с/с
Никольского р-на Вологодской обл. от Барболиной Ф.П.)*

Тема сборов в “дальнюю дорогу”, как правило, вводит центральную для похоронного обряда тематику, связанную с противопоставлением этого и иного миров. Хронотоп дороги как один из главных символов переходных обрядов связан с реализацией архаических представлений о преодолении границы между мирами. “Дорога и связанные с ней представления образуют сердцевину похоронного обряда, так как именно посредством этих образов разрешается его основная коллизия — соединение сфер жизни и смерти (и шире — своего и чужого) и достижение преобразования в результате такого соединения” [8: 228]. В похоронном обряде это — и реальное движение от дома к могиле, и символическая акция, оформляющая метафизическое пространственное движение. В причитаниях это движение осмысливается во множестве метафорических образов, группирующихся вокруг двух центральных тем, организующих символический сюжет *поминальной причеты*. Такими центральными темами являются темы *выкликания умершего с того света* и *гощение умершего в доме*. Первая тема связывает начальные действия обряда, отраженные в вопрошающей риторике причетов — вопрошений с конечной, но не окончательной его стадией. Повторяемая и в календарном и в семейном коде традиции, она символизирует вечную связь живого и мертвого, “родителей” и детей, предков и потомков ¹. Вторая же тема, связанная с образом “гостя”, “гощения”, “угощения” [7: 103-113] как бы переводит невидимый план в видимый, отражая традиционные народные представления о возможности нормального посещения предками живых в определенное, строго ограниченное время [2: 115].

Дальняя дорога, изображаемая как “торная”, “трудная”, “слезная”, связывает темой испытания мир живых и мир мертвых. Причем это именно взаимная связь. Высокий поэтизм причета заключается прежде всего в том, что плачущая как бы мысленно проходит путь покойного, шаг за шагом. Ритмика причета, основанная на бесконечных параллелизмах, возвращениях и развитиях одних и тех же музыкальных и лексических конструкций переводит перцептуальное пространство и время в концептуальное. Если пространство и членится как-то, то только через внутренние усилия по его преодолению. Плачущая, в прямом смысле

¹ О семантике концепта “родители” в народной культуре см.: [5]; [6].

потерянная женщина мысленно вступает в “иной мир”, где время бесконечно, а пространство безгранично. Образ “иного мира” в причете устроен на снятии оппозиций “близкое-далекое”, “низ-верх”, “горнее-дольнее”. Запредельный мир становится здесь беспредельным:

Ой, да уж видно м(ы)не горе го<рькую>,
Ой, уж видно век не дожда<тисе>,
Ой, да уж и тебя не дозва<тисе>
Ой, уж с тово свету бе<лого>.
Ой, вид(ы)но ушол лада ми<лая>,
Ой, ты от меня, от горю<шицы>,
Ой, дак уж ты на веки-ти ве<чные>,
Ой, да уж на усю жизнь бесконе<чную>... (№ 14)

Уж(ы) от своих-то детей же ладне<ньких>
Уж(ы) по тор(ы)ной-то да по дорожечк<и>
Уж(ы) по слезной-то да по тропиночк<и>
Уж(ы) на круту-ту гору высоко<ю>.
Уж тебя спустят, мой лада миленькой,
Уж тебя опустят, моя же ладненька,
Уж тебя во ямочку во глубоко<ю>... (№ 9)

Пространственная символика поддерживается образной символикой. Как будет показано ниже, образ кукушки связан в традициях плача с образом горюшицы-вдовы:

А уж(ы) ты с(ы)редил(ы)сэ да с(ы)по...одоби<лсе>
А уж(ы) как(ы) не в(ы) ту ле нон(и) не...е доро<женьку>,
А уж ты на гор(ы)ке да на...а высо<кие>,
А ты во леса-ти да во...о шуме<лые>,
А ты во бора нон(и)це да во...о з(ы)воне<лые>,
А уж ты не в(ы) тот(ы) ле в сад да но...он(и) певу<чий>.
А уж как(ы) в том(ы) ле в саду...у певу<чим>
Одно кокушки но-то да ку...укова<ньицо>,
Уж как петушино-то да во...ор(ы)кова<ньицо>.
А тебе выкопана та...ам(ы) вед(и) я<мочка>... (№ 22)

Еще один традиционный образный мотив — отсутствие “весточки” из иного мира — сближает похоронную причет с рекрутской:

Из-за гор да есте выходци,
Из-за морь да есте выпловцы.
А из матушки сырой земли
Нет ни выходцев, не выплавцев,
Ни письма нету ни грамотки
Никакой да нету вестоцьки... [16: № 343]

*(По сыну, умершему на военной службе. Зап. от
Л.А. Шарашевой из д. Тереховой-Малаховой Мишутинской волости
Белозерского уезда)*

Символика горя, утраты сближает похоронный обряд с рекрутским, в котором путь-дорожка интерпретируется как изменение участи в тех же формулах, как в похоронном причете:

Соколочик, да милой братеуко,
Ты куда да наряжаеся,
Ты куда да сподобляеся,
Во какую да путь-дороженьку?
Не в любую да подороженьку,
Ко судьям да немилостивым,
Ко сердцам да жалостивым... [16: № 345]

(Записано в г. Кириллове от А. Ф. Карповой)

Для поминальной обрядности характерной темой является тема “поиска умершего”. В традиционном надмогильном причете она может быть и не связана композиционно с другими темами надмогильной причети, в таком случае развивается образный мотив “невидимости” мертвого, “недоступности” его для живых; героиня причета ищет умершего среди живых и не находит:

И как раскину я да о...очи яс(ы)ные,
И не увижу ле да я где милу ладуш(ы)ку!
И тол(и)ко я его негде да не...(е) увидела,
И голосочка его да не...(е) ус(ы)лышала... (№ 18)

И были ли где я тебя да не...е увижу же,
И голосочка твоё да я да не...е ус(ы)лышу же,
И не к тебе да тол(и)ко да по...оканаюсе.
И ты, моя да мила ла...а ладуш(ы)ка,
И ты во снях тол(и)ко да мне...е приснис(и)-ко се,
И наяву да только не...е покажисе-то... (№ 19)

Ср.:

Оинки, да
Я пришла-то горюшица
На свято божье буюво, дак
Не могла я увидети, да
Не могла упреметити я
Человека похожего, да
Я пришла-то горюшица,
К глубокой свежей могилушке, дак... [4: № 54]
*(Записано в д. Пятовская Шебенгского с/с
(Кокшеньга) Вологодской обл. в 1974 г.)*

Но чаще тема “поисков умершего” является экспозицией, прелюдией к самому, пожалуй, известному русскому плачу. Это плач заклинательного, заговорного характера. Он становится апофеозом мысленного движения к покойному в поминальной обрядности. Это вопль-*обращение к стихиям (высшим силам) с просьбой разорить могилу.*

Не попросить ли в небе ангелов архангело<в>:
Ой, вы рассыпьте-ка по песчиночкам все песочки,
А расколите в мелки черепки гробовы доски! (№ 4)

Ой, дак уж накатись, туця гро<зная>,
Ой, да прилито, стрела во<страя>,
Ой, дак уж и розбей, стрела во<страя>,
Ой, у моево лады ми<лого>
Ой, ево крутую моги<лушку>,
Ой, да и гробовую доще<чинку>... (№ 14)
Дуйте-ко, витерочки, да
Со восточную сторону! да
Подымисе, погодушка, да
Накатись переваолушка! дак... [4 № 54]
*(записано в д. Пятовская Шебенгского с/с
(Кокшеньга) Вологодской обл. в 1974 г.)*

или

Из-за лесу ту темного, да
Из-за моря-то си ох него
Накатись, туча гро...ох...зня, да
Перевала та си...ох...ня!
Расступись, мать ох...земля, да
Расколись, гробова...ох...доска! Да
Из-за моря-то си...ох...него, да
Из-за волоку да...ох...льного, да
Дуньте, ветры те буй...ох...йные! Да
Уж вы сдуньте, ветры...ох...буйны, да
Тонкое полоте...ох...нышко у
Схожа красного со...ох...нышка, да
У корьминеца ба...ох...тюшка, да
Со лица-то бума...ох...жного... [4: № 57]

*(записано от М.Н. Чичериной в д. Евсеевская
Озорецкого с/с (Кокшеньга) в 1967 г.)*

Ср.:

И накатись-ко только, ту...уча тём(ы)ная,
И задожджите, мелки ча...асты дож(ы)дички!
И размочите-ко да ма...ать сыру землю.
И расколись-ко тут, да гро...обова доска!
И стань по-прежнему да ты... (ы), по-старому,
И на свои да только но...оги рез(ы)вые... (№ 18)

Уж от(ы)колис(и) ты, земля ма...ат(и) сыра,
А уж ты от(ы)крой(и)се-ко, да гро...обова доска,
Вы роз(ы)мах(ы)нитес(и)-ко, да бе...елы са<ваны>

(№ 21)

Я спушшу да свой жесен голос
Высоко да по поднебесью,
Широко да по Святой Руси,
Глубоко да в мать сыру землю.
Подынись-ко ся, погодушка,
Поразвейте-ко желты пески,
Пораздвинте мать сыру землю,
Пооткройте гробову доску,
Пораскинте тонки саваны.... [16: № 332: 396]

*(записано от Л.А. Шарашевой из д. Тереховой-
Малаховой, Мишутинской вол. Белозерского уезда в 1908. Произносится на 9-й
или на 40 -й день.)*

Ср.:

Уж накатитесь вы, да тучи грозны,
Уж тучи грозны да непрозорны,
Уж и со буйными да со ветрами,
Уж и со частыма да со дождями,
Уж и расколись-ко ты мать сыра земля,
Уж раскройся, да гробова доска,
Уж и размахнись-ко да полотенышко,
Уж разбудись-ко, да родна матенка... [9]

*(записано от Кузнецовой В.А. вд. Церкова Гора
Карпогорского с/с в 1972 г.)*

Обращение к стихиям или божественным силам с просьбой раскрыть могилу часто сопровождается *просьбой оживить умершего:*

А попрошу я тол(и)ко, бед(ы)нушка,
Ой, П(ы)рисвяту С(ы)вет(ы) Богородицю:
Ой, тол(и)ко дай-ко тебе Господи,
Ой, в резвы ножен(и)ки хоженъицѣ,
Ой, во белы г(ы)руды з(ы)дыханъицѣ,
Уж(ы) во яс(ы)ны оци гляженъицѣ,
Ой, во уста-ты говоренъицѣ... (№ 1)

Ср.:

Опуститесь с неба, ангелы,
Вы вложите в тело душеньку,
В оци ясные гляденьице,
В резвы ноженьки ходеньице,
В белы руценьки влоденьице,
В ретиво сердце жаленьице... [16: № 332: 396]

*(записано от Л.А.Шарашевой из д. Тереховой-
Малаховой, Мишутинской вол. Белозерского уезда в 1908 г. Произносится на 9-й
или на 40 -й день.)*

Ср.:

Как подымись, да туча грозная,
Упади, да с неба камушек,
Расколи-ка гробову доску,
Вы слетите с неба, ангелы,
Положите в тело душеньку,
В резвы ноженьки ходинъице,
В белы рученьки маханъице,
В очи ясные гляденьице,

Во уста да говореньице,
Как иди да лада милая,
На сегодняшний день поминочный. [Сб. Белозерье.]
(Произносится на 9-й, 20-й, 40-й день по приходе
на кладбище Записано от А.А. Лукичевой, д. Пятницы Белозерского района
Вологодской области в 1988 г.)

Третья тема может продолжать первую, минуя вторую, представлять редуцированную или амплифицированную форму причета, что зависит от мастерства исполнительниц и местной традиции в развитии темы. Мы специально дали значительное количество вариантов воплощения этих тем, чтобы показать, насколько устойчив характер образности и сочетаемости мотивов. Можно предположить, что сравнительно малая вариативность этого тематического блока, стабильный состав мотивов в него входящих, обширная региональная сфера распространения объясняется не только архаичностью его содержания, но особым строением, — ориентацией на заговорную структуру. Ступенчатое сужение как прием композиционного строения, столь распространенный в заговорах, находит здесь свое оптимальное и мотивированное выражение в апелляции к стихиям с просьбой разрушить последовательно преграды между мертвым и живым.

Формулы “я развею-то горе, рассыплю” и “как раскину я да очи ясные” и их вариации, принадлежащие миру личных переживаний и действий плачущей, сдублированные действиями стихий “расколите гробовы доски”, “рассыпьте по песочикам”, становятся своеобразной формой психологического параллелизма. Данные через побудительные формы как последовательность и через композиционные — как одновременность, они передают ощущение космичности, масштабности личного горя, распространяемого на весь мир.

Этот тематический блок формул часто завершается близкой к сказочным формулой- заклинанием “стать по-старому, по-прежнему”:

*И расколись-ко тут, да гро...обова доска!
И стань по-прежнему да ты...(ы), по-старому,
И на свои да только но...оги рез(ы)вые... (№ 18.*

Поэтический комплекс поминальной причети содержит еще одну тему, которая по-разному осмысливается даже в близких региональных традициях, но закономерно завершает сюжет “возвращения” умершего к живым. Это *приглашение к умершему посетить праздник, пир*. Здесь тема “ожившего покойного” получает дальнейшее развитие:

О-ёй-ёй, да м(ы)не с(э)казали, горю...ушеце,
О-ёй-ёй, да т(ы)вой(и) кор(и)минец-от(ы) ба...атуш(ы)ко
О-ёй-ёй, й-он(а) по с(е)вятому-ту бу...уеву
О-ёй-ёй, дак(ы) й-уш(ы) й-он(ы) ходит(ы), шата...аит(ы)це,
О-ёй-ёй, да й-он(ы) меня добира...аит(ы)це... (№ 16)

В причитаниях отражен обычай помянуть покойного ритуальной едой на кладбище. И поэтому кажется вполне оправданным призыв к покойному принять участие в трапезе:

Мы п(ы)риш(ы)ли ле <к> тебе, п(ы)рие<хали>
И уж как(ы) поз(ы)ват(и) тебя да по...обуди<ти>
А уж как(ы) на...(а) т(ы)вой-от(ы) ле да но...он(и) обед.
А там(ы) на...ас(ы)тав(ы)лёны столы...(ы) дубо<вые>,
А уж там(ы) на...аношоны да пи...ит(и)я-ку<шанья>...
(№ 21)

Но здесь пир, обед приготовлен именно покойному, он ледяной, хо-лодный, снежный, что возвращает к событиям начала похоронного обряда в интерпретации причета:

Уж(и) будё в том ды уг(ы)лу пустёшенько,
Уж как в другом(ы) да холоднёшен(и)ко,
Уж как в третьём-то — снежки белыи... (№ 5)

С другой стороны, покойного приглашают принять участие именно на *его* празднике:

Ой, как сегодняшним господним да божьим денечк<ом>
У ней будёт там большое да пированьница,
А приглашает тебя на дом во хоромная строеньница.
А там поставлены всё столы да всё дубовые,
Там стоят да ли што ли закусочки медо<вые> —
Ой, ей сегодня как был будет день рожженьиц<а>... (№ 4)

Впрочем, общерусский обычай поминать покойного едой не только на кладбище, но и в доме находит свое специфическое выражение, например, на Вологодчине. Так, в Белозерском районе покойника приглашают в дом на поминки отнюдь не метафорически:

“В урочные дни человека (9-й, 20-й, 40-й) идут на кладбище и “приводят” покойника, приглашают в дом и усаживают за стол. И те, кто приводит, и те, кто встречают — причитают. Все эти дни моют в доме полы и топят баню. “Зовут покойника мыться, кладут ему на лавку чистое белье и подушку. Подождут, когда он помоеется, потом моются сами” [14: 169].

Конечно, нельзя сказать, что причитания впрямую описывают происходящее в акциональном плане ритуала, скорее, они переинтерпретируют общий символический код традиции в поэтических терминах, но нельзя и согласиться с мнением, что “если покойник появляется среди живых (например, в поминальной обрядности, в быличках и подобных текстах), его путь остается в сфере представлений и не получает ритуального оформления” [3]. Вполне возможно, что поэтическая практика могла актуально сохранить достаточно архаические мировоззренческие стереотипы, поскольку вербальный план традиции не менее направлен на ее поддержание, чем акциональный. Хотя следует соблюдать известную корректность, помня справедливое мнение А.Н.Веселовского, высказанное в одной из его малоизвестных статей: “Семантически и по составу своих стереотипов похоронный обряд и верования, связанные с обрядом, значительно архаичнее причитаний, хотя и составляют с ними ритуальное единство. Общая закономерность заключается в том, что различные компоненты ритуального комплекса могут развиваться по своим законам и в своем темпе.” [Цит. по: 13: 438]

Функции поэтического языка в похоронном причете.

Пожалуй, нет другого такого фольклорного жанра, в котором личные переживания человека, входящего в отношения с иной реальностью, были бы столь глубоки и поэтичны. Только заговор мог бы иметь такую преображающую мощь, если бы он, также как причитание, был освящен искренностью человеческого переживания и силой душевного сострадания. Чем же объяснить такую необыкновенную выразительность похоронного причитания?

Конечно, прежде всего спецификой его ритма, рисунком его поэтической мелодики¹ и образностью его речи.

Первое, что обращает на себя внимание в поэтике похоронного причета, — это метафоризация речи. Все исследователи отмечали, что метафоризации в причете подвергнуты не только основные мировоззренческие понятия и представления, такие, как жизнь, смерть, горе и т.д., но и социальные отношения и реалии бытового уклада. Переименовываются и сами участники событий и их действия, переобозначаются время и пространство. Метафорические замены для называния дома, гроба, хозяев, их родственников составляют здесь канонический план традиции. В приводимых текстах они достаточно очевидны. Так, лирическая героиня причета имену-ет себя *беднушкой, бедной горюшицей, горе-горькой, горемычницей, кукушицей, кручинной головушкой*, мужа, хозяина — *великим желаньцем, желанной ладой, законным семеюшкой, милым ладой, роженным сердеченьком*, родственников — *породушкой родовитой*, детей — *скаченными жемчужинками, сиротиночками горькими*, девушку-невесту — *белой лебедушкой*, соседок — *белыми лебедями*, деньги — *казной бесценной*, последний путь — *торной дороженькой*, поминание — *днем рожденьица* и т.д.²

Принято связывать метафоризации текста в похоронных причитаниях со страхом перед негативным влиянием смерти, верованиями в особую магическую силу слов, означающих что-либо опасное, дурное, несчастное. Д.К.Зеленин, подробно рассмотревший способы поименования, точнее, — переименования слов, содержащих эти коннотации, в книге “Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии”, писал, что “в запретах произносить имя умершего, а особенно в запретах говорить или даже вспоминать об умерших вообще отражено представление, что смертное начало может перейти через имя покойника к говорящему.” [б: 143-154] Первые представления сохранились и в обрядовой деятельности восточных славян. Через произнесение имени, как части человека, по законам симпатической магии беда, несчастье может оказать влияние на окружающих, и посему

¹ См. об этом статьи А.Ю.Кастрова, Ю.И. Марченко, Е.В. Хворостьяновой в настоящем сборнике

² См. список метафорических замен, использованных в текстах данного издания в Приложении

метафорическое обозначение представляет собой оберег своего рода. Называние гроба “домом”, умерших — “родителями” (см. *родитель-батюшко* и *родитель-матушка* в наших причитаниях), детей — “жемчужинками” и т.д. вполне отражают эти представления. Конечно, в ряде регионов актуальность таких верований утрачена (например, в печерской традиции¹), но в целом для севернорусской традиции она остается продуктивной [12: 12-12].

Одной из основных черт мифопоэтики причета является употребление эпитетов. Практически каждому понятию, предмету, лицу дается уточняющее, поэтическое или метафорическое определение. Некоторые из них связаны с приведенной выше функцией метафоры, другие передают эмоциональное состояние вопленицы или содержат экспрессивную оценку². Большинство соответствует устойчивым общенациональным или региональным традициям употребления. Так, вода всегда *ключевая*, молодец всегда *добрый*, вино всегда *заморское*, ночь *темная*, лебедушка *белая*. Можно сказать, что для похоронной причеты использование эпитетов имеет тотальный характер. Причетница как бы стремится обозначить каждое явление, дать ему эмоциональную оценку. Отсюда часто эпитеты нагнетаются в обозначении разных предметов или понятий: “удалой добрый молодец”, “сегодняшняя темная ночь” “прекрасное людное слезливое кладбище”, “свое да сердечно дитяtko” и т.д. Наиболее распространены разнообразные пары эпитетов, что позволяет не только выстроить образную структуру строки, но и за счет структурной синонимизации поддержать развитие эмоциональной композиции причета. Вообще парность словоупотребления является характернейшей чертой причета. Многочисленные и разнообразные парные сочетания переполняют причетные тексты³. Они служат особой функции — абстрагированию и типизации понятий. Сдвиг смысла, который происходит при употреблении таких сочетаний, как “кормил да поил”, “не побоялись да не пострашились”, “крутая гора да высокая”, по пути да по дороге”, “пора-времечко” не позволяет значению застыть в одном качестве. Смысл как бы вибрирует,

¹ См. описание похоронного обряда: [9: 135-138].

² См. список эпитетов, используемых в публикуемых текстах в Приложении.

³ См. список парных сочетаний в публикуемых текстах в Приложении.

движется в вечном выборе точного слова для выражения эмоционального состояния плачущей. Другая функция этого приема — мнемоническая. Формулы выстраиваются в бесконечные параллельные сочетания, поддержанные синтаксическим параллелизмом, они облегчают запоминание и сотворение импровизационного текста. Так, можно сказать ”в мою грудь вздыханьице”, а можно — “к ретиву сердцу разрыванице”, а можно объединить их в параллельные конструкции:

Уж поприбавил он да мне-ка горюшка,
Уж во мою-ту да грудь вздыханьица,
Ой, к ретиву серьцю да розрывани(и)ца,
Ой, горючи слезьми да у...утирани(и)ца... (№ 20)

Скрепление параллельных конструкций, сведение их к единому объемному образу происходит и за счет усиленной суффиксации, которая придает текстам не только внешнюю, но и внутреннюю рифму. Слова рифмуются между собой не только внешним образом. Благодаря уменьшительно-ласкательным суффиксам, заполняющим строфы и строки, они пронизываются единым чувством сострадания. Поддерживая повторяющиеся музыкальные ритмические формулы, слова становятся единым образом плача, единой открытой эмоцией, уходящей в вечность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азадовский М.К.* Ленские причитания. Чита, 1922.
2. *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993.
3. *Байбурин А.К., Левинтон Г.А.* Похороны и свадьба (2) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М, 1990. Цит. по: [8: 114]
4. *Ефименкова Б.Б.* Севернорусская причеть. Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшеньги (Вологодская область). М., 1980.
5. *Зеленин Д.К.* Очерки русской мифологии. Вып.1.: Умершие неестественной смертью и русалки. Пгр., 1916.
6. *Зеленин Д.К.* Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Запреты в домашней жизни // Сб. МАЭ, 1930. Т. IX.

7. *Невская Л.Г.* Концепт “гость” в контексте переходных обрядов // Символический язык традиционной культуры. Балканские чтения, вып. 2.
8. *Невская Л.Г.* Семантика дороги и смежных представлений в погребальном обряде // Структура текста. М., 1980.
9. Обрядовая поэзия Пинежья. Материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области в 1970-1972 гг. М., 1980.
10. Песни, собранные П.Н.Рыбниковым (в 3-х томах) // Изд. подг. А.П.Разумова, И.А.Разумова, Т.С.Курец. Петрозаводск, 1991.
11. Печорские былины и песни. / Зап. и сост. Н.П.Леонтьев. Архангельск, 1979.
12. Причитания. / Изд. подг. К.В.Чистов, Б.Е.Чистова. Л., 1960.
13. Причитания Северного края, собранные Е.В.Барсовым. Т. 1 “Похоронные причитания” / Изд. подг. К.В.Чистов, Б.Е.Чистова. СПб., 1997.
14. *Разова И.И.* Похоронный обряд Белозерского района Вологодской области // Белозерье: Историко-краеведческий альманах. Вып.1. Вологда, 1993.
15. Русские плачи (Причитания). / Ред. текстов и прим. Г.С.Виноградова. Вст. ст. Н.П.Андреева и Г.С.Виноградова. Л., 1937.
16. Сказки и песни Белозерского края / Зап. Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.

Е.В. Хворостьянова

Стих причитаний Русского Севера и проблема описания народного стиха

В последние десятилетия¹ в изучении речитативного и песенного стиха причитаний, былин, исторических и лирических песен отчетливо обозначились два основных направления, опирающиеся на различные представления о природе ритма музыкально-словесных произведений фольклора и использующие различные методики описания ритмических структур. Первое, развиваемое, главным образом, музыковедами, исходит из приоритетной роли напева, подчиняющего себе и предопределяющего ритмическую организацию словесного плана. Структурной единицей считается “мелострока” [22: 196], “музыкально-словесная тирада”, “мелотирада”, “ритмотирада” [3: 177], предполагающая соответствие слоговых и акцентных параметров текста музыкальной фразе; в качестве базы словесного ритма рассматривается “нерасширенный стих” (т.е. стих без вставок и повторов) [2: 94-139]. Второе направление, преимущественно “филологическое”, исходит из признания относительной автономности словесного и музыкального ритмов и возможности их первоначального изучения по отдельности [52]. Структурной единицей считается речевой отрезок, границы которого заданы интонацией; ритмические характеристики устанавливаются с учетом всех составляющих словесного наполнения стиха² либо по так называемому “чистому текстовому аналогу” [5: 37] (т.е. тексту без повторов и “наполнительных частиц”).

Предметом настоящего описания является ритм словесного текста³. Его анализ проводится с опорой на звучащий текст (принимаются во внимание дополнительные признаки — прежде

¹ Об истории изучения народного стиха и основных филологических теориях см.: [46: 17-135]; [50: 23-56]; [9: 7-14]

² Исследования Н.С.Трубецкого, Р.О.Якобсона, М.Л.Гаспарова.

³ “Музыкальная” интерпретация стиха причитаний Русского Севера представлена в настоящем издании статьёй А.Кастрова и Ю.Марченко.

всего акцентологические, — которые обретает причитание в интерпретации исполнителя)¹.

Как известно, интонация плача, лежащая в основе напевов и речевых интонаций причитаний [33: 19-20, 58-60, 65; 20: 6-15], формирует характерные стиховые признаки, присущие как речитативной, так и песенной форме жанра. Прежде всего, это отчетливые границы между стиховыми единицами, отмеченные глубокими паузами², нередко дополнительно усиленные словообрывами, переходом от речитатива или пения к проговариванию последних слогов (обычно шепотом) или реальному плачу; анафорические возгласы (*ой, ай, уж*) или причислительные союзы и частицы (*и, уж, да*). Таким образом, интонационно заданное отчетливое членение текста на речевые отрезки осуществляет собственно стиховую организацию.

Главная проблема описания стиха причитаний, как и народного стиха в целом, состоит в выявлении метра — закона, определяющего строение стихотворной строки и осуществляющего соизмеримость и соотносимость стихов. Традиционно стих причитаний рассматривается как типичная форма речитативного стиха, реализованная также в эпических жанрах былины и исторической песни — “трехударный (либо двухударный) с постоянным положением первого и последнего ударения (анapestическая анафора и дактилическая клаузула) и относительно свободным расположением ударных и безударных слогов между ними.” [44: 41] По предположению Н.Трубецкого и Р.Якобсона, такой стих развился из общеславянского изосиллабического стиха [39: 352-358; 54: 414-463] в трехиктный тактовик [9: 10-42] или акцентный стих [39: 355-357]. Тонический строй стихотворной строки принято описывать по аналогии с известными размерами литературного стиха, выделяя в качестве наиболее характерных ритмических воплощений устойчивой меры 4-6-стопный “хорей”³, 3-6-стопный “ямб”, 3-стопный “анapest”, 3-иктные “дольники” и “тактовики”; стихи, не

¹ Наряду с направлением исследования это обстоятельство объясняет расхождения слогоритмических и акцентных характеристик текста в настоящей статье и в статье А.Кастрова и Ю.Марченко.

² В редких случаях паузами отмечены пары или тройки стихов, произносящихся на одном дыхании, но и здесь стихоразделы четко обозначены интонационными кадансами.

³ Р.О. Якобсон рассматривал 6-стопный хорей в качестве характерного размера похоронного причитания [53: 429-433]

укладывающиеся в эти схемы (по общему объему или объему интервалов) считаются аномальными [9: 21-22]¹. Такая методика описания народного стиха сложилась в результате исследования записей, обычно не фиксирующих все ударения, расставляемые исполнителем. Иными словами, акцентная мера народного стиха извлекается из письменного текста путем унификации различных ритмических структур, приведения их к общему “метрическому знаменателю”.

Звучащий текст обнаруживает гораздо большую сложность тонической организации (появление регулярных ударений в “анакрузе”, нулевые интервалы между двумя сильными ударениями, два ударения в одном слове и т. д.). В аудиозаписях былинного стиха А.И.Зайцев обнаружил аналогичное явление: “постоянные иктусы на первом и на последнем слоге строки, нередко метрически немотивированные икты в середине строки, так что в реальном произнесении стих оказывается 5-6-иктным.” [19: 200]

Причитания русского Севера демонстрируют, что “отступления” от основного “метра” стиха могут быть обусловлены как “продлением” строки по заданному порядку чередования сильных и слабых мест (например, появление одиночных стихов большей стопности или ударности) или тоническим уподоблением стихов (например, формирование тактовиковых структур с нулевым междуиктовым интервалом, благодаря которому осуществляется ударная эквивалентность с двусложниками и дольниками). Двойственный характер отступлений делает проблематичным само описание “метра”. Поэтому, опираясь на традицию условной квалификации народных стихов как “хореев”, “дольников” и т. д., мы используем более дробный принцип фиксации “метрической” структуры, рассматривая в качестве “дольников” стихи с ритмической *тенденцией* расположения иктов через один или два слога, в качестве “тактовиков” — стихи с интервалом от 0 до 2-х слогов. Слоговой состав стихов оказывается, тем самым, в гораздо большей степени связан с акцентным строением: тексты, в которых колебания слогового объема отсутствуют (№ 16) или минимальны (№№ 1, 13) дают наибольшую урегулированность тонического

¹ В дальнейшем стихотворные размеры будут указываться сокращенно: Х — хорей, Я — ямб, Дк — дольник, Т — тактовик; цифры обозначают стопность (количество иктов), например, Х4 — четырехстопный хорей, Дк3 — трехиктный дольник.

“метра”; там, где слоговой состав подвержен ощутимой динамике (№№ 7, 21), обнаруживается не только “разномерность”, но и наибольшее количество спорных для квалификации стихов. Средний слоговой объем стиха рассмотренных причитаний составляет 11,14 слога; общие данные о распределении разносложных строк приводятся в таблице 1.

Таблица А

Слог. объем Стихи	7	8	9	10	11	12	13	14-15	16-18	деф. стихи	Всего
Общее кол-во	2	11	38	291	145	76	106	65	7	3	744
%	0.27	1.48	5.11	39.11	19.49	10.21	14.25	8.73	0.94	0.4	100

Основной корпус стихов тяготеет к среднему объему 10-13 слогов; обращает на себя внимание редкое использование девятисложников, обычно не преобладающих в стихе причитаний, но как правило, более частотных¹.

Метрический состав анализируемых текстов представлен в таблице 2.

Таблица В

“Метры” Стихи	двух-сложн.	трех-сложн.	дольники	тактовики	спорные случаи и деф. стихи	Всего
Общее кол-во	289	12	361	23	59	744
%	38.84	1.61	48.52	3.91	7.93	100

В этих данных, полученных при использовании дробного описания “метрики”, показательными представляются низкая частотность трехсложников и спорных случаев. Скандовочный способ выделения условной меры (в некоторых случаях поддержанный

¹ Выборочный анализ 100 причитаний (60 текстов по изданию: [30], 40 текстов по изданию: [33]) обнаруживает в 32 текстах отчетливую опору на девятисложный стих.

декламацией исполнителя — отчетливыми каденциями или выкрикиванием слогов) подчеркивает опору стиха причитаний на двусложники и дольники, в совокупности охватывающие 87,36% стихов. Среди двусложников преобладающим размером является Я4 (около 18%); далее — по степени убывания — Я5, Х4, Х6, Х5. Основной корпус дольниковых размеров составляют Дк3 и Дк4 (36,42% стихов). Таким образом, более половины стихотворных строк соответствуют трем размерам (Я4, Дк3 и Дк4).

Характерной особенностью речитативного стиха принято считать двусложную анакрузу; эта тенденция прослеживается и в рассмотренных текстах, но проявляет себя именно как тенденция, поскольку в одних случаях анакруза получает регулярные отягчения, подчеркивающие начала стихов (№№ 11-17), в других оказывается подвижной (№№ 2-8)¹. В целом строгая заданность первого акцента (приходящегося на 3-й, 2-й или 1-й слог) отмечена в 11 текстах; остальные имеют размытую форму стихового “затакта”.

Большой упорядоченностью отличаются окончания: 89,11% стихов используют дактилические клаузулы (из них около 5% являются составными); отступления от дактилической каденции происходит, главным образом, в сторону сокращения объема заударной части (женские окончания встречаются в 42 стихах, гипердактилические — в 5-ти). Подобно дополнительному акценту на устойчивой двусложной анакрузе, дактилические клаузулы также могут получать регулярные ударения на последнем слоге (№ 11), опираясь при этом не на составные конструкции, а исключительно на скандовочный характер декламации.

Особую роль в структуре стиха причитаний играют так называемые “наполнительные частицы”. Независимо от филологической трактовки [32: 56; 46: 170-174; 15: 269-272] их ритмическая функция обычно определяется как факультативная. Они рассматриваются в качестве “внесмысловых” элементов, служащих “растягиванию” стихотворной строки [12: 60-61], “подстраиванию” словесного ряда к мелодии [1: 222; 21: 47-50], или рудиментарных “наполнителей” разрушенной изосиллабической базы [39: 356]. “Бессмысленность” таких вставок в причитаниях, на наш взгляд, сильно преувеличена. Во всех без исключения текстах междометия,

¹ Из 100 причитаний (см. предыдущую сноску) 64 включают в контекст двусложной анакрузы отдельные стихи с нулевой и 1-сложной, либо (реже) используют переменную анакрузу.

союзы, союзные частицы выступают в двух устойчивых функциях: лирического возгласа плача (*ой, ой да, ой-ёй-ёй, ух и ти мине*) и эпического присоединения, часто — перечисления (*и, да, уж*). В некоторых случаях (особенно на начальной позиции стиха) эти функции тесно переплетаются. Метрическая роль указанных элементов связана не столько с определенной слоговой или акцентной структурой стиха, сколько с отчетливым тяготением к расположению вначале или середине стиха (границе полустиший)¹. Опосредованно влияние на метрическую организацию текста прослеживается в усилении корреляции стихов, где синтаксический параллелизм подчеркнут использованием “наполнителей”:

...Ой к ретиву серьцо да розрываниця
Ой горюци слезми да утираниця... (№ 20)²

В подобных случаях регулярные ударения слышатся более отчетливо.

Основной корпус стихотворных строк поддается описанию через тоническую систему вне зависимости от избранного принципа вычленения метра (с учетом регулярных ударений текста или с учетом всех ударений, расставляемых исполнителем), поскольку отступления от тонических метров не превышают 8%³. Однако ритмические структуры “хореев”, “ямбов”, “дольников” и “тактовиков” причитаний заставляют усомниться в корректности квалификации народного стиха как чисто тонического. Тоника анализируемых текстов имеет свои специфические особенности. Так, например, Я4 из восьми теоретически возможных реализует лишь четыре ритмические формы (I, II, IV и VI):

...Дак ма`ло спа`ла мно`го ви`дела...⁴(№2)
...А попрошу` я то`лько бе`днушка...(№1)
...Ой ре`звы но`жки подломи`лисе...(№1)

¹ Аналогичное явление в строфической организации песенного стиха отмечено Е.Б. Артеменко [1: 220-222].

² Тексты причитаний даются в редакции автора статьи. (Прим. ред.)

³ Верхнюю границу отступлений от основного метра современное стиховедение устанавливает в 25% [34: 8]. Статистическое описание былин, предпринятое М.Л. Гаспаровым, выявляет в среднем 18,5% “внесхемных” строк в 50 гильфердинговских былинах [9: 23] и 20,2% строк в сборнике Кирши Данилова [7: 439].

⁴ Для обозначения главного ударения используется знак (`), второстепенного — знак (``). (Прим. ред.)

При этом 1-я (полноударная) форма даже с учетом слабых ударений составляет около 16%. Аналогичным образом стихи, обычно квалифицируемые как хорейческие (Х4, Х5, Х6), лишь в исключительных случаях обнаруживают двусложную метрическую базу. Ритмическая кривая “хореев” и “ямбов” показательна не столько реализацией закона регрессивной акцентной диссимилиации, действующего и в литературном стихе [36: 369], но, прежде всего, стопроцентной ударностью сильных иктов¹. Если так называемые “пропуски метрических ударений” могут быть объяснены для двусложников взаимодействием ритмических свойств языка и метрического закона, то функционирование сильных иктов как констант народного стиха указывает не только на его специфические отличия от стиха литературного, но, прежде всего, на наличие особого ритмического закона, не вытекающего из природы языка, но лежащего в основе народного стиха. Так, для пяти размеров, общих литературному и народному стиху, распределение констант, доминант и тенденций выглядит следующим образом:

	Литературный стих	Народный стих
Х4	х ∪ х ∪ х ∪ — (∪ ∪)	х ∪ — ∪ х ∪ — (∪ х)
Х5	х ∪ х ∪ х ∪ х ∪ — (∪ ∪)	х ∪ х ∪ — ∪ х ∪ — (∪ х)
Х6	х ∪ х ∪ х ∪ х ∪ х ∪ — (∪ ∪)	х ∪ — ∪ х ∪ — ∪ х ∪ — (∪ х)
Я4	∪ х ∪ х ∪ х ∪ — (∪ ∪)	∪ х ∪ — ∪ х ∪ — (∪ х)
Я5	∪ х ∪ х ∪ х ∪ х ∪ — (∪ ∪)	∪ х ∪ — ∪ х ∪ х ∪ — (∪ х)

Все эти формы народных “хореев” и “ямбов” могут быть рассмотрены как частные случаи 2-х и 3-х-иктного тактовика (М.Л. Гаспаров); с другой стороны, возможность появления “сверхсхемных” ударений позволяет свести часть “дольниковых” и “тактовиковых” форм к пяти указанным моделям (например, тактовик 2.2.0.2 рассматривать как частный случай Х4 или дольник 1.1.2.2.2 как реализацию модели Я5), а несводимые — трактовать в качестве “неправильных” структур, возникших в результате исторических изменений в языке и приведших к расширению или сужению междуударного интервала на один слог (Н.С.Трубецкой, Р.О.Якобсон). Но тяготение к устойчивым ритмическим моделям

¹ Ср. аналогичные данные по Х6 [35: 369] и Х4 [4: 194].

проявляется и в использовании конструкций с разным объемом междуударных интервалов. Так, например, в тексте № 12 из 29 стихов 25 представляют собой логоэд (2.1.2.2), то есть основаны не на “колебании” интервалов, но на заданном для всего текста повторе интервалов разного объема. Даже в тех случаях, когда определение размера оказывается проблематичным (большое количество аномальных строк), мы наблюдаем не колебания междуиктовых интервалов, допускаемых лишь в акцентном стихе, но комбинацию устойчивых ритмических форм, отчетливо выявляющих свою логоэдическую структуру. Одной из них является так называемый “анapesto-ямбический” стих былин, исторических песен и причитаний, — 2.1.2.2 (*Ой уж ты` роди`мой жо бра`телко*). В нашем материале стихи такой ритмической структуры составляют 16,4%. Среди других устойчивых типов можно выделить Дк4 — 1.1.2.1.2 (*Уж все` скопи`лисе лю`ди до`брые*), 2.1.2.1.2 (*А ты во` леса`ти да во` шуме`лые*), 1.1.1.2.2 (*А ка`к не вы`шол ди`тя середе`чное*) и 2.1.1.2.2 (*Уж тебя` не во` пору` да не во` времё*). Пять указанных ритмических формул охватывают почти треть стихов (32,7%), т.е. больше, чем любой условный “размер”. Показательным представляется и то обстоятельство, что именно указанные структуры превалируют в “монометрических” текстах и обычно интерпретируются как “нарушения”, “отступления” от основного размера, например, 1.1.2.1.2 в контексте двусложника с переменной анакрузой (№° 8) (*Уж все` сусе`дски-то ма`лы де`тушки*) или 2.1.2.2 в контексте Я4 (№1) (*Уж во я`сны о`чи гляже`ньице*).

В формировании устойчивых “логоэдических” стихов, функционирующих не как ритмические варианты размера, но как целостные единицы меры, существенную роль играют грамматические формы и причудливая акцентуация причитаний¹. При одинаково допустимой с языковой точки зрения и узаконенной практикой народного стиха полной и краткой форм прилагательных их выбор далеко не всегда соответствует требованиям “размера”. Так, например, в тексте (№ 6) с отчетливой двусложной инерцией на фоне стилистически закрепленной нормы кратких прилагательных (*ветры сильны, сыра земля, гробова доска, тело мертво*) появляется полное прилагательное, “нарушающее” двусложную меру, а точнее, включающее в чередование двусложных ритмических форм

¹ Об особенностях словообразовательных и акцентных вариантов в народном стихе см., например: [46: 201-221; 51: 39-110, 316-343; 15: 215].

логаэдическую структуру, часто используемую в причитаниях (в том числе и в качестве основной ритмической модели текста), — 1.1.2.1.2 (*Да на` сафья`новыи` сапо`женьки*). “Подвижные” ударения в причитаниях используются не только для “укрепления” заданного ритма (*Уж как в третьем-то сне`жки белыи; И о`тдав жизнь свою да не жалеючи*), но также для ритмического расподобления аналогичных языковых структур:

...Тебе го`сть — да во бо`льшом углу
Тебе це`сть — да за стола`м сидеть... (№ 6)

Нередко сдвиг ударения формирует ритмические структуры, не столько проясняющие метрическую базу, сколько делающие ее выявление еще более проблематичным, например (№ 14):

...Ой, дак уж накатись туця` гро`зная...

С другой стороны, отказ исполнителя от переноса ударения воспринимается с точки зрения литературного стиха как недопустимый ритмический перебой — переакцентуация, в то время как в большинстве случаев он лишь вводит один из устойчивых “логаэдов”. Например, строка *Й-она` найде`т му`жа зако`нного* в контексте Я4 (№ 1) реализует типовой прием акцентного выделения цезуры. Ср. с неямбическим девятисложным стихом (№ 14):

...Ой уж со` тово` све`ту бе`лого
Ой видно` ушо`в ла`да ми`лая
Ой ты о`т меня` от` горю`щицы...

В литературе, посвященной народному стиху, неоднократно отмечалась ритмообразующая роль “вставочных” частиц, призванных восполнить слоговой объем стиха или выровнять междуиктовые интервалы. Однако в ритмическом отношении их функция не столь уж однозначна. Тексты причитаний, в которых активно используются частицы, “отступления” от меры нередко вызваны отказом от них в отдельных стихах. Например, в контексте двусложного четырехударника (№ 3), насыщенного частицами *да, уж, как* и их сочетаниями (*уж как, уж и, да как*) их отсутствие в последнем стихе приводит к усечению размера на одну “стопу”:

...У тя` стоя`л роди`мый ди`тятко
Люби`мая неве`штушка (№ 3)

В другом случае (№ 4) седьмой по счету “хореический” стих обнаруживает, что “неровный” логаздический ритм предшествующих стихов сформирован именно частицами (*ой, да, на*); их исключение в стихах 3, 4, 6 дало бы отчетливый ритм X6. Именно “вставочные” частицы усложняют в большинстве случаев отчетливый хореический ритм, формируя одну из типовых логаздических структур, например, форму 2.1.2.1.2 из X5 (№ 5):

...Уж и што` ты кре`пко усыпи`ласе
Уж и на`меня` ды`прио`серди`ласе
Уж и на мо`е-ты ды`оскорбле`ньяця...(№ 5)

Анализ употребительности и распределения ритмических форм выявляет следующие тенденции, характерные не только для причитаний, но и в целом для народного стиха речитативного типа:

1) В “полиметрических”, а также в текстах с большим количеством аномальных строк всегда используется ограниченное число ритмических структур (например, по две ритмические формы Я4, X5, Дк4 и одна ритмическая форма Т4).

2) Используемые ритмические формы общи “монометрическим” и “полиметрическим” текстам, функционируют как целостные единицы¹, а не частные случаи стихотворного размера².

3) В большинстве случаев избранная исполнителем ритмическая структура дублируется следующим стихом или рядом стихов, фиксирующих заданный ритмический рисунок, например (№ 9):

¹ Здесь мы согласны с мнением А.Т.Хроленко о том, что “основной единицей стихотворно-песенного фольклора является строка, которая характеризуется музыкальной, просодической и синтаксической цельностью. Составляющей строки (...) является “поэтическая морфема” — аналог узуального слова. Осознание относительной самостоятельности таких “поэтических морфем” проявляется в ослаблении связи между ними, возможной дистактности и перестановке.” [42: 218]

² Устойчивый характер различающихся по слоговому и акцентному объему ритмических структур объясняет исключительную редкость “монометрических” фольклорных текстов, а также сильный разброс в слоговом объеме при устойчивости акцентов и разброс акцентов в фиксированных слоговых структурах.

...Уж о`т меня`-то моя` же ла`денька
Уж о`т свои`х-то дете`й рожо`ньких
Уж о`т свои`х-то дете`й же ла`деньких
Уж по` торно`й-то да по` доро`жечки
Уж по` слезно`й-то да по` тропи`ночки...

Отмеченные закономерности подтверждают мнения А.А.Рубцова, О.И.Федотова, С.И.Кормилова и других исследователей народного стиха, считающих, что фольклорные “ямбы” и “хореи” являются лишь подобием литературных, не имея с ними ничего общего, что квалифицировать ритмичность народного стиха “как силлаботонику или даже как стабилизировавшиеся ритмические формы тактовика (М.Гаспаров) мы не имеем права.” [41: 32; см. также: 2: 136; 26: 27-28]. В то же время устойчивый характер и ограниченное количество ритмических форм “хореев”, “ямбов”, “дольников” и “тактовиков” народного стиха не позволяют согласиться с альтернативными гипотезами о подчиненности словесного ритма напеву [1: 215-216; 29: 238-241] и о чисто языковой природе фольклорных ритмов [47: 227-238; 41: 7].

“Стопная” (“логаэдическая”) теория народного стиха, восходящая к В.К.Третьяковскому¹, в XX веке была подвергнута критике сторонниками тонической теории [38: 28-33; 16: 63-64, 215-217; 47: 17-34], являющейся в настоящее время наиболее авторитетной (исследования К.Ф.Тарановского, М.Л.Гаспарова, Дж.Бейли и др.). Возможность примирения этих теорий [9: 32] закономерно ставит вопрос о глубинных основаниях критики стопной теории при сохранении ее терминологии в описании конкретных ритмических структур². Вероятно, первым и главным основанием следует признать принципиальную установку тонической теории на абстрагирование ритмической структуры от конкретных единиц, ее формирующих, осознание метра как закона, определяющего строение всех стиховых отрезков текста [10: 6, 20]. Определение стиха как речи с двойной сегментацией, переориентация описаний с “горизонтального” среза на “вертикальный” определили поиск единообразия и в народном стихе. Общая просодическая база литературного и народного стиха не вызывает сомнений;

¹ “Новый и краткий способ к сложению российских стихов” (1735), “Мнение о начале поэзии и стихов вообще” (1752), “О древнем, среднем и новом стихотворении Российском” (1755).

² В работах В.М. Жирмунского, М.П. Штокмара, М.Л.Гаспарова и др.

конструктивная функция силового ударения в народном стихе подтверждается как экспериментальными исследованиями [30: 240], так и исполнительской практикой, активно преобразующей языковой ритм в стихотворный, главным образом, с помощью расстановки ударения (использование акцентных дублетов, сдвиги ударений с полнозначных слов на проклитики или энклитики, акцентное выделение двух и трех слогов одного слова). Но это вовсе не означает, что число ударений должно определять меру народного стиха. История европейских стиховых форм демонстрирует, что мера представляет собой не только и не столько число; мера — это прежде всего принцип эквиваленции отрезков речи, который определяет их сопоставимость как аналогичных стиховых единиц (внутренние созвучия аллитерационного и ассонансного стиха, конечные созвучия народного говорного стиха, анафоры и каденции молитвословного стиха, графика верлибра и т. д.).

Практика передачи опыта причета¹, сказывания былин, исполнения песен не предполагает рефлексии, в том числе и над ритмической организацией текста. “Отступления” от хореического ритма, описанные еще А.Ф.Гильфердингом², вряд ли можно объяснить ошибками исполнителя, вызванными сложностью принципа регулярной меры³ или историческими изменениями языка⁴. Сравнение фонограмм, выполненных от одной исполнительницы в разное время, позволило А.Ю.Кастрову выявить показательную закономерность связи между психофизиологическим состоянием и ритмической организацией текста: “эмоционально нейтральной манере исполнения (своего рода — интонированный пересказ) причитаний сопутствуют ритмические конструкции пиррихического и хореического типов. При этом обычно выдерживается одна, как правило, регулярно-метрическая форма слоговой ритмики. (...)

¹ См. об этом в статье С.Б.Адоньевой в настоящем издании.

² Былина в исполнении Абрама Евтихева “Добрынюшке-то матушка говаривала...”, которую Гильфердинг приводит в качестве примера наиболее отчетливого хореического ритма, дает примерное соотношение хореических стихов и “отступлений” 4:1 [1: 70-71]

³ В былинах и причитаниях поразительной представляется поистине виртуозная способность исполнителей *вернуться* к ранее использованным ритмическим структурам, от которых он “отступил”.

⁴ На наш взгляд, разрушение силлабической меры вследствие изменения слоговой структуры (концепция Трубецкого-Якобсона) и выдвигание ударных констант, поддерживающих мелодический контур, могло бы произойти лишь при жесткой (преимущественно письменной) фиксации текста.

Свобода выражения экспрессии в процессе исполнения обуславливает проявление ритмического разнообразия в серии причитаний, ритмической текучести в пределах одного текста, вариативности оформления однопозиционных стоп стиха.” [22: 196]. Таким образом, “адекватное” состояние исполнительницы причитания позволяет рассматривать ритмическое расподобление стихов в качестве нормы ритмической организации текста.

Опираясь на устный характер хранения и передачи фольклорного текста, выдвинем предположение, что в основе построения “вертикали” народного стиха лежит не один, а несколько структурообразующих принципов, действующих совокупно или поочередно, но выполняющих единую функцию установления эквивалентности речевых отрезков. Для проверки этой гипотезы выбраны семь параметров, каждый из которых, маркируя соседние стихи, способен организовать впечатление их подобия, эквивалентности:

1) слоговой объем (включает все слоги словесного текста, в том числе и скрадывающиеся при исполнении);

2) ударный объем (включает все ударения, расставляемые исполнителем);

3) анакруза (слоги до первого “звучащего” ударения);

4) клаузула;

5) конечная рифма (учитываются все типы созвучий, встречающиеся в литературном стихе);

6) анафора (в том числе и сдвинутая);

7) синтаксический параллелизм.

Стихи сопоставлялись попарно (1-2, 2-3, 3-4 и т. д.); те же самые параметры, формирующие эмбриональную строфику (например, правильное чередование анакруз или рифмы, отстоящие друг от друга на один и более стих) рассматривались как дополнительные способы ритмизации и при подсчетах не учитывались. Результаты обследования 715 пар стихов¹ отражены в таблице 3.

¹ Дефектные стихи из подсчетов исключены.

Таблица С

Пары стихов	Основные параметры						
	слог. объем	ударн. объем	анакр.	клаузула	рифма	анафора	параллел.
Общее количество	362	322	479	635	143	514	148
% от общего кол-ва	50.63	45.03	66.99	88.81	20.0	71.88	20.7

Среди параметров, рассматриваемых как собственно ритмические, на первое место по степени значимости в формировании вертикали стиха выходит клаузула (в отдельных текстах, например, № 14, она составляет 100%), затем следует анакруза (в некоторых текстах также доходящая до 100%). Эти наиболее устойчивые характеристики являются ритмическими дублетами интонации, наиболее отчетливо выполняющей членение текста на аналогичные отрезки. Обращает на себя внимание низкий процент ритмообразования, приходящийся на долю слогового и ударного объема. Нередко стихи с отчетливой силлабической константой стремятся к расподоблению в ударности (например, № 16, где регулярный 13-сложник в половине случаев дает расподобление ударности соседних стихов). В то же время в тонически наиболее организованных текстах (№ 1, 3) регулярность ударных структур не превышает 70%; повышение ее роли может быть связано как с усилением слоговой урегулированности (№№ 1, 3, 13), так и с ослаблением (№№ 20, 22). Минимальную степень соответствия по слоговому и ударному объему демонстрирует № 10. Речитативный стих причитаний принято считать нерифмованным¹, а эпизодически возникающие конечные созвучия рассматривать как следствие синтаксического параллелизма. По нашим подсчетам, лишь пятая часть всех стихов причитаний связана параллелизмом и рифмой, но не всегда эти два параметра проявляются одновременно. Синтаксический параллелизм может не вызывать созвучия конечных слов:

...Уж как в третьем-то снежки белые...
Уж как в четвертом печь кирпичная... (№ 5)

или

¹ См. определение речитативного стиха: [8: 237].

... Ух и ти мене я не могла досмо`трице
Ух и ти мене да не могла уви`дети... (№ 17)

И наоборот, рифма может связывать стихи различных синтаксических структур:

... Уж как пойдут только да уж скорохо`дны-ти
Уж скороходны-ти да парохо`дики... (№ 20)

Зависимость рифмы и синтаксического параллелизма от устойчивости других параметров не выявлена, поэтому следующим шагом в установлении корреляции соседних стихов стал подсчет количества параметров, осуществляющих связи между ними. Результаты обобщены в таблице 4.

Таблица D

Кол-во параметров	0	1	2	3	4	5	6	7
% к общему кол-ву стиховых пар	0.42	9.51	14.26	21.68	24.75	17.62	7.83	3.64

Помимо интонационного членения 99,58% стихов связаны одним или более параметрами. Так, эквивалентность стихов может быть осуществлена только с помощью выравнивания слогового объема:

...Уж ты пи`сьма-гра`мотки да не` напи`шешь
А бо`льше ве`ки тебя` на`м не ви`дети... (№ 22)

В качестве отдельных принципов корреляции могут выступать анакруза, клаузула, анафора, синтаксический параллелизм, но не ударный объем и не рифма; последние осуществляют свою функцию связи стихов только в паре с другими. Особая роль в формировании вертикали стиха принадлежит анафоре; более частотный чем анакруза словесный повтор нередко проходит через весь текст (см. №№ 9, 11-18) или большую его часть (№ 5). Как правило, анафора поддерживается анакрузой, реже — в случае сдвинутой анафоры — происходит их несовпадение. Общий принцип единоначатия (лексического и собственно ритмического) охватывает 92,66% стиховых пар.

Средней “нормой” объединения стихов в пары является опора на 2-5 параметров в различных комбинациях. Использование

некоторых параметров в качестве констант (№№ 11-19) повышает количество связей, но не определяет верхний предел корреляции. Так, например, в парном причитании (№ 15) при одинаковой устойчивости клаузулы, анакрузы и анафоры у первой исполнительницы резко повышен процент связи стихов по семи параметрам, в то время как вторая с одинаковой частотностью использует лишь 3, 4 и 5 параметров. Особенно характерным в плане подвижности принципов связи является № 10, где крайне низкие показатели устойчивости слогового и ударного объема, клаузулы, анакрузы и анафоры сочетаются с активной комбинаторикой, дающей в двух третях стиховых пар связи по 2-4 параметрам, треть стихов связана по одному переменному (!) параметру.

Таким образом, оперируя ограниченным количеством ритмически устойчивых логоэдических структур, исполнитель прочно связывает их 2-5 способами, причем в построении вертикали стиха “расподобление” соседних строк не менее существенно, чем их уподобление. Особенно ощутима эта ритмическая установка в отношении тех параметров, которые могут выступать в качестве константных (т. е. охватывать все стихотворные строки), — клаузулы, анакрузы и анафоры. Например, в № 9 одно из частотных слов, занимающих конечную позицию, введено с уменьшительным суффиксом, формирующим дактилическое окончание (*сердеченькой, сердешенька*); далее в трех стихах оно будет использоваться без суффикса (*сердечних, сердесьня, сердесьних*), давая женское окончание и осуществляя резкое расподобление стихов 48-49, 49-50, 57-58, 58-59, 60-61 и, напротив, связывая 59-60 стихи (аналогичен характер употребления грамматических форм *рожоненьких — рожоных*). В № 14 со стопроцентной устойчивостью анакрузы, анафоры и клаузулы соседние стихи последовательно расподобляются количеством слогов (1-2, 2-3), количеством ударений (5-6, 28-29), обращающих на себя особое внимание благодаря использованию аналогичных синтаксических конструкций.

В контексте прочных скреплений соседних стихов специальный интерес представляют три пары стихотворных строк, не связанные ни одним из выбранных параметров:

...Ай посмотри`-ка ты`` на поро`душку родови`ту
На свои`х-то ты`` жела`нных да ми`лых де`тушек... (№ 4)

...Осерди`лсэ уж огневи`лсе
А ты` не откры`л бо`льше да о`ци я`сные... (№ 21)

...А уж ка`к в то`м ле в саду` певу`чим
Одно` коку`шкино-то да кукова`ньицо... (№22)

Все пары отчетливо демонстрируют сильную синтаксическую связь стихов¹ и опору на характерные для причитаний словесно-образные формулы; во всех случаях расподобления связаны с возвращением к уже использованным ранее в данном тексте ритмическим структурам.

Полученные нами результаты позволяют сделать вывод о подвижности принципов скрепления стихов и внести некоторые уточнения в проведенный Р.О.Якобсоном анализ динамики различных вводов симметрии народного стиха [48: 106-118]. Ритмообразующая роль звуковой организации (в том числе рифмы) в причитаниях проявляется в качестве подчиненной или дополнительной; то же самое можно сказать о синтаксическом параллелизме, лишь в исключительных случаях не поддерживаемом другими принципами связи. Наиболее типичными способами скрепления стихов в северных причитаниях являются клаузула, анакруза и анафора. Серьезному объяснению подлежит довольно низкий процент связи стихов по акцентной характеристике и полное отсутствие в нашем материале случаев, когда количество ударений выступает в качестве единственного способа скрепления смежных стихов. На первый взгляд это противоречит определению речитативного стиха как тонического. Активное расподобление словесных акцентов требовало от исследователей народного стиха использования различных операций, унифицирующих и неизбежно искажающих реальное звучание стихотворных строк². Но тоника — это не обязательно изотонизм, что великолепно демонстрирует

¹ Расширенное определение параллелизма, предложенное Робертом Лаутом и использованное Р.О.Якобсоном для описания фольклорного стиха поглощает отмеченные исключения [47: 100]

² Вычисление “чистого текстового аналога” и “базового метра” без учета повторов и отклонений от преобладающей структуры ([51: 20-38; 4: 191-203; 5: 35-50] и др.); сведение разноударных стихов к общей формуле тактовика с произвольным разделением ударений на схемные и сверхсхемные ([9: 11-47; 7: 437-443] и др.); учет только тех ударений, которые совпадают с музыкальными акцентами ([2: 94-139; 21: 192-240]; статья А.Кастрова и Ю.Марченко в настоящем издании).

история русского литературного стиха. XVIII век, осваивающий и закрепляющий силлабо-тонику, активнее других размеров употребляет вольный ямб [11: 48], т.е. структуру, в которой отчетливо ощутима внутренняя (горизонтальная) мера, но резко нарушена соизмеримость стихов по числу ударений; в начале XX века утверждение акцентного стиха также связано с распространением разноударных конструкций [24: 62-74; 25: 101-108; 23: 64-71; 17: 539-568].

Современные научные исследования метрики народного стиха сохранили установку нормативных поэтик и риторик, традиционно объяснявших сложные структуры как комбинации простых или производные от простых. Дидактический метод, отождествляемый с ритмической моделью, заставляет осмыслять последнюю как иерархическую структуру, в которой метр выступает одновременно и в качестве инварианта, и в качестве порождающей модели. На наш взгляд, в историческом и функциональном плане следует различать две формы реализации системы стихосложения, которые можно условно обозначить как “перцептивную” и “апперцептивную”, предполагающие различные стимулы, порядок формирования ритмической структуры текста и характер его восприятия¹.

Апперцептивная форма стихосложения основана на отвлечении ритмической структуры от ее конкретной реализации (словесного наполнения, интонации, жанра и т. д.).² Ритмическое ожидание при восприятии текста ориентировано на появление *определенного* параметра или ряда параметров, заданных предшествующими стихами. Эффект обманутого ожидания интерпретируется как версификаторская оплошность, либо в нем усматривается художественный прием, связанный с общим поэтическим заданием. Перцептивная форма не отвлекает ритм от интонации; иными словами, Х4 в частушке и причитании будет восприниматься как две различные структуры (даже в случае совпадения их частных ритмических форм). Ритмическое ожидание ориентировано не на конкретные стиховые параметры, а на эквивалентность как таковую. При этом наличный фонд формальных стиховых

¹ Эти формы не обусловлены самим фактом наличия в словесной культуре оппозиции “стих” — “проза”; они могут существовать одновременно и давать различные установки одному и тому же реципиенту.

² Именно апперцептивный контекст позволяет ставить вопрос о приемлемости стихотворных размеров, их “соответствия” или “несоответствия” жанровому, тематическому, стилистическому плану произведения.

признаков, способных осуществлять построение вертикали текста, стилистически маркирован, но не типологизирован; маркированность отчетливо проявляется в тяготении фольклорных жанров и форм к преимущественному использованию определенных признаков (например, рифмы и инструментовки в пословицах, поговорках, частушках или повторов стихов и их частей в протяжной лирической песне и т. д.); отсутствие типологизации в процессе сложения и восприятия народного стиха обнаруживается как возможность использования *любого* принципа эквиваленции.¹

Анализ стиха причитаний подтверждает результаты исследования стиха частушки и пословицы, полученные Б.И.Ярхо [50: 137-167] и А.А.Жовтисом [18: 168-178]. В построении стиха частушки Ярхо справедливо усматривает проявление “компенсаторного закона” [50: 162-163], выражающегося в том, что ослабление связи между стихами и их группами по одному признаку сопровождается усилением по другому², закон ритмической компенсации активно проявляется и в апперцептивной форме литературного стиха, однако здесь он обнаруживает себя лишь в межтекстовой корреляции, не вторгаясь в ритмическую динамику целостного текста; оставаясь универсальным законом стиха, он перестает быть законом стихотворного текста. Перцептивная форма, основанная на принципиально иных представлениях о целостности, единичности, завершенности, полагает в основание стиха недифференцированный комплекс принципов эквиваленции, выступающих как ритмически равноправные. Обманчивое впечатление гетероморфности народного стиха (говорного, речитативного, песенного) возникает как результат отождествления количественных и функциональных характеристик, в то время как преобладание ударных, слоговых, фонетических, синтаксических и прочих видов повторов в различных формах народного стиха

¹ Вероятно, эта особенность народного стиха стала камнем преткновения в длительной, но безрезультатной полемике Б.П.Гончарова с М.Л.Гаспаровым и О.И.Федотовым о роли рифмы в речитативном и песенном стихе; неизменно присутствуя в песнях и причитаниях, отчетливо скрепляя стихи и полустихия конечными, начальными и внутренними созвучиями, народная “рифма” не распространяет принцип звуковой переклички стихов на весь текст. ([13: 7-14; 12: 41-76] и др.).

² Например, “там, где половины (строф — Е.Х.) связаны рифмой (...), они слабее связаны фигурами; там, где они рифмой не связаны (...), там фигурационная связь сильнее.” [49: 154].

осуществляет не собственно стиховую, а скорее жанрово-стилистическую функцию маркирования формы.

Тексты, порожденные в контекстах перцептивной и апперцептивной форм стихосложения создают ощущение тождественности ритмического строя и в плане анализа обнаруживают некоторые общие базовые основания ритма¹. Отступления от изотонизма в акцентном стихе Маяковского В.М.Жирмунский соотносил с музыкальным эффектом полифонии [17: 568]. Если полиметрия или гетероморфность² литературного стиха может быть охарактеризована по аналогии с музыкальными структурами как полифония, усваивающая нормы гомофонии и эстетически воспринимаемая на ее фоне, то функциональная подвижность стиховых признаков народной поэзии может быть соотнесена с явлением гетерофонии. В широком смысле принцип гетерофонии, понимаемой как “непреднамеренное многоголосие”, “случайная разноголосица” (Гвидо Адлер), лежит в основе сопряженности музыкальной, словесной и пластической форм развертывания фольклорного текста³. Но и будучи отвлеченной от мелодии и движения словесная структура сохраняет гетерофонный принцип свободного сочетания и функциональной однородности различных способов ритмизации. Подобно тому, как народное хоровое многоголосие в контексте профессиональной музыкальной культуры создает эстетический эффект изысканной полифонии, народный стих в контексте апперцептивной формы литературного стиха воспринимается как полиметрический, дисметрический, обладающий отчетливым ритмом, за которым лишь угадывается один или несколько “метрических” параметров. Продолжая музыкальную аналогию, мы могли бы соотнести схожие, но типологически нетождественные структуры народного и полиметрического литературного стиха с реализацией

¹ Р.О.Якобсон отмечал, что в акцентном стихе Маяковского, как и в русском народном стихе, ритмической единицей является “слово или словосочетание, объединенное одним динамическим акцентом.” [48: 103]. Дж. Бейли рассматривает в качестве одного из устойчивых размеров речитативного и песенного стиха двухиктный акцентный стих [51: 210-233]

² См. разведение понятий в [6: 99-109].

³ В литературе о народной поэзии неоднократно отмечались “несовпадения”, специфическая автономность мелодического и словесного рядов. См., например: [26: 45-46; 46: 139-221; 2: 98-104].

композиционных приемов простого и сложного контрапункта¹. Ритм народного стиха не архитектурен. Иллюзия архитектуры возникает как результат сопряженности автономных ритмических упорядоченностей; иными словами, стихотворная строка не является “рядом”, формируемым сочетаниями элементов (стоп, иктов), строфа также не является самостоятельным ритмическим целым, состоящим из двух или более стихов, они осознаются таковыми сквозь призму литературного стиха. Композиционное развертывание словесного ритма состоит в “сочетании”, “связывании” устоявшихся ритмических движений, не предполагая архитектурной завершенности². Апперцептивная форма литературного стиха исходит из архитектоники и стремится к ее воплощению, закрепляя ритмические функции элементов, дифференцируя ритмические планы текста, композиционно скрепляя их подчинительной связью.

Квалификация перцептивной формы как силлабической, тонической или квантитативной не требует сопряжения горизонтали и вертикали стиха. Принцип построения горизонтальных рядов является достаточным не только для восприятия перцептивной формы, но и для опознания ритмообразующей роли языковых единиц³. Представление о соотношении метра и ритма, выработанное на материале литературного стиха, заставляет определять структуры говорного, речитативного и песенного стиха по разным — наиболее частотным — признакам; таким образом, единый в своей просодии русский народный стих обретает в научных рефлексиях о нем разные принципы меры. Описывая морфологию сказового и молитвословного стиха, К.Ф.Тарановский пришел к выводу, что эти

¹ По определению Л.А.Мазеля, “сложным контрапунктом (...) называется одновременное сочетание мелодий, из которых может быть произведено новое сочетание тех же мелодий. Наоборот, простым контрапунктом называется одновременное сочетание мелодий, из которых не получается нового сочетания тех же мелодий.” [27: 298].

² Гетерофонию русской хоровой песни П.А.Флоренский осмыслял как “феоκραтическую синархию”, противопоставляя ее “юридизму Средневекового западного” и “просвещенному абсолютизму Нового времени”, соответствующих “стилю гармоническому”. [41: 30-31].

³ Первый опыт описания народного стиха, предпринятый В.К.Третьяковым, поражает филологической проницательностью, с которой автор сосредоточивает свое внимание именно на устойчивых ритмических моделях тонических стихов, подбирая в качестве примеров двустишия с повторяющимся (“логаэдическим”) характером расположения различных “стоп”.

две формы, два “размера” не противоречат друг другу [37: 377]: “Длинные строки молитвословного стиха также распадаются на два сегмента фразовой мелодии, и <...> могут приобретать симметричную синтаксическую структуру. А сказовому стиху, в свою очередь, не чужды анафорические зачины. Переход от одной ритмической структуры к другой фактически является переключением главного ритмического сигнала (сильного ударения) с начала строк на концы колонов и строк.” [37: 392] Общий тонический принцип построения горизонтали стиха¹ формирует единицу, подобные фольклорным формулам; закрепленные в культурном сознании как “поэтические”² формулы (т.е. имеющие “склад” и “лад”), в ритмически организованном тексте они комбинируются с использованием различных способов взаимного скрепления. Особенно ощутима эта логика построения вертикали стиха в случае обращения исполнителя к “универсальным” фольклорным формулам (т. е. таким, которые могут использоваться и в сказовом стихе прибаутки, и в заговоре, и в причитании, и в былине, и в протяжной лирической песне); при всей устойчивости своего ритмического строя они обретают в различных контекстах новые “стиховые” признаки (появление парной рифмы, распев слогов, близкую скандовочной интонацию и т. д.)³

Результаты предпринятого анализа стиха причитаний и предлагаемая интерпретация этих результатов позволяют усмотреть перспективы изучения народного стиха не в поиске метрической абстракции ритмических форм, а в типологическом описании устойчивых ритмических структур стиховых единиц и способов

¹ Двух-, трех- и четырехиктные конструкции стихов и полустуший типичны для сказового стиха пословиц, речитативного стиха былин и причитаний, песенного стиха частушки и частой песни.

² В научной литературе неоднократно отмечалась повышенная ритмическая урегулированность фольклорных формул и их влияние на ритмическую организацию стихотворных и прозаических жанров (см., например: [44: 336; 52: 147-166; 18: 205]. О формулах причитаний см. в статье Н.М.Герасимовой в настоящем издании.

³ Общее ритмическое строение фольклорного стиха аналогично ладовому строению народной песни, как его описывает Ф.Рубцов: “Народ не имел и не мог иметь научно разработанную систему ладообразования, на основе которой создавалась бы песня. Он мог иметь и имел лишь богатейший, веками складывавшийся опыт, в результате которого отстоялись и закрепились практически отдельные закономерности приемов использования выразительных средств и форм их организации.” [32: 9].

“сочинительной” связи, организующих их сопряжение в вертикали композиционного развертывания различных фольклорных жанров. Корректность подобного описания может быть обеспечена ориентацией на звучащий текст, поскольку исполнение в народном стихе является не интерпретацией ритмической структуры (как декламация литературного стиха), а одним из главных принципов, определяющих выбор и характер сочетания ритмических структур.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артеменко Е.Б.* Народно-песенный стих с точки зрения его мелодической и структурно-синтаксической организации // *Славянский стих. Стихovedение, лингвистика и поэтика.* М., 1996.
2. *Банин А.А.* К изучению русского народно-песенного стиха // *Поэтика и традиция / Фольклор-1981.* М., 1982.
3. *Банин А.А.* Слово и напев. Проблемы аналитической текстологии // *Образ и поэтическое слово в контексте / Фольклор-1984.* М., 1984.
4. *Бейли Дж.* Варианты свадебной песни “Лебедушка”: Ритмическая эволюция русского народного стиха // *Славянский стих: Стихovedение, лингвистика и поэтика.* М., 1996
5. *Бейли Дж.* Ритмическая структура одного лирического метра // *Русский стих.* М., 1996
6. *Бельская Л.Л.* О полиметрии и полиморфности (на материале поэзии С.Есенина) // *Проблемы теории стиха.* Л., 1984.
7. *Гаспаров М.Л.* Народный стих А. Востокова // *Поэтика и стилистика русской литературы.* Л., 1971.
8. *Гаспаров М.Л.* Народный стих // *Литературный энциклопедический словарь.* М., 1987
9. *Гаспаров М.Л.* Русский былинный стих // *Исследования по теории стиха.* Л., 1978.
10. *Гаспаров М.Л.* Очерк истории русского стиха. М., 1984.
11. *Гаспаров М.Л.* Современный русский стих. М., 1974.
12. *Гильфердинг А.* Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // *Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом.* Т.1, Изд.4-е. М; Л.,1949.
13. *Гончаров Б.П.* К проблеме истоков русского речевого стиха // *Контекст-1986.* М., 1987.

14. *Гончаров Б.П.* Речевое начало в народно-песенном стихе // Филологические науки. 1986.
15. *Евгеньева А.П.* Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII-XX вв. М; Л., 1963.
16. *Жирмунский В.М.* Теория стиха. Л., 1975.
17. *Жирмунский В.М.* Стихосложение Маяковского // Жирмунский В.М. Теория стиха.
18. *Жовтис А.А.* Стих в пословице // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития. М., 1985.
19. *Зайцев А.И.* Стих русской былины и праиндоевропейская поэзия // Русский фольклор. XXVIII. Спб., 1995.
20. *Земцовский И.* Русская народная песня. М., Л., 1964
21. *Земцовский И.* Русская протяжная песня. Опыт исследования. Л., 1967.
22. *Кастров А.Ю.* Напевы пудожских причитаний тирадно-строфической композиции // Русский фольклор. XXIX. СПб., 1996.
23. *Колмогоров А.Н.* К изучению ритмики Маяковского // Вопросы языкознания. 1963. № 4.
24. *Колмогоров А.Н., Кондратов А.М.* Ритмика поэм Маяковского // Вопросы языкознания. 1962. №3.
25. *Кондратов А.М.* Эволюция ритмики Маяковского // Вопросы языкознания. 1962. №5.
26. *Кормилов С. И.* Маргинальные системы русского стихосложения. М., 1995.
27. *Лопатин Н.М., Прокунин В.П.* Русские народные лирические песни. М., 1956.
28. *Мазель Л.* Строение музыкальных произведений. М., 1960.
29. *Невзглядова Е.В.* Интонация в жанрах музыкального фольклора и мелодика литературного лирического стиха // Русский фольклор XIV. Л., 1974.
30. *Овчаренко Е.Б., Скрелин П.А.* Акцентно-мелодическая структура и вокализм былинного стиха // Русский фольклор. XXVIII. СПб., 1995.
31. Причитания. Л., 1960.
32. *Путилов Б.Н.* Вопросы текстологии произведений русского фольклора // Издание классической литературы. М., 1963.
33. *Рубцов Ф.* Основы ладового строения русских народных песен. Л., 1964.
34. Русская народно-бытовая лирика. Причитания Севера. М; Л., 1962.

35. Русское стихосложение XIX века. Материалы по метрике и строфике русских поэтов. М., 1979.
36. *Тарановски К.* Руски дводелни ритмови. Београд, 1953.
37. *Тарановский К. Ф.* Формы общеславянского и церковнославянского стиха в древнерусской литературе XI-XIII вв. // American contributions to the Sixth International Congress of Slavists. V. 1. Mouton, The Hague; Paris, 1968.
38. *Томашевский Б.* Русское стихосложение. Пг., 1923.
39. *Трубецкой Н.С.* К вопросу о стихе русской былины // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М., 1987.
40. *Трубецкой Н.С.* Three philological studies. Ann Arbor, 1963.
41. *Федотов О.И.* Проблема происхождения русского литературного стиха / Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. М., 1985.
42. *Флоренский П.А.* У водоразделов мысли. М., 1990.
43. *Хроленко А. Т.* Границы слова в фольклорном тексте // Проблемы структурной лингвистики - 1983. М., 1986.
44. *Чистов К.В.* Русская причесеть // Причитания. Изд. 2-е. Л., 1960.
45. *Чистов К.В.* Устная речь и проблемы фольклора // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1988.
46. *Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
47. *Штокмар М.П.* Исследования в области русского народного стихосложения. М., 1952.
48. *Якобсон Р.О.* Грамматический параллелизм и его русские аспекты // Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М., 1987.
49. *Якобсон Р.О.* О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским. Берлин, Москва, 1923
50. *Ярхо Б. И.* Соотношение форм в русской частушке // Проблемы теории стиха. Л., 1984.
51. *Bailey J.* The metrical invariant in russian lyric folk song // Russian verse theory. Columbus; Ohio, 1989.
52. *Bailey J.* Three russian lyric folk song meters. Columbus; Ohio. 1993.
53. *Harkins W.* О метрической роли словесных формул в сербохорватском и русском народном эпосе // American contributions to the Sixth International Congress of Slavists. V. 1. Mouton, The Hague; Paris, 1968.
54. *Jakobson R.* Selected writings. V. 4. The Hague, 1966.

Этнография севернорусских причитаний

Обрядовые жанры, одним из которых является причитание, составляют значительную часть традиционного русского фольклора. Специфика обрядового фольклора состоит в том, что исполнение таких текстов за рамками конкретных ситуаций располагается вне нормы их бытования. В соответствии с предложенной К.В. Чистовым [24: 302] типологией ситуаций, предполагающих фольклорную коммуникацию, ситуация, вызывающая исполнение причета, носит характер императивной (облигаторной).

По этой причине особенности похоронно-поминального причитания определяются, во-первых, их функцией в структуре похоронного ритуала, и во-вторых, их местом в ритуально-фольклорной традиции севернорусского крестьянства в целом.

В задачу настоящей работы входит описание северно-русской похоронно-поминальной обрядности¹, составляющей контекст причитаний (1), и рассмотрение риторических характеристик текстов причитаний, осуществляющих контекстные связи (2).

1. Ритуальный контекст причитаний

Похоронный обряд относится к типу ритуалов, получившему после исследования А.Ван Геннепа название *переходных* [26]. В самом общем виде структура переходного обряда представляет собой три этапа: предлиминальный период, связанный с отделением лица или группы лиц от своего прежнего социального места, лиминальный период, имеющий определенную продолжительность и предполагающий специфическое ритуальное поведение участников обряда — посвящаемых или «лиминальных персон», и постлиминальный период, в течение которого «лиминальные персоны»

¹ Для описания северно-русской похоронно-поминальной традиции использованы материалы Фольклорного Архива филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Белозерское, Бабаевское, Сухонское, Каргопольское, Кирилловское собрания, ед.хр.17), далее в тексте указывается архивный номер, а также: [8: 345-352, 9: 1-72, 16: 109, 19: 245-253, 13: 44-60]; [3]; [18]

наделяются новым социальным статусом, а весь коллектив, задействованный в ритуале, возвращается, после совершения определенных ритуальных действий, к обычному течению жизни.

Севернорусский похоронный ритуал сохраняет традиционную схему переходного обряда. Он имеет определенную продолжительность — 40 дней, совпадающую со сроком других русских переходных обрядов: родильного (шесть недель), свадебного (около месяца), рекрутского (около месяца). Он предполагает определенную форму поведения лиминальных персон (покойного, переходящего в статус «родителей», жены, которая по совершении обряда становится вдовой, или мужа — становящегося вдовцом, детей и родителей): мужчины — молчат, женщины — используют особую форму речи, «слышную» и живым, и мертвым — причитание, участники ритуала как минимум трижды перемещаются от дома на кладбище и обратно, организуют особые трапезы, также предполагающих участие в них живых и мертвых.

Похоронно-поминальная обрядность Русского Севера со времени первых научных фиксаций и до последних записей (период, охватывающий более ста лет) существенно не меняется, что позволяет видеть в ней устойчивую обрядовую форму, являющуюся не только архаическим прошлым, но и актуальным настоящим жизни севернорусского крестьянства.

Приведем несколько описаний севернорусского похоронного обряда, относящихся к разному времени.

При последних минутах все семейные окружают и “каравулят душу”.

Причитают в первый раз на лавке около покойного.

После отхода сразу обмывают и крутят в балахон, подпоясывают ниткой, на шею крест на нитке, на голову кукель из холста.

После выноса тела сразу моют лавки в избе, а всю избу моют после поминального обеда. И летом и зимой покойника в церковь на отпевание везут на дровнях.

По возвращении с кладбища вдова открывает печь, заглядывает в нее и голосит.

В первое воскресенье после похорон, в праздники и поминальные дни вдова ходить “пахать” могилу. Водит по ней взад и вперед рукой или платком и при этом причитает. [18]

Описание особенностей обряда, сделанное Е.В.Барсовым [19] в семидесятые годы прошлого века (Обонежье, Пудожье, Каргопольский край, северо-восток бывшей Новгородской губернии — ныне Череповецкий, Бабаевский, Устюженский,

Белозерский районы Вологодской области) демонстрирует ту же структуру обряда:

Как скоро замечают, что человек умирает, тотчас ставят на окне чашку с водой; если вода колышется, говорят: “душенька моется”. Повсеместно в Новгородской губернии распространен обычай вывешивать кусок полотна за окно на сорок дней по смерти.

Посылают гонцов к родственникам с вестью о случившемся, приглашают “на последнее прощенье, на помин души”. Для обмывания мертвого тела приглашаются “старушки стародревние”, для делания гроба — “плотнички-работнички”. В Заонежье гроб — “домовище” — делается из сухих досок, в виде продолговатого ящика, в некоторых приходах — с застекленными оконцами против плеч покойника, или кладут стекло в сам гроб, не делая окон. В отдельных местах Лодейнопольского, Каргопольского, Повенецкого уездов гроб делают в виде колоды, выдалбливая ее из цельного дерева (осины или сосны) и также кладут туда кусочек стекла.

Стружки от гроба бросают в озеро или отвозят в лес.

Моют покойника обыкновенно на соломе, теплой водой, против трубы. Натирают мылом два раза, во время мытья в некоторых приходах принято у покойниц стричь волосы, которые потом кладут в гроб. Мыло затем бросают в реку, туда же выливают воду. Вода может быть использована для порчи, мылом от покойника лечат лихорадку.

В разных местах готовят разную покруту для покойного.

В Олонецком и Повенецком уездах — надевают белые сапоги или башмаки, шитые одной дратвой, рубаху с поясом и костяным ремешком, сверху — белый балахон. Покрывалом служит холст.

В Каргопольском уезде поверх холщевой рубашки одевают саван, сверх того надевается всегда крест на шерстяной нитке. Покруту для мертвеца шьют наизнанку: направляя острие иглы от себя.

На лавку в переднем углу стелят солому и кладут туда умершего головой к иконам, на глаза кладут медные деньги.

При переложении в гроб выносят покойного в часовню или, если ее нет, в другую избу.

На место, где лежал покойник, кладут — квашню (Сямозеро), полено (Верховье), ухват и квашню (Кузаранда), камень.

Родные подходят под гроб, кланяются, прощаются. На вынос обыкновенно собирается вся деревня. В Вытегорском уезде хозяйка берет круглый камень, который лежал на лавке или в изголовье покойника, обходит с ним вокруг гроба и полагает его под образа. В других местах Петрозаводского уезда кидают камень вслед покойнику после выноса, льют воду, там где его несли: чтобы остальные живы были.

По приезде на кладбище лошадь распрягают, оглобли отворачивают, при возвращении домой извозчик садится верхом. В Андоме Вытегорского уезда по возвращении дровни опускают в воду. По возвращении с погоста все заходящие в дом прикладывают руки к печке.

Погребают непременно до захода солнца.

В могилу бросают деньги.

На могиле делают холм, ставят крест или сажают дерево. На некоторых могилах устраиваются домики с кровлей и окнами (Череповецкий уезд).

День похорон сопровождается обедом. За столом в красном углу оставляют праздное место: ложку здесь кладут под скатерть, хлеб - поверх. В других местах выливают на стол ложку всякого кушанья. Поминают: квасом (в Сямозере), суслом из репы, а также пекут небольшие крестики (в Андоме), горохом и яйцами (в Каргополье), оладьями и хлебом (Кузринский у.), яичными блинами (Череповецкий у.).

На сороковой день приглашают церковников, выходят их встречать, считается, что вместе с причтом приходит и покойный. В Кореле, как только увидят приближающегося священника, вынимают раму из окна и вывешивают полотенце с узорами, так как считают, что мертвые входят в дом через окно. Священника встречают плакальщицы, причитать начинают священнику и клиру, потом всем присутствующим, ходят по дому, кланяются во все четыре угла и причитают во всех местах, где сидел, лежал, ходил покойный, выходят на сарай, во двор и также кланяются и приплакивают. За обедом оставляется также место для покойного, где ставятся его любимые кушанья. Все обедавшие, за исключением причта, выходят с киселем из дома за деревню на ту дорогу, по которой несен был на погост покойный. Действие это называется "проводины покойника": вся процессия останавливается и кланяется на погост, затем возвращается в дом, где поется малая лития и обед заканчивается.

Следующее описание похоронного обряда было выполнено по полевым записям фольклорной экспедиции филологического факультета СПбГУ на юго-западе Белозерья (Белозерский р-н) в 1988-1993 годах [3].

Пока покойника не обрядят, не причитают. Моют покойника старые женщины. 35-летнюю женщину, отправившуюся обрядить покойника старухи осудили: "Рано пошла!" Существует представление, что с моющих покойника снимаются грехи. Когда одна женщина обрядила десятого покойника, во сне к ней явился ее покойный муж и сказал, что ей уже больше мыть не надо — все грехи с нее сняты. Вода, мочало, мыло, оставшееся от мытья покойника уничтожали, чтобы все это не было использовано во вредоносной магии.

Ср.: в Кирилловском районе — восточная часть Белозерья — мыло и гребень, которым причесывали покойника, кладут в гроб. В четыре угла гроба кладут «четыре деньги» (ср.: во время свадьбы перед венцом невесту выкупают, выкладывая «четыре деньги» на четыре угла стола). Те деньги, которые накидают покойнику в избе (!), отдают в церковь. Вещи, на которых покойных лежал, также складывают в гроб, туда же кладут стакан и ложку, кто курил — табак.

Смертная одежда готовится при жизни человека, женщины собирают ее сами и готовят для своих мужей. Она хранится в отдельных узелках.

Стружки от гроба сжигают в день похорон за околицей и смотрят, куда пойдет дым, если на деревню — будет вскоре еще покойник.

Первый раз начинают причитать, когда покойный уже положен на лавку. Покойного держат в доме трое суток и причитают над ним, сидят с ним днем и ночью — одного не оставляют. Часам к 12 чужие расходятся, а родственники остаются на ночь. Ночью бодрствуют по очереди и, чтобы не заснуть, рассказывают, кто что может: в основном случаи из жизни, причем главным образом смешные. В д. Зарецкой Панинского с/с от О.Ф.Тиминой была записана сказка (новеллистическая сказка «Про бабушку Домну»), которую она запомнила во время таких ночных бдений.

На сорок дней в доме занавешивают все зеркала. В течение этого срока на обшивке дома висит белая ткань — знак траура. На сороковой день ее относят на могилу и закапывают, делают это тайно и при этом говорят какие-то слова (кто именно это делает и что при этом говорится — информанты объяснить не смогли или не захотели).

До сорокового дня не запирают дом, а в переднем углу, под иконами, оставляют рюмку с водкой, или чай, пирог, ложку с вилкой, поскольку считают, что в течение этого срока покойный ходит в дом. Когда накрывают на стол, кланяются в сторону переднего угла — сидящему там «родителю».

В гроб кладут березовые ветки.

Перед выносом тела трижды обходят дом (или обносят покойника вокруг дома) против солнца с углями, оставшимися в кадиле после отпевания, и свечкой.

Хоронить надо до 12 часов дня. Когда выносят, впереди несут крышку от гроба, делают это с той целью, чтобы покойный не являлся. С той же целью после выноса стол и лавки переворачивают, ходят по дому, делая вид, что что-то ищут и приговаривают: «Ух, был да и нету, был — и нету». Открывают с этими словами печную трубу и подполье. Дом тщательно моют: пол, стены, лавки, стирают занавески.

Участники похоронной процессии после возвращения с кладбища моются в бане: «если не помоешься — тяжело будет».

На девятый, двадцатый («полусорочкины»), сороковой «урочные» дни ходят на кладбище и «приводят» покойника, приглашают в дом, усаживают за стол. «Надо, чтобы покойного 40 человек помянуло». Тот, кто причитает, не садясь за стол, подходит к переднему углу, где сидит покойный и обращается к нему с причетом.

В эти дни моют в доме полы и топят баню. Причетом зовут покойника мыться, в бане готовят для него белье, мыло и полотенце. Подождут, пока он моется, после этого идут мыться сами.»У нас — изготвим, так часа два еще не идем. Моются, не моются они... а приглашены: — Мойтесь и парьтесь на доброе здоровье, воды и жару и нам оставьте!» В урочные дни соседи сидят за столом до 12 ночи, а родственники — до утра.

На сороковой день остатки поминального обеда вместе со столом выносят на улицу, покойника с причитаниями выводят из избы и «провожают» с иконкой до отвода (край деревни) или до «крестов»

(перекресток). Хозяйка делает в этот день подарок тем, кто обмывал покойного.

Причитать положено в течение трех дней, когда покойник лежит в доме, при выносе и по дороге на кладбище, у могилы, в урочные дни, приглашая в дом, в баню, поминая за столом, позже — в поминальные дни: родительские субботы, Радоница, Прощенное воскресенье. В Панинской урочным днем считают также и полгода после смерти. Утром, но не рано, часам к десяти родственники идут на кладбище и зовут покойного домой, где во дворе уже накрыты столы. По отдельным сведеньям покойника зовут во дом от позднего утра до шести вечера: «пока им, покойникам, время разрешенное». В трауре год ходили не только вдовы, но и дети покойного: «Девушка, если родители помрут, дак она год в черном ходит».

Эти описания составлены на основании свидетельств разных лиц, что, с одной стороны, дает возможность достаточно полно представить ход и детали обряда, но, с другой стороны, лишает описание конкретных свидетельств о характере связи между ритуальной ситуацией, ее участниками и ритуальными текстами. Для того, чтобы иметь более объемное представление о порождении причетного текста в конкретной ситуации, приведем запись причитаний и описания обряда, сделанную от конкретного исполнителя¹:

“Из своей души высказывала горе свое, не учила причет. А работано: все озеро испешано, все леса изрублены...”

Положат на стол, или настил сделают. Мужики свои родные сделают гроб, раньше на столы не ложили: говорят — стол-престол.

Положат на стол, народ скопится и причитают. Кто умеет причитать: и жена, и сестра, и двоюродные.

Три ночи покойного держат. Не один раз сядешь попричитать. А люди ходят слушать, интересоваться, плакать. Ой, тяжело. В голову падает, все свое высказываешь, все свои недуги, переживания, горе и жалось.

Раньше ой причитальниц было. Кто какую жизнь, так тут все и поминают, в горе высказывают. Кто как если плохой был нехороший жил муж, и не выскажешь этой жалости. А если хорошо жили, как не жалко. Плачешь, выскажешь такие слова жалостливые. И не надо ни учиться, и никого слушать — свое горе выскажешь. Но это не каждому далось, ведь так. Другой и не сказать ничего. У отца я причитала:

Уж подойду я, сиротиночка,
— ой, заплачу.

¹ Записано от Евстолии Константиновны Текановой, 1926 г.р., уроженки д. Орлово Шольского с/с (западный берег Белого озера). Запись сделана в июле 1998 года в д. Мазкса Белозерского р-на.

Уж я ко углу ко переднему
Уж ко столу да ко дубовому
Уж я ко телу то ко белому
Уж ко языку безответному
Уж(ы) ко кормильцу-то ко батюшку
Уж(ы) ты скажи да тепла палушка
Уж(ы) ты куда да снарядилось
Уж(ы) ты куда да сподобилось
Уж(ы) на слыху да нету праздничка
Уж(ы) на слыху нету господнева
Уж(ы) во роду нет именинечка
Уж(ы) сама знаю, сиротиночка.
Уж(ы) ты куда да снарядилось
Уж(ы) ты во матушку сыру землю
Ой, не спеши, кормилец-батюшка,
Уж(ы) ты во матушку сыру землю,
Уж(ы) как со ту да со сторонушку
Уж соколам да нету вылету
Уж(ы) молодцам да нету выезду
Ой мне жаль тебя тошнехонько
Ой уж как не в пору да не ввремё
Уж годики да не престарелые
Уж волоса да не поседелые
Уж(ы) у тебя, да тепла палушка
Здоровьица да все потеряно
Уж силушка да поистрачена
Уж на войне да тепла палушка, ой!
Уж подними да брови черные
Да приоткрой да очи ясныя
Уж ты скажи одно словечушко
Дак приобрадуй мне сердечушко
Уж моя жалось ты великая
Уж моя падось ты падчивая
Ой ты кормилец да мой батюшка
Уж как до этого до времечка
Дак было много роду-племени
Уж как у нас у сиротиночек.
А уж на это как времечко
Дак никого да не осталось
Уж все родные да двоюродные
Уж как твои да братцы милые ой!
Уж положили буйны головы
Дак на военном да чистом полюшке.

Дак много тут можно причитать: надо кончить, я бы причитала тут
два часа.

Как в баню приглашают, там, приходи, там.
Уж как тебя кормилец батюшка,

Уж цветно платье поизорвется
Крепка обувь да поизносится
Приходи ко мне, пожалуйста,
Да на деньки да на урочные

Приглашают, пока он тут не унесен.

Можно так причитать, дак не отставать. Это все из ума. Это я нигде не читала, не писала, сама. Еще много пропускаю, выкидываю, это вам и не переслушать. И о муже, и сыновьях причитала: такая моя доля — женская. Горя сколько. Говорят: “ой, причитать умеет”. Все причитала, плакала. Все видно железно и стально. Надо давно бы умереть, дак все живу, да плачу. Коль легко, милушка, перенести было! Тут сами слезы катятся. Приду на кладбище и причитаю.

Мама говорила: в любое время иди, и поздно, и утром попозднее. Никогда не грешно свое горе поплакать. Всегда на кладбище примут и не обидятся, все так и говорила.

И заплачешь и запоешь. Другой раз сию и плачу и запою — осмотрюсь, никого нет — сию и плачу, и пою. Какая я причитальница — со своего ума. Сама добавлю, что-то соображу.”

Прокомментируем последнее замечание причетницы. “Нет причитаний вообще, а есть только конкретные тексты по конкретному поводу, исполняемые в принципе только один раз” [2: 59-78] — с точки зрения носителя традиции это, как мы видим, именно так. Но это не уникальность текста и не уникальность набора ритуальных действий, которые ему сопутствуют. Уникально событие, его значимость в личной судьбе его участников. И чем экстремальнее ситуация, тем более кодифицированы формы поведения, ее оформляющие. Если с точки зрения исполнительницы ее причитание — импровизация, то она же сама и опровергает эту оценку, контролируя правильность записи причета:

Кому родному причитаешь — брату причитала. Брат молодой умер.

Примечай ка лебедь белая,
уж как(ы)... *Не так.*

Жене его попричитала:

Уж как нынече тепериче
Примечай да мужа милого
Уж во толпе да во добрых людях
Да на веселых на гуляночках
Уж ты жила, да, лебедь белая
Из-за его не видала...
не знала куда солнце поднимается

куда красное деваётся —

выпеваётся все горе в этом —

при тебе да добра голова
я не знала сиротиночка
откуда солнце поднимается
куда красное деваётся, —

что рано не вставала, не думала, не заботилась, он сам везде. У нас уж так и было. Он рано вставал, видел как солнце поднималось, а я спала. Так и о муже и причитала тоже, жалко. Сыновья проворные были, да вот такая смерть.

Раньше в бане причитали. Приглашают в баню. В урочные дни — девять дней. Баньку истопят. Белье снесут, на грядочку повесят покойному.

Я повыйду сиротиночка
На широкую на улочку
Да донесись да мой звучной голос
До кладбища-то до высокого
До могилушки глубокой
Уж приходи ты добра голова
Уж стопила да парну баянку
Уж дам чистую перемывочку
Уж за твою-то за добротушку
За твою да за ласкотушку

В баню приглашаешь, плачешь, все высказываешь. Потом двадцать дней топят баню, сорок, полгода, год, и все. Умерший денек — дак соберут столик. У меня друг за другом были похоронены, дак всем сделала поминки.

Выносят, а я причитаю.

Уж вы держите да двери за скобу
Не отпускайте да сына милого
уж мне жаль его, тошнешенько
Ой дак от сердечушка катилосе
Капелька да от ретивого
Уж погости ты мое милое
Уж сам ты знаешь сам ты ведаешь
Остаюсь я сиротиночка
Я одна да одинешенька. ой!
Со соседям со соседушкам
Со соседским малым детушкам
Со широкой да со улочкой
Со разъезной да путь-дороженькой
Ой да мое милое любимое.
Уж то мне жаль то тебя тошнешенько
Приходи, Сережа миленькой

Уж ко мне да сиротиночке
Уж ко мне да горькой матушке
Уж не завешаю окошечек
Не закутаю воротичек.
Буду ждать да дожидатиси
Из окна в окно бросатиси
Как тебя да гостя милого,
Желанного да долгожданного...

Вот так да попричитаешь. Там чего падает на ум на самом деле. Я причитала, дак вся публика плачет. Вот выходили — я свету белого не видела, ни людей, никого. Жалость мучит, горё. Меня под руки ведут, а я причитаю. Плачьте все, так плачьте — своим-то, — как мне жалко-то. Сына-то своего. (а когда причитаешь — легче? — С.А.) Со слезами уходят какие-то яды вредные из организма. Ой и поплакано. На самом деле, милушка, причитать — все тут падает на ум, все высказываешь, высказываешь ему. И другие песни жалосливые есть, все заплачешь и не от причета.

На поминки рыбные блюда — накоптят, нажарят, оладьи обязательно. Отпевают киселем. Молитвы поют. Читают “Отче наш” (на сороковой день).

К переднему углу у входа против крылечка выдут и причитают. Последний причет, проводят, что больше не придет покойный. У переднего угла, а кто и дальше.

Ой уж(ы) как пошел да тепла пазушка,
Дорогой да гось возлюбленной
Уж он пошел да не обернется
Уж он пошел да не оглянется
Уж ты скажи нашо межонное, Ой!
Да приходи ты тепла пазушка,
Уж ты ко нам ко сиротиночкам
Уж(ы) будем ждать мы дожидатися
Уж(ы) как тебя да гостя милого
Уж как тебя, гостя любимого,

И тут кой чего своей жалости высказываешь, что приходи, не забывай.

Отцу:

Как у нас у сиротиночек
Сам ты знаешь, сам ты ведаешь,
Во дому не осталось хозяина
Во хозяйстве распорядщика
Уж, много дел да понакопитсе
Приходи кормилец батюшка
Ты помочь, да сиротиночкам
Уж как к нам да горюшиночкам

Вот так поговоришь. Сыну тоже плакала:

Как я буду обживатесе
После тебя да моего милого
Мине жаль тебя да тошнешенько
Нету слов да горя выразить
У меня у сиротиночки
Не приведи да Боже Господи
Никому да ко крешшоному
Пережить эту досадушку,
Перенести эту утратушку.

Вот так все.

Выйдут на улицу, возьмут стряпни на тарелочку, рюмочку, потом к переднему углу выложат это все на землю.

На кладбище:

Вы подуйте да ветры буйные
Вы со все четыре стороны
Вы со летнию со зимнюю
Разнеси-ко-ся желты пески
Со могилушки глубокие
Уж я пришла-как сиротиночка
Ко тебе да мой любимой сын
Уж со слезами да со горячими
Со поклонами да со низкими
Со словами да со лесливыми
Ой уж на чесну темну ноченьку
Уж не спалось мне не дремалосе
Собиралась горяшиночка
Уж я на площадь да на широкую
Уж ко тебе да на могилушку
Уж ко тебе да мой родимый сын
Уж раскрой ты да очи ясные
Ты раздайся да мать сыра земля
Уж расколись-то гробова доска
Уж ты повстань-ко мило дитятко
Ты услышь меня, горяшицу,
Ой уж во сегодняшний Господний день
Уж напекла я наготовила
Уж для тебя, да гостя милого,
Уж ты пойдём мое межонное
Уж мы снесем тебя любимый сын
Уж на своих да белых рученьках
Уж на своих да белых рученьках
Уж за твою да за добротушку
Уж за твою да за ласкотушку
Ой уж не ломайсе ты, не гневайся

Уж ты пойдём то да пожалуйста.

Что, там все наготовлено. Как солнышко — межень, тепло, тихо. Кагда тихо, погода установится, вода не колыхнется — это меженью называют в деревне.

Зимой причитают:

Протоптать да снега белые
Проложить да следы свежие
Не на площадь на широкую
На могилушку глубокую
К дорогому да сыну милому
Мне тоской да стосковалосе
По тебе да тепла пазушка
Уж я пришла как сиротиночка
Про твое житье повыспросить
Про свои горя повысказать...

Ну когда че будешь причитать, да все на ум падает.

Николин день праздновали, советские дни, на другой день Пасхи — все ходим на кладбище. День победы тем более. В Христов день, в Троицу не причитают, опасаются:” Седни не плачут, вся земля радуется”. На Рождество в самый день ходим на кладбище, но на праздник не причитаем, все больше в урочные дни. А у кого горе большое так не может сам собой владеть. Иду дорогой уж причитаю, не могу уж выносить. А летом дак :

Протоптать да пески серые...

У нас песок на кладбище дак... На поминках причитаешь:

Погляжу я сиротиночка
В передний угол да на лавочку
На место благочестивое
Уж как сидит да гость любимый там
У его у теплой пазушки
Ложичка не подымаетсе
Стопочки не выпиветсе

Там начнешь причитать:

На чего да рассердилсе...

Ложат покойному всегда — такой треугольничек (треугольный столик в переднем углу, на который кладут еду рюмку с водкой, прибор), потом уж когда пообедают, повспоминают, попричитают. Когда мать, сестра, тетя — попричитают обязательно. Наплачутся и как легче на душе, как камень скатится. Как будто повидеешься, как поговоришь. На кладбище попричитаю, наплачусь — как будто долг отдам. Не дай бог этих горей. На этом свет стоит. Подразумевают, что/когда причитают/ как будто

он слышит. И, говорят, что лежит — слышит. Я пока тут разгорююсь, причитаю, причитаю, еле кончу, горе свое высказываешь, обида мучит. Придешь к покойному посидеть, не причитаешь дак не так, когда запричитаешь — слезы не уняться. И не плачешь, а плачется.

Предлагала старуха: «Давай тоску-то отниму». А тут тоску отнимут, в могилу уходят из-за этого, все сдавит. Не надо тоски отнимать, поплачешь, выплачешь и все. а че? Колдовать, какую-то дрянь пить — не. Буду плакать, буду жалеть, вспоминать.

По чужим не красиво (причитать). С каких я ежеиков буду причитать: о чужом не знаешь, что и причитать, не — я о своих. Не знаешь чего и говорить, людей смешить. Да и душа не позволяет, о своих только.”

Можно говорить о единой пространственно-функциональной структуре севернорусского похоронного обряда. Поминально-похоронную обрядность составляют непосредственно сам ритуал, а также поминание в урочные дни в течение года.

Обряд длится сорок дней и включает в себя следующее действия, существенным условием которых является обязательное участие значительного количества людей — соседей и родственников:

- трапезы,
- поминания, предполагающие публичные причитания женщин (родственниц и свойственниц покойного);
- перемещения из дома на кладбище и обратно;
- защитные магические действия;
- “запланированные” визиты покойного с кладбища домой в течение «урочного» срока.

Обязательными пространственными точками похоронного ритуала служат дом, баня, кладбище.

Обязательными временными рубежами служат “урочные дни”: первый, третий, девятый, (двадцатый) сороковой день по смерти.

Поминальная обрядность предполагает те же действия — визиты на кладбище и с кладбища, трапезы и поминания.

Причитание — сугубо женский жанр. Женщины обычно причитают по своим родственникам или свойственникам. Причитать умеет, в принципе, каждая женщина, но наиболее способные считают своим долгом прийти попрочитать не только у близких, но и у дальних родственников, и у соседей. Свидетельств о том, что были причетницы на похоронах, услуги которых

оплачивались, мы не встречали. Первый раз в жизни начинают причитать, когда “узнают горе”: похоронят родителей. Значимым жизненным рубежом служит вдовство или смерть кого-либо из детей. С этого срока женщины переставали петь, это считалось неприличным: запись от Е.К.Текановой — одно из свидетельств этого обычая. Она, забывшись, запела и стала смотреть, не слышит ли кто.

Многие женщины, известные как хорошие причетницы, — хозяйки больших, обеспеченных семейств, занимающие достаточно высокое положение в деревне. В собрании Барсова указано, что из пяти исполнительниц две — из священнических семейств: одна — поповна, похоронившая отца за три года до записи. От нее Барсов записал плач дочери по отцу, собиратель отмечал, что она — «“старшая” и привыкла властвовать». Другая — дочь дьякона, шьет церковное облачение, ризы, старшая в доме, “крута, но не злопамятна”.

Большинство свидетельств указывают на то, что причитанию намеренно никто не учился. Пассивное освоение этой специфической вербальной формы поведения происходит, когда девочек старшие берут с собой на предсвадебные посиделки к невестам, на похороны, активное, но только среди сверстников — в процессе игры (в свадьбу, в похороны).

Достоинством особого внимания и отдельного исследования представляется отмечаемый этномузыковедами факт “типологического сходства” сольных причитаний и напевов былин на этой территории¹. Одна и та же мелодическая форма в женской традиции используется в лирическом ключе (причитание), в мужской фольклорной традиции — в ключе эпическом (былина).

Причитание может возникать и вне коллективного ритуала, похоронного или поминального: переключение с обычного речевого кода на эту форму говорения само по себе представляет ритуальное действие.

“Ой, у меня горя как сине море!... Выйду вот, оболокусь, да выйду на улицу, сажу на улице

Ой, у меня горюшка гора стоит!

Ой как меж горами да слез река бежит.”²

¹ См. статью А.Ю.Кастрова и Ю.И.Марченко в настоящем издании.

² Бел. 17. л.115.

Особым случаем возникновения причитания можно считать проводы в армию. Обычай этот существует в пределах территории Заонежья и Пудожского края, а также в районе Средней Печоры [20]¹: по отъезжавшим в армию причитали жены или матери, традиция эта фиксируется и теперь (запись текста №2 сделана в 1996). Южнее — на территории Белозерского, Кирилловского районов, по течению Сухоны, судя по материалам полевых экспедиций СПбГУ 1978-1998, традиция «рекрутского» причитания не сохранилась.

Обратимся к тому, каким образом ритуальный и — шире — социальный контекст обнаруживает себя в тексте причитания.

2. Контекстные связи в причитании

Риторический вопрос

Риторический вопрос, как это известно, есть вопрос, не предполагающий ответа: «вопрос риторический (эротема) — фигура речи, состоящая в придании утверждению или отрицанию вопросительной формы для того, чтобы привлечь усиленное внимание слушателя, повысить эмоциональный тон и т.п.» [1: 85].

Проблема функции вопросительных конструкций в фольклоре не вызывала до сих пор значительного исследовательского интереса. Вместе с тем проблема эта оказывается достаточно интересной по той хотя бы причине, что сопрягает на ограниченном пространстве частного поэтического явления возможность основных принципов подхода к языковой реальности: семантического, структурного и прагматического. И если второй из названных принципов — структурный — является базовым, поскольку именно на его основании был выделен рассматриваемый объект, то другие два всегда оставались на периферии исследовательского поля. Анализ прагматики и семантики вопросительной конструкции в поэтическом тексте, сводится к замечаниям о “повышенной экспрессии” и имитации диалогической формы [23: 280, 10: 356-359].

Для того, чтобы определиться в терминах, заметим, что для нас риторический уровень организации текста есть структурная экспликация прагматики этого текста. То, как построено

¹ См. также текст № 2.

высказывание, определено целью, наличие которой и призвало его к жизни.

Следовательно, риторический аспект рассмотрения той или иной речевой формы может предполагать анализ ее строения в отношении цели говорящего.

Цель говорящего в ситуации вопросительной конструкции обнаружена в наибольшей степени. “Вопрос — высказывание, имеющее целью побудить слушающего сообщить нечто неизвестное говорящему или представляемое говорящим как требующее выяснения” [1: 84]. И в наибольшей степени выражена нужда говорящего в адресате, поскольку возможность достижения цели высказывания располагается в компетенции слушающего. В «Русской грамматике-80» прагматическая потребность в адресате введена в определение этой синтаксической формы: «Вопросительными называются предложения, в которых специальными языковыми средствами выражается стремление говорящего узнать что-либо или удостовериться в чем-либо» [22: 386].

Таким образом, в случае вопросительной конструкции мы имеем дело со структурой, формирующей прагматический уровень высказывания, поскольку посредством этой структуры выражена реальная или манифестируемая цель говорящего.

Поэтическое (в традиции Р.О.Якобсона) употребление вопросительных конструкций в причитаниях не вызывает сомнений, поскольку заложенная в самой природе синтаксической формы коммуникативная цель оказывается снятой в связи с отсутствием установки на ответ, предполагающемся в таком высказывании.

В фольклорной традиции вопросительные конструкции доминируют в жанре причитаний.

Причитание как особая форма речевого поведения возникает в русской традиции в специфических жизненных ситуациях, в моменты разрыва жизненной истории, перелома, требующего от индивида перехода к новой точке зрения на жизнь, к новому жизненному сценарию.

Такой перелом был социально фиксирован переходными ритуалами, вербальным контекстом которого служит причитание.

О том, что вопросительная конструкция всегда служила риторической доминантой причета, можно судить по тому, что она оказывается квалифицирующим признаком этого жанра. Древнерусский летописец использует именно эти конструкции для передачи ситуации похоронного ритуала в целом:

“...въдъв же его княгини мертва на постели лежаща, въсплакася горкымъ гласомъ, огненныя слезы от очию испощающе, оутробою распалюще... и глаголющи: Како оумре животъ мой драи мене единому въдвою оставив? Почто аз преже тебе не умрохъ? Како заиде свѣтъ отъ очию моею? Гдѣ ходиши сокровище живота моего? Почто не промолвиши ко мне, оутроба моя, к женѣ твоеи? Цвете прекрасныи, что рано увядаеши?... Чему господине мой милыи не възозриши на мя? Чему не промолвиши ко мнѣ?”[17: 358-360]

В похоронном и поминальном причитании фиксированной оказывается сама форма вопрошения умершего, поскольку она определяет прагматику «причетного» высказывания. Адресантами такого вопросительного высказывания являются те участники похоронного ритуала, чей статус меняется в связи с этим событием: родители, дети — сироты, жена — вдова.

Ой, поспрошу я тол(и)ко, бед(ы)нуш(ы)ка:
Ой, тебе што не прилюбилосе,
А тебе што не приглянулосе... (№ 1)

Как ты куды же наздобился,
Моя милая ты лада? [19: 170] —

вдова по мужу.
Осиротевшая дочь — по отцу.

Ты на кого меня, родитель, оставил,
Ты на чье большо великое желаньице? [16: 112]

Во всех случаях вопрос присваивает лицу, к которому он адресован — умершему, компетентность в области причин и следствий сложившейся ситуации и ответственность за ее — ситуации — возникновение (записи текстов №№ 3, 5), ср.:

Куда ты, мая мамынька, ат мине атлитаишь,
А мине с дробными детушками пакидаишь? [7: 319]

Сватынька Ягорыуна, сватынька мая милая,
чаго ж то табе умирать? [7: 320]

Вопрошающий же предстает в причитании как лицо, испытывающее, претерпевающее последствия воли адресата.

Информация, которую, как это декларируется вопросом, хочет получить адресант, имеет отчетливо выраженную «принадлежность». Вопрошающему требуется информация о нем самом, которая, парадоксальным образом, оказывается в компетенции адресата: 'скажи мне, какой/как я'?¹

Да я теперичи, кокушыця,
Да как я буду обживатися... (№8)

Что ж ето ты ни дногo словечушка
мне не говоришь?
Что же мне ты не советуешь,
Как мне жити с дробны детушкам? [7: 173]

Уж(и) што ты плотно-то повалилась,
Уж(и) што ты креп(ы)ко усыпиласе,
Уж(и) на меня ды приосер(и)дилась —
Уж(и) ты на гордыи-ты словецюшка? (№5)

Утверждение подается в вопросительной форме, что казалось бы соответствует форме риторического вопроса: вопрос "почему ты умер?" обращен к умершему, очевидным образом не способному на него ответить, в силу того, что ситуация не в его власти. Важно и другое, присваивая умершему свободу решения вопроса о своем уходе, говорящий берет на себя вину за вероятное неправильное поведение, спровоцировавшее этот уход.

Но все дело в том, что складывающиеся обстоятельства вообще причинно не связаны с поведением говорящего: наступление смерти не связано ни с волей умершего, ни с правильным или неправильным поведением вопрошающего.

Говорящий в причитании оказывается не субъектом, но объектом обстоятельств, причины же их лежат вне его компетенции, что в действительности и порождает вопрос. Насущный вопрос о том, каковы причины того, «что с мной происходит», не с

¹ «Последний и самый неизбывный факт человеческой жизни в том, что "Рахиль плачет о детях своих и не может утешиться, ибо их нет" <...> Не может Рахиль утешиться о детях никакими комбинациями своих слов и представлений, потому что все равно детей ее больше нет.

Тут-то и начинается для человека совершенно новая оценка всего своего... В этом смысле древний Сократ говорил, что "смерть есть начало мысли" [25: 272].

покойным, а именно с адресантом причета, подменяется риторическим вопросом, базирующимся на определенной пресуппозиции: “если все делать правильно, ничего плохого произойти не может. Плохое произошло. Значит, я/мы сделали что-то неправильно. Но мы все делали правильно. Как это может быть?”¹.

Вопрос оказывается вызван посягательством ситуации на пресуппозицию говорящего, на область, формирующую “мир”, по правилам которого говорящий живет.

Сравним в свадебном причитании:

Вижу-смичу все, невольница,
Еще все в саду не по старому,
Еще все в саду не по-прежнему:
Раздробленной мой зеленый сад,
Полоненый задней уголок...
Во крови стоят зеленые липинки,
Во слезах стоит хрустальная околенка,
При обидушке затула бела зановесочка,
Из досадочки почернела бела лавочка,
Припечалилась-затула бела завеска —
Все обо мне-то ведь, о красной девушки. [16: 30]

Логика вопрошающего в причетном высказывании оказывается не соответствующей логике тех событий, которые он же сам и описывает:

Прагматику этой конструкции обуславливает ритуальный контекст. Одной из задач переходного ритуала было отчуждение “лиминальной персоны” от прежнего “я”, от прежнего набора социальных стереотипов, с которыми идентифицировал себя человек, во-первых, и, только после этой мучительной процедуры, во-вторых, присвоение ему нового статуса, который, с точки зрения неопита, разворачивается в иное видение мира и своей роли и места в нем:

Надо мной да моя молодость прокатилась,
Голова моя невовремя состарилась!
Надо жить бедной горюшице умеючи,
По улице ходить надо тихошенько,
Буйну голову носить надо низешенько,

¹ Заимствуем у А.Вежбицкой [5] удобный для нашего случая способ логической интерпретации высказывания.

Наб сердечушко держать мне-ка поворное
Ко тым соседям спорядовным,
Не обидели б сиротной молодой вдовы...[19: 38]

В свадебном причете

У свекровушки — не у матушки родной
У свекровушки ходи по одной половушке...
Будь головушкой поклонлива,
Будь сердечушком покорлива,
Носи платьице — не снашивай,
Терпи горюшко — не сказывай.
Приобидят как тебя чужие-то родители,
Не скажи своему роду-племени.
Не давай большой обидушки
Своим милым родителям.
Ты в темную да ноченьку
Выходи на крылечушко,
Ты выказывай обидушку
На широку гладку уличку,
Разнесут твою обидушку
Чисты буйны ветерки. [16: 79]

Разрушению целостности и осмысленности мира оказывается первой ступенью в процедуре перехода от одного статуса к другому:

1. Декларируется непонимание происходящих событий, предлагается другая их интерпретация:

Ой, как и ты ж куда снарядилася,
Ой, как ты куда наздобилася:
Ой как на слыху нету праздничка
Ой на слыху нет Господнего...¹

2. Нарушение течения времени:

Нынче времечко коротается,
К одному концу свивается...[3: 173]

3. Утрата мира:

У меня тако горюшечко
Потеряла я свой белый свет. [3: 169]

Ср. свадебный причет:

¹ Бел. собр. 17-1.

Государь ты мой, батюшка
Схожо красное солнышко.
Я у тебя буду спрашивать:
Об цем огни загоралисе
Об цем Богу молилися? [21: 35]

Девушка-невеста, на глазах которой происходит сватовство, заканчивающееся зажжением свечи у икон и общей молитвой, в причете просит разъяснить смысл происходящего.

В сказке говорящий (рассказчик) колеблется в отношении предмета повествования, на грани было\не было, ставя под сомнение *экстенциональный* уровень изображаемого в высказывании события: «было или не было, а стары люди сказывали», «в некотором царстве, не в нашем государстве» и т.д.

Адресант причитания фиксирует неопределенность смысла событий, *интенционала*¹. Говорящий свидетельствует о действительности определенных событий, которые он наблюдает, но не имеет ключа к их интерпретации — почему близкий человек лежит без движения, почему собралась в доме люди, в ситуации свадьбы — о чем задумались родители, зачем готовится угощение и т.п.:

Я спрошу у тя, да красно солнышко:
Да что же нынче это за люди,
У тя что же да за народы?
У тебя купцы ли пришли торговые
Ли скота у тебя да покупати... [14: № 429]

Уж ты свет, сударь-батюшка,
Да государоня-матушка,
Вы какой пир заводите,
Вы зачем пиво варите?.. [16: 32]

Область пресуппозиции: “если все делаешь правильно, как положено, ничего плохого случиться не может”.

¹ «И если вещи не соответствуют своему имени, то что может уберечь их от его потери? Что же тогда останется, что оградит нас от произвола денотаций, которым ничего не соответствует, от пустоты индексов, то есть от формальных означающих типа «это» — если и то и другое окажется лишенным смысла? Все обозначения обязательно предполагают смысл, и мы неизбежно оказываемся сразу внутри смысла всякий раз, когда что либо обозначаем... Если эти значения разрушаются, если они не обладают внутренней устойчивостью, то личная идентичность утрачивается.» [6: 32-33]

Область высказывания: “что-то плохое случилось, значит что-то было сделано не правильно”:

Глупо сделали сиротны малы детушки,
Мы прогупали родительско желаньицо,
Допустили эту скорую смеретушку!
Я бы знала, сиротиночка,
Так не поспала бы ночку темную,
Заперла бы тя, сын возлюбленной... [3, с.173]

Вопросительная конструкция обнаруживает посягательство ситуации на смысловую организацию мира, в котором располагал себя до сего момента говорящий: происходит столкновение жизненного сценария с жизненным фактом.

Причитание создает вербальную оболочку того противоречия, которое возникло между реальной жизнью и ее социальной “проекцией”. Противоречие это должно разрешиться социально — изменением поведенческого стереотипа. Реорганизация членов социума в отношении их поведенческих стереотипов при сохранении стабильного числа социальных ролей — одна из основных задач ритуала. Причитание оформляет начальный его этап, обусловленный разрывом прежних связей и утратой прежней картины мира “лиминальными персонами”.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахманова О.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. *Байбурин А.* Причитания: текст и контекст // *Artes populares* 14: Ed.by Vilmos Voigt. Budapest, 1985.
3. Белозерье: Историко-краеведческий альманах. Вып.1. Вологда, 1993.
4. *Буркхарт Д.* Текстуальные, контекстуальные и интертекстуальные аспекты причитаний на Руси // *Фольклор в современном мире: аспекты и пути исследования.* М., 1991.
5. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1997.
6. *Делез Ж.* Логика смысла. М., 1997.
7. *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. Вып.2. СПб., 1902.
8. *Зеленин Д.К.* Восточно-славянская этнография. М., 1991.

9. *Зеленин Д.К.* Описание рукописей ученого архива императорского русского географического общества. Вып.1. Пг., 1914.
10. *Жирмунский В.М.* Введение в литературоведение. СПб., 1996.
11. *Каспина М.* Материалы Каргопольской экспедиции РГГУ: Похоронный обряд Каргополья // Живая старина. 1996. Вып.1.
12. *Кастров А.Ю.* Вопросы структурной типологии олонецких нарративных распевов // Русский фольклор. Т.27. СПб., 1993.
13. *Куликовский Г.* Похоронные обряды Обонежского края // Этнографическое обозрение, IV. 1890. № 1.
14. Лирика русской свадьбы./ Изд. подгот. Н.П.Колпакова. Отв. ред. В.Е.Гусев. Л., 1973.
15. *Марченко Ю.И.* Некоторые вопросы музыкальной стилистики эпических напевов архангельской традиции // Русский фольклор. Т.28. СПб., 1995
16. Песни, собранные П.Н.Рыбниковым. В трех томах. Т.3. Петрозаводск, 1991.
17. Полное собрание русских летописей. Т.4., ч.1. Новгородская четвертая летопись. Л., 1925. Вып.2.
18. Похоронные обычаи и приплач в с.Нигижме Пудожского уезда (Зап. Н.Шайжин) // Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 119-124. Октябрь.
19. Причитания Северного края, собр.Е.В.Барсовым. Том 1. СПб., 1997.
20. Русская народно-бытовая лирика / Причитания в записях В.Г.Базанова и А.П.Разумовой./ Вст.ст. и комм. В.Г.Базанова. М.-Л., 1962.
21. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской обл.) / Д.М.Балашов, Ю.И.Марченко, Н.И.Калмыкова. М.,1985.
22. Русская грамматика. Т.2. М., 1980.
23. *Томашевский Б.В.* Стилистика. Л., 1983.
24. *Чистов К.В.* Проблемы картографирования обрядов и обрядового фольклора // Свадебный обряд. Л., 1974.
25. *Ухтомский А.* Интуиция совести: Письма. Дневники. Заметки на полях. СПб., 1996.
26. *Van Genner A.* Rites de passage. Paris, 1908.

Фонетические особенности севернорусских похоронных плачей и причитаний

Диалектное разнообразие севера России не раз привлекало внимание исследователей. Имеется множество работ, посвященных описанию как отдельных говоров, так и особенностей северного наречия вообще в противоположность другим диалектным вариантам русского языка. Результатом этих исследований явилось, в частности, создание лингвистических атласов. Тем не менее, картографирование производилось далеко не во всех районах севера России; к примеру, белым пятном в атласе осталась почти вся Архангельская область.

Интенсивные диалектологические исследования проводились в основном в 60-е-70-е гг., и уже тогда отмечалось исчезновение многих своеобразных особенностей говоров этого региона, “выравнивание” его лингвистической картины в связи с развитием средств массовой информации и связанным с этим усилением влияния литературного языка. В то время как повседневная речь приобретает черты разговорной речи на литературном языке, можно ожидать сохранения особенностей того или иного говора в различных формах устного фольклора, где они как бы “консервируются”.

В этом смысле самыми интересными для ученых окажутся, несомненно, наиболее архаичные фольклорные жанры, дальше всего отстоящие от повседневной разговорной речи, включающие большое количество устойчивых сочетаний и застывших формул, а также тесно связанные с обрядами и ритуалами. Именно к таким жанрам относятся плачи и похоронные причитания.

Представленные в данном выпуске Бюллетеня Фонетического Фонда плачи и причитания были записаны в различных районах севера России — в Архангельской, Вологодской, Кировской областях и в Карелии. Всего Фонограммархив Института Русской Литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии Наук предоставил для публикации 22 магнитофонные записи. Географически они распределены следующим образом:

Область	Район	К-во записей
Архангельская	Каргопольский	1
	Мезенский	1
	Северодвинский	1
	Вельский	1
	Лешуконский	5
Вологодская	Бабушкинский	2
	Тотемский	3
	Тарногский	1
	Вытегорский	2
Карелия	Пудожский	3
	Медвежьегорский	1
Кировская	Лузский	1

Записи были сделаны в период с 1974 по 1996 г. Средний возраст участниц — 71 год.

Все записи транскрибировались, затем на основании этой транскрипции было произведено описание фонетических особенностей каждой записи и их сравнение с фонетическими особенностями севернорусских говоров, засвидетельствованных ранее другими авторами.

Диалектная принадлежность и фонетические особенности материала

С диалектологической точки зрения перечисленные выше районы, где производилась запись, входят в зону распространения северного наречия русского языка (по диалектному членению), или в зону распространения говоров Севернорусского диалектного типа (по типологической классификации).

Диалектное членение.

“Граница северного наречия, начинаясь в своей западной части у южного побережья Ладожского озера, примерно на 32° в.д., направляется далее к югу параллельно течению Волхова (несколько западнее его), спускается почти до озера Ильмень, поворачивая здесь на восток, идет вдоль течения Мсты и, несколько южнее г. Боровичи, направляется к среднему течению Мологи, затем вдоль нее к Бежецку, Ярославлю, откуда границей северного наречия можно считать течение Волги. На востоке и севере территория, применительно

к которой создается предлагаемая группировка говоров, ограничена приблизительно 45° в.д. и 62° с.ш.” [4, с. 52]

На втором уровне классификации северное наречие подразделяется на три группы говоров и межзональные говоры (см. рис 1).

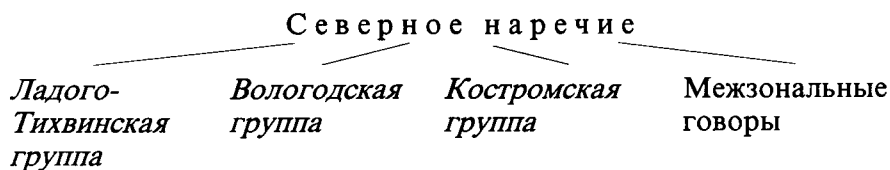

Рисунок 1. Деление северного наречия в диалектном членении.

Отметим, что Мезенский, Северодвинский и Лешуконский р-ны Архангельской области, Медвежьегорский и часть Пудожского р-на Карелии лежат севернее 62° с.ш., а Лузский р-н Кировской области — восточнее 45° в.д., т.е. выходят за пределы территории, для которой производилось картографирование, так что мы не можем отнести их к какой-либо группе.

Границы Вологодской группы устанавливаются следующие: с 39° до 45° в.д., с 59° до 62° с.ш.

Таким образом, в Вологодскую группу попадают материалы из восточных районов Вологодской области (Тарногский, Тотемский и Бабушкинский), а также из Каргопольского и Вельского р-нов Архангельской области.

Ниже приводятся характерные фонетические особенности говоров, входящих в Вологодскую группу.

1. Возможность произнесения [e], [je], спорадически [i] перед твердым согласным, а также [i] перед мягким согласным в соответствии с /e/ и гласных [o], [uo] в соответствии с /o/.

2. Фонетически закономерное чередование [e] и [a] между мягкими под ударением:

[v'z'e`t'], [dn'e`m'i] (*взеть, днями* вместо *взять, днями*)

3. Вокализм 1-го предударного слога после мягкого, при котором в соответствии с ударными /o/, /e/, /a/ произносится:

1) перед твёрдым: [e] (реже [o]), [e], [a];

2) перед мягким: [e] (изредка [i]), [i] (изредка [e]), [e].

4. Комплекс использования губных спирантов северо-восточного типа: [v] перед гласными чередуется с [w] в конце слова и слога.

5. Употребление пары боковых сонантов: / (перед гласными непреднего ряда) и [l'] (перед гласными непреднего и преднего ряда). Фонетически закономерное чередование / с [w] в конце слова и слога, совпадение его с фонемой / (и) в этом положении.

6. Использование одной аффрикаты /ts'/ в ряде говоров (мягкое цоканье).

7. Возможность произнесения звуков типа [ʃ'tʃ'], [ʃtʃ'], [ʃtʃ] (наряду с более обычным [ʃ:]).

8. Произнесение твёрдого согласного вместо мягкого в словах типа *больно, большой*.

[bo`lnl], [bɫʃo`j]

9. Особенности отдельных слов: *что* как [ʃtʃ'o] или [ʃt'o].

Типологическая классификация.

В типологической классификации русские говоры разделяются по диалектным типам [3]:

Рисунок 2. Деление русских говоров в типологической классификации

Территория распространения говоров Севернорусского диалектного типа очень близка северному наречию диалектного членения, но деление говоров Севернорусского диалектного типа в типологической классификации более сложно, чем деление северного наречия в диалектном членении (см. рис. 2). Все группы говоров северного наречия в диалектном членении выделяются и в типологической классификации, но классификационный ранг групп не совпадает. Так, группа говоров Вологодского диалектного типа в типологи-

ческой классификации выделяется на четвертом уровне классификации, группа говоров Вологодско-Вятского диалектного типа — на втором.

В табл. 1 приведены признаки, на основании которых в типологической классификации выделяется Вологодско-Вятский диалектный тип, и примеры реализации этих признаков на материале записей из восточной части Вологодской области (Тотемский район) и юго-западной части Архангельской области (Каргопольский район).

Таблица 1

Признаки Вологодско-Вятского диалектного типа	Реализация признаков в записях	
	Вологодская обл., Тотемский р-н	Архангельская обл., Каргопольский
	<i>“Ой уж ты родимой жо брателко”</i>	<i>“Уж и мне-ка сесть, бедной горющице...”</i>
1. Гласный в 1-м предуд. слог в контексте C'VC' в соотв. с:		
/o/: [e], [o]		[mojomu`]
/e/: [e]	[kam'eʃɔ`]<чками>	
/a/: [a]	[najawu`]	
в контексте C'VC' в соотв. с:		
/o/: [e]		
/e/: [i]	[t'eb'a`]	[t'ib'e`]
/a/: [e]		
2. [e] на месте е из *ё в 1-м предуд. после С'		
3. [o] на месте зауд. конечного е в оконч. 2 л. мн.ч. глаголов	[pogl'ed'i`t'e]	[pok'i`n'it'e]
4. [i] на месте е из *ё под ударением перед С'		[sogri`jɔto]
5. [e] на месте а под ударением в контексте C'VC'	[pl'em'e`]<ннички>	[d'e`d'uʃək'i]
6. [a] на месте а под ударением в контексте C'VC'		
7. [tɕ'] на месте ч		[s'er'id'e`tɕ'no]
8. [tɕ] на месте ц	[str'i`tɕe]	

9. [ts'] на месте ц		[gor'y`fets'ε]
10. Совпадение согласных на месте чи цв [ts']		см. пп.7, 9
11. [w] в соотв. с л твердым перед согл. в старых сочетаниях редуц. с плавным и в сущ. с утраченным редуц. перед суффиксом -*ък-	[n'edo`ɔgo]	
12. Отсутствие протетического [v] перед ударными [o] и [u]		[u`sənojo]
13. Твердые губно-губные согласные на месте мягких в конце слова		
14. [f] на месте /v'/ в конце слова		
15. [f'] на месте /v'/ в конце слова		[ostaf']
16. [n'] в сочетании *-ныц-		

Примечание. Затененные клетки означают, что данной особенности в материале не отмечено.

Как видно из табл. 1, многие указанные признаки не встретились в исследуемом материале; с другой стороны, в нем имеются другие особенности, не вошедшие в число признаков. Поэтому на основании сравнения трех записей (тексты и транскрипцию см. во втором разделе наст. издания) из разных областей, предположительно относящихся к разным говорам, был сформирован несколько иной набор признаков, который полнее отражает фонетический образ материала, но, как и приведенный выше, не позволяет утверждать что-либо относительно принадлежности последнего к одной или к разным группам говоров.

1.ФА ИРЛИ, МФ 3044.01. *Уж как сяду я, беднушка...* (Карелия, Пудожский р-н)

2.ФА ИРЛИ, МФ 2929.17. *Ой уж ты родимой жо брателко...* (Вологодская обл., Тотемский р-н)

3.ФА ИРЛИ, МФ 1588.06. *Уж и мне-ка сесть, бедной горющице...* (Архангельская обл., Каргопольский р-н)

Найденные фонетические особенности представлены в табл. 2.

Таблица 2

Особенность	“Уж как сяду я, беднушка...”	“Ой уж ты родимой жо брателько”	“Уж и мне-ка сесть, бедной горющице...”
1.[o] на месте <i>o</i> в безуд. слогах	[bogoro`d`i-tʃk`i] [m`o`rtvomu]	[korot`œ`] <ше-нько>, [ʃiɾo`kom]	[bogoda`noj]
2.[e] на месте <i>e</i> в безуд. слогах	[s`em`e`juʃkoj] [bu`d`et], cf. [voskr`is`e`n`itsu]	[pl`em`e`] <ннички>	[s`er`id`e`ts`no], [ma`tuʃk`e]
3.[o] или [ɔ] на месте <i>e</i> в безуд. слогах	<i>Только в следующих окончаниях:</i> [bu`duʃ:om], [vdov`i`n:oj], [posl`i`dn`om]	<i>Только в частице "же"</i>	[go`r`onk`e], [proʃt`a`njits`o], [proʃt`e`njits`o] <i>В оконч. глаг.:</i> [pr`ije`d`oʃ], [sogri`joto] <i>В словах:</i> [pt`i`ts`jomu], [ts`olov`e`ts`jo-m(u)] <i>Местоим. мой, твой в Д.п. ед.ч. м.р.:</i> [mojomu`], [tvojomu`]
3а*. [o] на месте <i>e</i> в удар. слогах	<i>в местоим. Д.п. ед.ч. ж.р.</i> [svojo`j]		
4*. [i] на месте <i>e</i> в ударных слогах	[posl`i`dn`om]	[str`i`tse], [str`i`] <тице>	[sogri`joto]
5*. [o] на месте <i>a</i> в безуд. слогах	[roskaz`i], [roʃo`tka]		[rostava`n`jits`], [robo`tuʃk`]
6*. [a] на месте <i>e</i> в безуд. слогах	[zala`n:ogo]		[z`ala`n:oj]
7*. [e] на месте <i>я</i>		[pogl`ed`i`t`e]	
8. Совпадение <i>ци</i> <i>чв</i> [ts`]			[p`ets`], [proʃt`a`njits`o]
9*. [t`] вместо [ts]	[diha`n`jit`i], cf. [voskr`is`e`n`itsu]		
10.* [ʃ:] вместо [ʃ:]	[bu`duʃ:om], cf. [b`ezaf`itənaja]		

11*. [ʃt] вместо [ʃ:]		[iʃtʰ]	
12*. ʃt' вместо [ʃ:]			[proʃt'a`njits'o]
13*. Неслог. [u], [ʊ], или [w] на месте л		[n'edougo], [ʒoutim'i], [dostaunijœ]	
14. Неслог. [u], [ʊ] или [w] на месте в		[tʰwoi], [sinouja], [prowod'i(t')] (cf[v], [f] на месте в: [viz'b'e], [rod'imova], [ft'œplom])	
15*. [β], [β'] на месте интервок. [b], [b']	[roβotka], [t'eβ'e], cf [t'eb'e]		
16*. Упрощение групп согласных -ж ж-, -ж с- -ж шт- на стыках слов		[ʊʒoutim'i], [us'erim'i], [uʃ:o]	
17. Окончание [jes'e] (-ешься) возвр. глаголов 2 л. ед.ч. наст. и буд. вр.	[otpravl'ajes'e] [pov'idajes'e]		
18*. Упрощение конечного сочетания -сть			[s'e`s'e]
19*. Упрощение группы <i>встр-</i>	[postr'etʃa-jes'e]	[str'i`tse]	
20*. Нет упрощения группы <i>встр-</i>			[fstr'e`t'is'e]

Примечание.

1. Знак (*) означает, что данная особенность встретилась только в указанных примерах.
2. Затененные клетки означают, что данной особенности в материале не отмечено.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, далеко не все особенности, отмечавшиеся в речи жителей той или иной местности ранее, фиксируются в ней в более позднее время. Это может свидетельствовать, с одной стороны, о разрушении имевшейся диалектной системы, разрушении, зашедшем столь далеко, что даже такой консервативный жанр, как похоронные причитания, не сохранил эти особенности. С другой стороны, отсутствие ряда особенностей в изучаемых записях может объясняться сильно ограниченным набором использованных лексических единиц. Как известно, плачи и причитания почти полностью состоят из застывших формул и выражений, переходящих из одного плача в другой, комбинируемых каждый раз по-новому, но неизменных по своему лексическому составу. Поэтому вполне возможно, что в наших записях просто не было фонетических позиций, где могли бы проявиться некоторые диалектные черты.

С этим же связано, по-видимому, и большое количество случаев, когда какая-либо особенность встречается только один раз в одном и том же примере. Необходимо отметить, что единичность проявления той или иной особенности в наших текстах никак не характеризует частоту встречаемости этой особенности в других типах речи — это может быть черта как редкая, так и очень частотная. Известно, например, что упрощения групп согласных чрезвычайно распространены во всех типах речи, и единичный случай такого упрощения в той или иной записи свидетельствует просто о том, что в этой записи всего один раз возникла фонетическая позиция, где такое упрощение могло иметь место.

Небольшим количеством постоянно повторяющихся слов и формул можно объяснить и своеобразную “лексическую связанность” некоторых фонетических черт — случаи, когда какая-либо особенность встречается в разных записях в одних и тех же словах. Так, например, список слов, где есть долгий [ʃʃ] и сочетание [ʃt] на месте орфографического *щ*, всегда будет включать слова *еще, прощание, прощанице, будущий, беззащитный*.

Ряд фонетических характеристик материала объясняются, несомненно, жанром записанных текстов, в частности, необходимостью соблюдать ритмическую структуру, типичную для плача и причитания. Это в первую очередь относится к наличию гласных вставок в группах согласных. Например, *мне* произносится как [mɛn'e`], *родного* как [rodəno`go], *письмо* как [p'is'imo`]. В качестве

гласной вставки используется гласный среднего подъема непяреднего ряда после твердых согласных и переднего ряда после мягких согласных (в русистике эти гласные вставки обозначаются соответственно знаками *ъ* и *ь*). Иногда это гласный полного образования, но чаще — более или менее редуцированный.

С особенностями ритмической структуры плачей связаны и характеристики редуции гласных — степень редуции гласных в наших записях значительно меньше, чем в разговорной речи этих же местностей.

Любопытно отметить и некоторые морфологические особенности, встретившиеся в исследуемых текстах. Так, сопоставление особенностей произношения окончаний прилагательных в трех записях дало следующие результаты:

Таблица 3

	“Уж как сяду я, беднушка...”			“Ой уж ты родимой жо брателко”			“Уж и мне-ка сесть, бедной горюшице...”		
ед. число	м.р.	ж.р.	ср.р.	м.р.	ж.р.	ср.р.	м.р.	ж.р.	ср.р.
Им.		[aja]	[ojo]	[oj]					
Род.	[ogo]						[ogo]		
Дат.		[oj]	[omu]				[omu]		[omu]
Вин.				[ova]				[uju]	[ojo]
Тв.		[aj]							
Пр.			[om]			[om]	[om]	[oj]	[om]
мн. число									
Им. п.				[i`jo]			[i`je]		
Род. п.									
Дат. п.									
Вин. п.									
Твор. п.				[imi]					
Пр. п.									

Примечание. Затененные клетки означают, что данной формы в материале не отмечено.

На основании данных, представленных в табл.3, отметим, что в окончаниях прилагательных 1) не теряется интервокальный [j] и 2) наблюдается произнесение [o] на месте заударного *e* (напр., в В.п. ед.

ч. ср.р.: *последнёе, устноё*, в Пр.п. ед.ч. м.р.: *третьём*, ж.р. *дальней* и ср.р.: *будушом, послиднём*, в Им.п. мн.ч.: *родные*).

Подробное транскрибирование и фонетический анализ записей похоронных причитаний и плачей позволяет сделать вывод об отсутствии цельных фонетических систем диалектов, о сильном разрушении таких систем. Очевидно, что даже “консервативные” жанры не в состоянии полностью “законсервировать” распадающуюся фонетическую систему того или иного говора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.
2. *Пауфошима Р.Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.
3. *Пшеничнова Н.Н.* Типология русских говоров. М., 1996.
4. Русская диалектология. / Под ред. Р.И. Аванесова, В.Г. Орловой. М., 1964.

№ 1. Ой, резвы ножки подломилися...¹
(Похоронное причитание по мужу в избе)

Ой, резвы ножки подломилися,
А ясны оци помутилися.
Ой, подойти-ко м(ы)не-ка, беднушки,
Ой, мне ко резвыим-то ноженькам,
5 Ой, ды к ретивому сердцецюшку,
Ой, поглядит(и)-то м(ы)не-ка, беднушки,
Ой, м(ы)не во яс(ы)ннии-ты оценьки.
Ой, может спусчу я с(ы)вой зычён(ы) голос
Ой, не в умильнѣ п(ы)ричитаньице;
10 Ой, голосочком я повыз(ы)дыну
Ой, с(ы)воёго дитя бажоного.
Ой, поспрошу я тол(и)ко, бед(ы)нуш(ы)ка:
Ой, тебе што не прилюбилосе,
А тебе што не приглянулосе,
15 Ой, тебе денюшки ль не полныи,
Ой, али хлебы не довольныи.
Ой, ты оставил молоду жену,
Ой, ды рожонных(ы) малых(ы) детушок.
Уж(и) как(ы) твоя-та молода жѣна
20 А пора-времячко обойдетце,
Ой, тоска на сер(и)ци уходице —
Й-она найдет(ы) мужа закон(ы)ного.
Ой, как(ы) рожонныйи-ты детуш(ы)ки
Уж(и) не найдут(ы) кор(ы)мил(и)ца-батюш(ы)ка.
25 Ой, дак(ы) жадоб(ы)ной ты жадобуш(ы)ка!
Уж как серотныйи-ты детушки,
Й-оны на улици шаливыи,
Ой, за столом(ы)-то — бол(и)шовыт(ы)ныи,
Ой, на их(ы) п(ы)латия — на огни горят,
30 Ой, ды обутка быстро дѣр(и)жице.
Уж(и) дак(ы) жадоб(ы)ной ты жадобушка!
А попрошу я тол(и)ко, бед(ы)нушка,
Ой, П(ы)рисвяту С(ы)вет(ы) Богородицю:
Ой, тол(и)ко дай-ко тебе Господи,

¹ Орфографическая расшифровка причитаний выполнена на основе традиций устоявшихся в публикациях серии ИРЛИ «Памятники Русского фольклора».

35 Ой, в рез(ы)вы ножен(и)ки хоженьице,
 Ой, во белы г(ы)руди з(ы)дыханьице,
 Уж(и) во яс(ы)ны оци г(ы)ляженьице,
 Ой, во уста-ты говореньице.
 Ой, дак вставай(и)-ко ты по-старому
 40 Ой как к рожоньим(ы)-то детуш(ы)кам,
 Ой, ды к(ы) жадоб(ы)ным(ы)-то жадобуш(ы)кам —
 Ой, на ноги креп(ы)ко не став(ы)лѣны,
 Ой, ума-разума не надано.
 Ой, как(ы) рожоньим(ы)-то детушкам
 45 Ведь много надо ума-разума.
 Хот(е) есче дядуш(ы)ки — не батюш(ы)ки,
 Ой, есче тѣтушки — не матуш(ы)ки:
 У их(ы) жоланьица часовьи,
 Ой, как сер(и)дечуш(ы)ка коловьи,
 50 Уж у их семьи позаведѣны,
 Ой, с(ы)вои детушки нарошчѣны.
 Ой, дак й-оны мои бажоньи,
 Ой, да кругом да будут около,
 Ой, да ходит(и) будут(ы), шататисе,
 55 Ой, до жалан(и)я добѣратисе.
 Ой, нет великого жаланьица —
 А как кор(и)милец(ы)-то был батюш(ы)ко.

ФА ИРЛИ, МФ 3019.12-14.

Карелия, Пудожский р-н, Каршевский с/с, д. Каршево

Сухова Мария Николаевна, 1911 г.р.

Записали: Кастров А. Ю., Троицкая А. Д., Шифф В. П., 16.12.1984.

№ 2. Я сегодняшного деницьку...

(Рекрутское причитание матери в избе перед отъездом сына)

Я сегод(и)няшного деницьку
 Дак мало спала, м(ы)ного видела,
 Уж(и) ды-й во снях(ы) много казалоси.
 Ды по сегод(и)нешному деницьку
 5 Уж(и) ко теби, рожоно дитятко,
 Дак приходил(ы) кор(ы)милец-батюшко

Уж(и) на твоё на провожжен(и)ицё
 Да й-он с покупкамы, с подар(ы)камы,
 Ой он(ы) ведь с винамы заграниц(и)ныма.
 10 Как рожоноё-то дитятко!
 Дак уж(ы) как я, да м(ы)ногобед(ы)нушка,
 Как сегод(и)няшного деницьку
 Уж(и) бежала по хором(ы)ному строен(и)ицю
 Ды отворяла д(ы)вер(и) дубовую,
 15 Уж(и) запускала, м(ы)ногобед(ы)нушка,
 Как свою законную семеюшку —
 Ды твоёго кор(и)мил(и)ца-батюшка —
 На твоё на проважжен(и)ицё.
 Уж самы знаём, самы ведаём —
 20 Нет кор(и)мил(и)ца света батюшка,
 Ды нет покупоцёк-подароцёк,
 Ды нету вин(ы) да заграниц(и)ных,
 Ды нет корьмил(и)ца света батюшка.
 Ты рожоно моё дитятко!
 25 Пойдёшь по пути да по дороженьке:
 Уж(и) там по левую по руцен(и)ку
 Стоит белая лебёдушка.
 Дак(ы) пок(ы)лонис(и), моё бажоноё,
 Ды этой белою лебёдушки.
 30 Клади-т(ы)ко свец(и)ку сторублёвую,
 Да кладь-ко пелену шолковую,
 Штобы Гос(ы)поди помиловал
 Уж от врага от супостатого,
 Ды и от пуль от снаряжонных.

ФА ИРЛИ, МФ 3090.09-3091.01

Карелия, Пудожский р-н, Авдеевский с/с, д. Песчаное

Исакова Анастасия Дмитриевна, 1907 г.р. (урож. д. Рындозеро Авдеевского с/с)

Записали: Кастров А. Ю., Осипов А. В., Троицкая А. Д., 16.06.1985.

Нотная расшифровка опубликована: Кастров А. Ю. Напевы пудожских
 причитаний тирадно-строфической композиции / Русский фольклор. СПб., 1996.
 Т.29. Нотное приложение № 10.

№ 3. Уж как сяду я, беднушка...
(Похоронное причитание по подруге в избе)

Уж как сяду я, беднушка,
Да ко телу да ко мёртвому,
Да ко личюшку поб(ы)лёклому.
5 Уж(и) как подружка моя милая,
Уж ты куда да отправляесе,
Уж ты куды да снаряжаесе:
Уж ты не х праздничку годовому,
Не к Воскрисеньицу Христовому,
А к Пок(ы)рову Богородички
10 Ды во матушку сыру зем(и)лю?
Уж как суседка подугольная!
Да как на будущем на векушки
Да буде-будет воля вол(и)ная.
Уж ты с законнай-то семеюшкой
15 Да ты дорожкой повстречаесе,
Да на пути да повидаетесе.
Уж подойди-ко поблизёшенько,
Да поклонись-ко понизёшенько,
Уж(и) росскажи-ко ты, пожалуйста,
20 Уж про своё житьё вдовинноё:
Тебе роботка не под силушку,
Уж тебе платья не по плечушкам.
Уж(и) беззаступна, беззащитная —
Уж у тя род(ы)ного не одного,
25 Ды жаланного не й-адного.
Уж как ыще, под(ы)ружка милая,
Уж ты скажи своей законной-то семеюшки,
Што при послиднём-то дыханьици
У тя стоял родимо дитятко —
30 Любимая невестушка.

ФА ИРЛИ, МФ 3044.01.

Карелия, Пудожский р-н, Авдеевский с/с, д. Авдеево

Костина Пелагея Федоровна, 1912 г. р.

Записали: Кастров А.Ю., Осипов А.В., Троицкая А.Д. 10.06.1985.

№ 4. Ой, только слушай-ко, светушко братец родимый!
(Поминальное причитание по брату на могиле)

- Ой, тол(и)ко слушай-ка, светушко братец родимый!
Ой, ты мне дай-ка ты великое разрешеньица
Сесть на й-эту да на умёршую на могилушку,
Что ль на й-эту на земелюшку на промёрзшую.
- 5 Ой, ты прости меня за редкая посещения!
Ой, я сегодняшним господним да божьим денечком,
Разобижѐна кручинная головушка,
Не попросить ли в небе ангелов архангело<в>:
Ой, вы рассыпьте-ка по песчиночкам все песочки,
- 10 А расколите в мелки черешки г(ы)робовы доски!
Стань-восстань-ко ты, родимай да милай брат<енька>!
Ой, ты открой-ко ты свои да ясны оченьки,
Ай, ты размахни-ка ты свои да белы рученьки,
А стань на резвья свои да белы ноженьки,
- 15 Ай, посмотри-ка ты на породушку родовиту<ю>:
На своих-то ты жоланных да милых детушок, —
И на свою ли на скачѐных да на жемчужинок,
Ай, на свою ли ты законную супругу да всё законну<ю>.
Ой, как сегодняшним господним да божьим денечк<ом>
- 20 У ней будѐт там большое да пированьица,
А приглашает тебя на дом во хоромная строеньица.
А там поставлены всё столы да всё дубовые,
Там стоят да ли што ли закусочки медо<вые> —
Ой, ей сегодня как был будет день рожженьиц<а>.
- 25 А ещё спрошу я, светушко братец родимый!
Если там-то вам велика да вольна волюшка,
Не видал ли ты жѐланных родителей?

ФА ИРЛИ, ЭРЗ 91, 14. 02
Карелия, Медвежьегорский р-н, Шуньгский с/с, д. Перхино
Хозяинова Клавдия Васильевна, 1923 г.р. (уроженка д. Шуньгский Бор)
Записал: Кастров А. Ю., 17.04.1991.

№ 5. Уж и мне-ка сесть, бедной горющице...
(Похоронное причитание по свекрови в избе)

- Уж(и) мне-ка сес[т]ь, бедной горющице,
Уж(и) ко буйной-то ко головушке,
Уж(и) к богоданной да своей матушке,
Уж(и) ко высокому зголовицу.
5 Уж(и) я скажу тебе, голубушка,
Уж(и) богоданна-то моя матушка:
Уж(и) посылала я, голубушка,
Уж(и) скорописцятую грамотку
Уж(и) моёму сыну родимому —
10 Уж(и) твоёму внуку любимому.
Уж(и) написала-то я по-скорому,
Уж(и) наказала да я по-строгому:
Уж(и) ты лети пис(и)мо по-птицьёму,
Уж(и) говори по-цёловецьёму.
15 Уж(и) приезжай-то, сер(и)децьно дитятко,
Уж(и) ко своей жаланной бабушке
Уж(и) на последнёе прощаньице,
Уж(и) как на вечно да расставаньиц<ё>.
Уж(и) боле во веки не встретисе,
20 Ды боле вечно не увидисе:
Ни на пути-то, ни на дорожен(и)ке,
Уж(и) ни на трудной(и)-то роботушк<е>,
Ни на круглив(ы)цятым озёрыш(и)ки,
Уж(и) ни в своей ды высокой горён(ы)<ке>.
25 Уж(и) ты приедёшь-то, мило дитят(ы)ко,
Уж(и) на родиму-то на сторонушку.
Уж(и) во твоей-то высокой горён(ы)ке
Уж(и) будё в том ды уг(ы)лу пустёшенько,
Уж как в другом(ы) да холоднёшен(и)ко,
30 Уж как в третьём-то — снежки белыи,
Уж как в четвёр(ы)том — печь кирпичиная,
Уж(и) печь кирпичиная, холодная, —
Уж(и) не согри[т]-то тебя, бедного,
Уж(и) с цюжой дальнёй(и)-то сторонуш<ки>.
35 Уж(и) не покин(и)те, люди добрые,
Уж(и) вы мильи-то суседушки,

- Да вы родимы-то милы дедюш(и)ки,
 Уж(и) как любимые-ты тётуш(и)ки!
 Уж(и) богоданна-то моя матушка!
- 40 Уж(и) што ты спишь, не просыпаиси,
 Уж(и) не вставаш(и), не пробуждаеси?
 Уж(и) што ты плотно-то повалиласи,
 Уж(и) што ты креп(ы)ко усыпиласе,
 Уж(и) на меня ды приосер(и)диласи —
- 45 Уж(и) на мои-ты ды оскор(ы)бленьиця,
 Уж(и) ты на гордые-ты словецюшка?
 Оставь-ко ус(ы)ноё прощеньицё,
 Оставь на одно ды благословленьиц<ё>.

ФА ИРЛИ, МФ 1588.06.

Архангельская обл., Каргопольский р-н, Лекшмозерский с/с, д. Масельга
 Ушакова Александра Васильевна, 1916 г.р.

Записал: Коргузалов В. В., 10.09.1979.

№ 6. Ой, я-то увидела - упремитила...
(Поминальное причитание по родителям на могиле)

- Ой, я-то увидела-упремитил<а>
 Ой, скрозь туман(ы) слёзы гориции
 Ды высокую могилушку.
- Ой, попрошу ведь я, горющиця,
 5 Вет(ы)ры сил(и)ни, североцики.
 Ой, розовийтесь, витероцики,
 Роскатите все песоцики!
 Ой, рос(ы)колис(и)-ко ты, сыра земля,
 Покажись-ко, г(ы)рובהа доска.
 * * *
- 10 Покажись-ко, тело мёртвоё,
 Ды-й тело мёртво, лицько блёклоё.
 Стань на резвы ноженьки
 Да на сафьяновыи сапоженьки.
 Ды-й принесла я тебе, горющиця,
 15 В резвы ноженьки шаханьиця,
 В белы руценьки маханьиця,
 Во твои оча свиданьиця,
 А во уста да говореньицё.

- 20 Ды-й стань-ко стань... (там) матушка, (а хоть — батюшко),
Да стань-ко, стань да ты по-старому.
Ды-й пойдём-ко, моя любушка,
Во своё-то вито гнездышко.
Тебе гость — да во большом углу,
Тебе цесьть — да за столом сидеть...

ФА ИРЛИ, ЭРВ 81, 24. 06

Вологодская обл., Вытегорский р-н, Анхимовский с/с, д. Спирово
Куклачева Мария Ивановна, 1903 г.р., родом из д. Кайна

Записал: Кастров А. Ю., 25.08.1981. Окончание текста записано с пересказа.

№ 7. Уж подойти да мне, победною...
(Похоронное причитание по сыну на могиле)

- Уж подойти да мне, победно<ю>,
Уж(и) ко с(ы)воёму милу дитяток<у>
Уж(и) мне со левую-то руцень<ку>.
Уж(и) тут осудят меня, бед(ы)ную,
5 Уж(и) все сусиди, все суседушк<и>,
Уж(и) все сусидски-то малы дитушк<и>.
Так уж подойти да мне, победн<ою>,
Уж(и) в оци я, да в оци яс(ы)ны<и>.
'Ак уж ты с(ы)кажи, сер(и)дец(и)но дитяток<о>,
10 Как уж(и) ты на што да рос(ы)прогневал<се> —
Уж не на меня ли, мат(ы)ку бед(ы)<ную>,
'Ль на с(ы)вою ты уцесьть гор(и)ку<ю>?
'Ак уж ты с(ы)кажи, сер(и)дец(и)но ди<тятко>,
Уж(и) куды справилсе-налади<лсе> —
15 Уж ты не в(ы) любую путь(и)-дороже<ньку>,
Уж(и) не в(ы) любую да не в(ы) милу<ю>?
Уж(и) я как(ы) нынь бы по тепери<ци>,
Дак уж не с(ы)пустила, мат(ы)ка бед(ы)на<я>,
Уж(и) на цюжу дал(и)ню с(ы)торонушку
20 Уж я своёво сер(и)дец(и)на дитяток<а>.
'Ак уж ты с(ы)кажи-т(ы)ко, моё ди<тятко>,
Уж(и) ты с(ы)кажи, моё сер(и)<децное>...

ФА ИРЛИ, ЭРВ 81, 12. 09

Вологодская обл., Вытегорский р-н, Чернослободский с/с, пос. Мирный

Никитина Клавдия Александровна, 1909 г.р., родом из д. Мостовая
Кречетовского с/с Каргопольского р-на Архангельской обл.
Записал: Кастров А. Ю., 14.08.1981.

№ 8. Господарёв мой Сергиюшко...
(Похоронное причитание по мужу в избе)

Господарёв мой Сергиюшко,
Да господарёв мой сердешненькой!
Ой ты чаво жо ты надумалса?
Да ты оставил меня, горё-горькую,
5 Да ты оставил меня, кокушицю.
Пожила с тобой, покрасовалася.
Да я теперичи, кокушыця,
Да как я буду обживатися,
Да как я без тебя буду жить-то?
10 Да господарёв мой Сергиюшко,
Да господарёв мой сердешненькой!
Я пятнадцать годочиков
Да я жила с тобой, красовалася.
Да не слыхала я от тебя худова словечика,
15 Да господарёв Сергиюшко.
Я приду со роботушки,
Да я приду со тяжёлыё.
Некто не скажёт не словечика,
Да не спромолўыт единова.
20 Уж я шибко уходилася,
Да уж я шибко притомилася,
Да господарёв Сергиюшко.

ФА ИРЛИ, ЭРВят. 92М, 11.02в
Кировская обл., Лузский р-н, Аникинский с/с, д. Варжа (Кузьминская)
Зимилова Вера Алексеевна, 1915 г.р.
Записали: Марченко Ю. И., Шевченко Е. А., 08.07.1992.

№ 9. Уж роскатитесь-ко, ручки белы...
(Похоронное причитание по мужу в избе.)

Уж(и) роскатитесь-ко, ручки белы<е>,
Уж(и) вы откройтесь-ко, оци ясны<е>,

Уж(и) у моей-то лады же ладненьк<ой>,
 Уж(и) у моей-то лады сер(и)десъне<нькой>.

5
 Уж(и) я скажу тебе, лада миленька,
 Уж(и) стало крошочка тебе немножеч<ко>
 Уж(и) о своём(ы) домички благода<тном>,
 Уж(и) о своей-то да светлой светлице,
 Уж(и) при столовенькой своей горен<ке>.

10
 Уж(и) <в>се скопились люди добры<е>,
 Уж(и) собрались <в>се провославны<е>
 Уж(и) в нашей домичё<к> благода<тный>
 Уж(и) не ня ра... не на радость, не на веселье —
 Уж(и) спровожать-то тя, ладу миленьку,

15
 Уж(и) спровожать-то тебя жо ладне<ньку>.
 Уж(и) унесут-то тебя, ухватят,
 Уж(и) от меня, моя лада миленька,
 Уж(и) от меня-то, моя же ладне<нька>,
 Уж(и) от своих-то детей рожоне<ньких>,

20
 Уж(и) от своих-то детей же ладне<ньких>
 Уж(и) по тор(ы)ной-то да по дорожечк<и>,
 Уж(и) по слезной-то да по тропиночк<и>
 Уж(и) на круту-ту гору високу<ю>.
 Уж тебя спустят, мой лада миленькой,

25
 Уж тебя опустят, моя же ладненька,
 Уж тебя во ямочку во глубоку<ю>.
 Уж тебя зароят, моя же ладненька,
 Уж(и) розжол(ы)тым-то мелким песочком.
 Уж(и) ты не станёшь, больше не скажешь!

30
 Уж(и) только ходить я буду, кокуха,
 Уж(и) только будить я буду, горюха,
 Уж(и) я тебя, моя лада миленька,
 Уж(и) я тебя-то, моя же ладненька.
 Уж(и) ког(ы)да горюшко навалице,

35
 Уж(и) когда печал(и)-та ко мне накатице,
 Уж(и) я схожу к тебе, лада миленька,
 Уж(и) я схожу-то к тебе жо, ладненька,
 Уж(и) на к(ы)руту-ту гору високу<ю>.
 Уж(и) я роз(ы)рою-то, я рассыплю

40
 Уж(и) <в>сё своё-то горё велико<е>.
 Уж(и) я скажу тебе, лада миленька,
 Уж(и) я скажу-то, моя же ладненька,

- Уж(и) мы ведь жили с тобой же, ладн<енька>,
Уж(и) мы ведь жили с тобой, серьдесне<нька>,
45 Уж(и) не в (й)именьици, не в богачестве,
Уж(и) не с дорогой-то казной велико<ю>.
Уж(и) у нас(ы) много було народилос<е>,
Уж(и) у нас(ы) много було наплодилос<е>
Уж(и) розрожоных детей серьдесньих.
50 Уж(и) ты ходил, моя лада милень<ка>,
Уж(и) ты ходил-то, моя же ладненька,
Уж(и) наживал ты да-й всё старалса,
Уж(и) ты кор(и)мил-то да их поил<-то>,
Уж(и) тол(и)ко думал ты, только мыслил,
55 Уж(и) думам подынём мы детей рожоненьких,
Уж думам под(ы)ростим детей сер(и)десньеньких,
Уж будёт надеюшка нам(ы) велика<я>,
Уж(и) обог(ы)ревушка будёт серьдесня,
Уж(и) от своих-то детей рожоных,
60 Уж(и) от своих-то детей серьдесньих.
Уж(и) я скажу тебе, лада миленька,
Уж(и) я скажу-то, моя сер(и)десньенька,
Уж(и) я куда-то теперь, горюха,
Уж(и) я куда-то теперь, кокуха,
65 Уж(и) приклоню свою буйну голо<в>у?
Уж(и) тол(и)ко как я, бедна-злосчастлива,
Уж(и) тол(и)ко как я да горе-горька,
Уж(и) подыну я, бедна, под(ы)рошшу
Уж(и) я своих-то детей рожоненьких,
70 Уж(и) я своих-то детей серьдесньеньких?
Уж(и) я скажу тебе, лада миленька,
Уж(и) у м(ы)ня силушки-то не хватит,
Уж(и) могуты-то моей не станёт.
Уж(и) всё в печалюшки буду, в(ы) зоботушки
75 Уж(и) всё в зоботушки буду, в(ы) роботушки.

ФА ИРЛИ, МФ 1034.02.

Архангельская обл., Мезенский р-н, д. Майда

Котцова Августа Евгеньевна, 1919 г.р.

Записали: Лобанов М.А., Мальцев Г.И., Мартынова А.Н., Морохова Л.Ф., Шифф
В.П., 17.07.1975.

№ 10. Уж вы раздайтесь-ко, народ да люди добрые...
(Похоронное причитание по внучке во время выноса тела)

- Уж(и) вы раз(ы)дай(и)тес(и)-ко, народ(ы) да люди до<брые>,
Уж вы все суседушки да приб(ы)лижё<нные>,
И все милы тайны твои под(ы)ружечки жела<нные>,
Все собралис(и) да под(ы)готови<лись>.
- 5 Уносят(ы) тебя от(ы) нас(ы), моя да милая,
Дорога ты моя да в(ы)нучин(и)ка жела<нная>,
Уж на имя Ниночка ты моя да дорога<я>,
Уж ты во пос(и)ледней у нас(ы) ден(и) да госпо<дней>.
Уж тебя несут(ы) на укат(ы)-гору высо<кую>
- 10 Уж тебя не во пору да не во врем<ё>,
Уж тебя по вес(ы)ны-то несут(ы) да по к(ы)ра<сной>.
Расцветают-то да ц(ы)ветики а<лые>,
А ты уходишь от(ы) нас(ы), моя да ми<лая>.
Уж(и) вы тихонечко её да несите,
- 15 Уж вы пожалуйста её да не с(ы)рони<те>.
Уж(и) дорога ты моя да милая Ниночка,
Уж я болю об тебе да поско<ряе>,
Уж ты прощай(и) ты моя да милая, жела<нная>,
Я буду ходить к тебе да навеща<ть>.
- 20 Уж ты не во пору да всё не во вр<емё>,
Уж(и) и в цветущи годики твои да<желанные>
Уж подстатила болюшка тебе да незна<мая>.
Уж(и) мы поз(ы)но схватилис(и) во те<бе>,
Не сохранили тебя, наша ты Ни<ночка>,
- 25 Уж ты прощай(и), моя да дорогу<ленька>,
Не забудь ты меня, желан(ы)ная,
Дорогое ты, моя Ниночка!
Я любила тебя да почита<ла>,
И ты любила меня, милая, бабушку Зину.
- 30 (Всё! Не могу боле...)

ФА ИРЛИ, МФ 1253.03.

Архангельская обл., Северодвинский р-н, с. Ненокса

Непытаева Зинаида Григорьевна, 1905 г.р.

Записали: Коргузалов В. В., Хомчук Н. И., 13.07.1976.

№ 11. Ой, как ты моя да голубушка...
(Похоронное причитание по сестре перед выносом тела)

Ой, как ты моя да голубушка,
Ой, моя сестриця родимая!
Ой, ты собралась-то, голубушка,
Ой, ты собрала<сь>, сориюдилася
5 Ой, ты от веков-то не впервые,
Ой, от своей жизни в послидниё.
Ой, ты собралась нарядилася
Ой, ты во все наряды послидниё.
Ой, как ты моя да голубушка,
10 Ой, ты роскажи-ко, голубушка,
Ой, дак ты свои-те обидушки
Ой, как на своих-то сыноциков.
Ой, да как с тобой да водились,
Ой, да как на тя осерьдилися.
15 Ой, как вы мои да приятели,
Ой, как милья да племенники!
Ой, как не спешите, желанныя,
Ой, вы дайте родимой-то матушке
Ой, как нагледитца, голубушке,
20 Ой, да ей на светлыя свитлицы,
Ой, и на любых-то подруженёк.
Ой, как собрались-то, голубушки,
Ой, как проводить-то, голубушки,
Ой, мою сестрицю родимую.
25 Ой, как погодите племенницки!
Ой, как она всё да оставила
Ой, да всё своё попяценьце.
Ой, как ей ведь знайте-то, племенницки,
Ой, да ей ведь не так да досталосё.
30 Ой, как подымала голубушка
Ой, она сиротиночкой горькою
Ой, она без милья ладушки!
Ой, никто не видяю желанницу,
Ой, яё великия трудности.
35 Ой, как приняла-то голубушка
Ой, да много горя великова.

- Ой, как подняла-то голубушка
Ой, да всем людям да на завидость.
Ой, как вывезла-то голубушка
40 Ой, она на поля-те широкиё,
Ой, она в сёла-те да весёлыё.
Ой-ка, как б желала голубушка
Ой, да как и все люди добрыё.

ФА ИРЛИ, МФ 2903.04-08.

Вологодская обл., Бабушкинский р-н, Юркинский с/с, д. Юркино
Власова Таисия Федоровна, 1911 г.р., родом из д. Дьяково
Записали: Марченко Ю. И., Попова Н. Н., 15.09.1985.

№ 12. Ой, как ты моё да рожоноё...

(Похоронное причитание по мужу, когда покойник лежит дома)

- Ой(и), как ты моё да рожоноё,
Ой(и), как ты моё да серьецинько!
Ой(и), как не спалось, не лежаласё
Ой(и), как-то севоднишна тёмна ноц.
5 Ой(и), да всё ждала, дожидаласё,
Ой(и), штё ты проснёссё-пробудиссё,
Ой(и), да и станёшь, рожоноё,
Ой(и), на свои резвы ноженьки.
Ой(и), да ты проснись-ко, рожоноё,
10 Ой(и), дак на минутку хоть времецка.
Ой(и), дак ты скажи-ко, рожоноё,
Ой(и), дак в остальные в послидниё
Ой(и), дак ты на память словецико
Ой(и), дак ты родимой-то мамоньке
15 Ой(и), да и своим-то малым дитям.
Ой(и), да ты оставил, рожоноё,
Ой(и), дак ты своих малых детонёк
Ой(и), да ты в избе, не на улочке,
Ой(и), дак <в>о своём тёплом гниздице.
20 Ой(и), дак ты набавил, рожоноё,
Ой(и), дак на моё-то ретивоё
Ой(и), дак много горя и круцины,
Ой(и), да и пецяли великиё.

- 25 Ой(и), дак я хожу, горемышница,
Ой(и), я без колод запинаясь,
Ой(и), дак без травы заплетаюсё.
Ой(и), дак умываюсь, горюшечка,
Ой(и), дак я кажонной-от божей день
Ой(и), дак я своим горящим слезам.

ФА ИРЛИ, МФ 2900.07-09.

Вологодская обл., Бабушкинский р-н, Юркинский с/с, д. Легитово
Козарина Павла Васильевна, 1912 г.р.

Записали: Марченко Ю. И., Попова Н. Н., 13.09.1985.

№ 13. Ой, уж ты родимый жо брателко...
(Похоронное причитание по брату перед выносом тела)

- Ой, уж ты родимой жо бра<телко>!
Ой, уж нам не доўго, малё<шенько>,
Ой, уж нам ышто коротё<шенько>
Ой, уж погледить на тя, бра<телко>,
5 Ой, уж на широком-то кла<дбище>.
Ой, уж ты родимой жо бра<телко>!
Ой, уж погледи-ко ты бра<телко>,
Ой, на всю родню приближе<нную>!
Ой, уж што пришли да прие<хали>
10 Ой, уж все родныё-двою<родные>,
Ой, да и твои малы де<точки>,
Ой, и сынов(ы)я-голубо<чики>,
Ой, и снохи-ти да голу<бушки>
Ой, уж досталныё-посли<дниё>
15 Ой, уж проводить тебя бра<телко>,
Ой, тебя на веки-ти ве<чные>.
Ой, уж вы, любыё племе<ннички>!
Ой, уж погледите, голу<бчики>,
Ой, вы на родимова ба<тюшка>
20 Ой, уж досталныё-после<дниё>.
Ой, уж как зароят жо бра<телка>,
Ой, ево закидают(ы), голу<бчика>,
Ой, уж жовтыми-то песо<чками>,
Ой, уж серыми камешо<чками>.

- 25 Ой, уж нам(ы) во сней-то приви<дице>,
 Ой, уж наяву не пока<жице>,
 Ой, уж нам на <в>стрице не <в>стри<тице>,
 Ой, уж в стороне не откли<книце>
 Ой, уж наш родимой-от бра<телко>.
- 30 Ой, уж не увидим, несця<стные>,
 Ой, мы не в избе, не на у<лочке>,
 Ой, уж мы не в тёплом(ы)-то гнё<здышке>.

ФА ИРЛИ, МФ 2929.17.

Вологодская обл., Тотемский р-н, Матвеевский с/с, д. Федотово
 Федотовская Анна Ильинична, 1912 г.р.

Записали: Марченко Ю. И., Шифф В. П., 29.10.1985.

№ 14. Ой, дак уж накаться, туця грозная...
 (Поминальное причитание по мужу)

- Ой, дак уж накаться, туця гро<зная>,
 Ой, да прилити, стрела во<страя>,
 Ой, дак уж и розбей, стрела во<страя>,
 Ой, у моево лады ми<лого>
- 5 Ой, ево крутую моги<лушку>,
 Ой, да и гробовую доще<чинку>.
 Ой, дак уж ты моя лада ми<лая>,
 Ой, перекрести, лада ми<лая>,
 Ой, уж ты своё лице бе<лое>,
- 10 Ой, своё лице ты бума<жное>!
 Ой, да уж роскажи, лада ми<лая>,
 Ой, как там живёшь, лада ми<лая>.
 Ой, да уж и послушай, голу<бчик мой>,
 Ой, ты от меня, от горю<шицы>,
- 15 Ой, как я живу, горе-го<рькая>,
 Ой, я без тебя, лада ми<лая>,
 Ой, я не видала, горю<шица>,
 Ой, весёлого-то денё<чика>,
 Ой, я радостнова цясо<чика>.
- 20 Ой, дак уж толькё я улива<юсе>
 Ой, уж я слезами горе<чими>.
 Ой, дак уж видно м(ы)не, горе-го<рькую>,

- Ой, уж видно век не дожда<тисе>,
Ой, да уж и тебя не дозва<тисе>
25 Ой, уж со тово свету бе<лого>.
Ой, вид(ы)но ушол, лада ми<лая>,
Ой, ты от меня, от горю<шицы>,
Ой, дак уж ты на веки-ти ве<чные>,
Ой, да уж на ўсю жизнь бесконе<чную>.
30 Ой, дак уж ты и жды, лада ми<лая>,
Ой, уж ты меня горе-го<рькую>!
Ой, дак уж можот стритим(ы)сё, ла<душка>,
Ой, дак с тобой на том да на бе<лом свете>.
Ой, дак уж тут росскажом, голу<бчик мой>,
35 Ой, уж про свою жизнь сиро<тскую>.

ФА ИРЛИ, МФ 2929.18.

Вологодская обл., Тотемский р-н, Матвеевский с/с, д. Федотово
Брагина Анна Сосипатровна, 1913 г.р.

Записали: Марченко Ю. И., Шифф В. П., 29.10.1985.

№ 15. Ой, уж ты родимой жо брателко...

Ой, уж ты моя лада милая...

(Поминальное надмогильное причитание сестры и жены по брату и мужу)

- Ой, уж ты родимой жо бра<телко>,
Ой, уж собравсё да снаре<дился>
Ой, уж ты на веки-ти ве<чные>,
Ой, уж на всю жизнь бесконе<чную>.
5 Ой, уж увезут тебя, бра<телко>,
Ой, уж на широкоё кла<дбище>,
Ой, уж и положат жо, бра<телко>,
Ой, тебя во крутую моги<лушку>,
Ой, тебя во сырую земе<люшку>.
10 Ой, уж и засыплот жо, бра<телко>,
Ой, тебя жовтыми-то песо<чками>,
Ой, тебя серыми камешо<чками>.
Ой, дак ведь ты на встрици не встри<тишься>,
Ой, боле в стороне не откли<книшься>.

- 15 Ой, уж не увидим мы, бра<телко>,
 Ой, тебя не на улице не...
 Ой, уж не в избе, не на у<лице>,
 Ой, тебя не в тёплом(ы)-то гнё<здышке>.
 Ой, уж ты родимой жо бра<телко>,
 20 Ой, уж ты открой, сударь бра<телко>,
 Ой, уж свои оци-ти я<сные>!
 Ой, уж погледди-ко ты, бра<телко>,
 Ой, уж на все четыре сто<роны>!
 Ой, уж сколь всо пришло да прие<хало>
 25 Ой, уж вся родня да роди<мая>,
 Ой, уж вся родня приближе<нная>,
 Ой, и твои малыё де<точки>.
 Ой, уж ты моя лада ми<лая>!
 Ой, уж я и шла горе го<рькая>,
 Ой, уж на широкоё кла<дбище>.
 Ой, уж и гледела, горю<шица>,
 5 Ой, уж во все цетыре сто<роны>
 Ой, уж по широкому кла<дбищу>.
 Ой, думала, сидишь ты ведь, ла<душка>,
 Ой, уж на крутой-то моги<лушке>,
 Ой, дак ты и ждёшь, лада ми<лая>,
 10 Ой, уж ты меня, горе го<рькую>!
 Ой, дак уж не мог(ы)ла я уви<дети>,
 Ой, уж не мог(ы)ла догляди<тисе>.
 Ой, дак уж видно век-то не ви<дети>,
 Ой, словечика мне не слы<шати>
 15 Ой, уж от тебя, лада ми<лая>,
 Ой, видно расстались, голу<бчик мой>,
 Ой, дак уж мы с тобой, лада ми<лая>,
 Ой, уж мы на веки-ти ве<чные>,
 Ой, дак уж на всю жизнь бесконе<чную>.

ФА ИРЛИ, МФ 292808.

Вологодская обл., Тотемский р-н, Матвеевский с/с, д. Федотово
Федотовская Анна Ильинична, 1912 г.р.

Брагина Анна Сосипатровна, 1913 г.р.

Записали: Марченко Ю. И., Шифф В. П., 29.10.1985.

№ 16. О-ёй-ёй, я поутру-ту ранёшенько...
(Поминальный причет по отцу)

- О-ёй-ёй, я поут(ы)ру-ту ранё...ошен(и)ко
О-ёй-ёй, дак(ы) я с(ы)лез(и)ми й-умыва...аласе,
О-ёй-ёй, да горюш(ы)ком(а) й-утира...аласе,
О-ёй-ёй, я на повос(ы)-то с(ы)ряжа...аласе.
5 О-ёй-ёй, я к(ы)руто ш(ы)ла торопи...иласе
О-ёй-ёй, дак(ы) я не Богу моли...итиси,
О-ёй-ёй, не на людей(и) нас(э)мот(ы)ри...итеси.
О-ёй-ёй, да м(ы)не с(э)казали, горю...ушеце,
О-ёй-ёй, да т(ы)вой(и) кор(и)минец-от(ы) ба...атюш(ы)ко
10 О-ёй-ёй, й-он(а) по с(е)вятому-ту бу...уеву
О-ёй-ёй, дак(ы) й-уш(ы) й-он(ы) ходит(ы), шата...аит(ы)це,
О-ёй-ёй, да й-он(ы) меня добира...аит(ы)це.
О-ёй-ёй, дак(ы)я п(ы)риш(ы)ла жо, горю...ушеця,
О-ёй-ёй, я ко повос(э)ту, ко бу...уеву,
15 О-ёй-ёй, я ко з(э)вону колоко...ол(е)ному.

ФА ИРЛИ, ДФ Тарнога, 01-02.

Вологодская область, Тарногский р-н, Заборский с/с, д. Лопатино

Корепанова Хариеста Васильевна, 1919 г. рожд.

Записали: Карш Н. и группа студентов ЛОЛГК, июль 1974.

№ 17. Ух и ти мине, дак снаряжалась, бедная...
(Поминальное причитание по родителям)

- Ух и ти мине, дак снаряжалась, бедная,
Ух и ти мине, я не в цветноё платъицё.
Ух и ти мине, я подходила, бедная,
Ух и ти мине, да я ко храму божьёму,
5 Ух и ти мине, ко звону колокольному.
Ух и ти мине, да заходила, бедная,
Ух и ти мине, да уж я в церков божию.
Ух и ти мине, дак посмотрю я, бедная,
Ух и ти мине, по всему народу бело<м>у.
10 Ух и ти мине, я не могла досмотри<ти>,
Ух и ти мине, да не могла увидет<и>
Ух и ти мине, своего родного батюшка.

Ух и ти мене, да я валюсе, бедная,
Ух и ти мене, да на святу могилушку,
15 Ух и ти мене, <да> ко родному батюшке,
Ух и ти мене, <да> ко родимой матушке.

ФА ИРЛИ, ЭР Вельск 94М, 10.05.
Архангельская обл., Вельский р-н, Хозьминский с/с, д. Хозьмино
Тетерина Юлия Петровна, 1908 г.р.
Записали: Келарев А. М., Марченко Ю. И., 22.07.1994.

№ 18. И как раскину я да очи ясные...
(Поминальный причет по мужу на второй день после похорон)

И как раскину я да о...очи яс(ы)ные
И по прекрасному да лю...удну клад(ы)бищу,
И по прекрасному да по...(о) слезливому.
И слышишь, нет да моя ми..ила ладуш(ы)ка,
5 И как пришли да мы тебя...(а) понаведати!
И как тебе да сѣдня та...ам да спалосе,
И не на мягкой(и) только ту...ут постелуш(ы)ки,
И не под тёплым только о...одеялыш(ы)ком,
Не на жаркой да тёплой то...олько печен(и)ки?
10 И как раскину я да о...очи яс(ы)ные,
И не увижу ле да я где милу ладуш(ы)ку!
И тол(и)ко я его негде да не...(е) увидела,
И голосочка его да не...(е) ус(ы)лышала.
И накаться-ко только, ту...уча тѣм(ы)ная,
15 И задожджыте, мелки ча...асты дож(ы)дички!
И размочите-ко да ма...ать сыру землю.
И расколись-ко тут, да гро...обова доска!
И стань по-прежнему да ты...(ы), по-старому,
И на свои да только но...оги рез(ы)вые.

ФА ИРЛИ, ЭР Мезень 96, 05-02.
Архангельская обл., Лешуконский р-н, с. Лешуконское
Колмакова Татьяна Илларионовна, 1929 г.р., родом из д. Смоленец
Записали: Келарев А. М., Марченко Ю. И., 27.10.1996.

№ 19. И ты прости да боле, мила ладушка...

И ты, родимый ты да мой-от брателко...
(Похоронный причет по мужу и брату перед погребением)

И ты прости да боле, ми...ила ладушка,
И ты на все да боле ве...еки дол(ы)гие.
И боле ли где я тебя да не...е увижу же,
И голосочка твоё да я да не...е ус(ы)лышу же,
5 И не к тебе да тол(и)ко да по...оканаяусе.
И ты, моя да мила ла...а ладуш(ы)ка,
И ты во снях тол(и)ко да мне...е приснис(и)-ко се,
И наяву да только не...е покажисе-то.

И ты, родимый(и) ле да мо...ой-о<т> брател(ы)ко,
А ты прости-ко(а)-се да ты уж(ы) прости,
И ты убрал(ы)се у мя...а, укатилосе!
И не твоё бы ищё тут...ут местецюшко,
5 А тут лежать только тебе...е не мес(и)тицько.
А тебе жить бы ище, за...а(о)живатисе,
И тебе жить да ище кра...асоватисе.

ФА ИРЛИ, ЭР Мезень 96, 05-04.

Архангельская обл., Лешуконский р-н, с. Лешуконское
Колмакова Татьяна Илларионовна, 1929 г.р., родом из д. Смоленец
Опарина Екатерина Николаевна, 1937 г.р., родом из д. Пылема
Записали: Келарев А. М., Марченко Ю. И., 27.10.1996.

№ 20. Уж я ждала только да дожидаласе...

(Поминальный причет по сыну, убитому на войне)

Уж я ждала тол(и)ко да до...ожидаласе,
Уж из окна я в окно кидаласе.
Уж я ждала тол(и)ко да пи...исьмо грамотку
Уж о<т> своего-то серъдешна дитят(ы)ка,
5 Уж о<т> своего-то да от родимого,
Уж удалого-то я до...бра молодца.
Ой, дождалась я да ой полуцила-то
Уж как я весточку да не...ехорошую.
Уж как погиб тол(и)ко серъдешнэ дитятко

- 10 Уж на войне тол(и)ко да с чё...орной силою,
Уж на войне только кровопролит(ы)ною.
Уж поприбавил он да мне-ка горюшка,
Уж во мою-ту да грудь вздыханьца,
Ой, к ретиву серьцю да розрывани(и)ца,
15 Ой, горючи слезьми да у...утирани(и)ца.
Уж со слезами-то да с при...цитан(и)ями
Уж как я буду-то да и бедна житен(и)ки
Уж без своёго-то серде...дечна дитятка,
Уж о своего-то да о...от роженного?
20 Уж мне-ка с этого да то...олько горюш(ы)ка,
И после этого-то... (э) великого
Уж надо с го... хлебушка да мне... не лишитисе,
Уж с крутой горочки да мне... не спуститисе,
Ой, <в> быстрой речки мне да у...утопитисе.
25 Уж как придёт тол(и)ко да ве...есна красная,
Уж розольюця-то да ре...еки быс(ы)трые,
Уж как пойдут тол(и)ко да уж ско...ороход(ы)ны-ти,
Уж скороход(ы)ны-ти да па...ароходики,
Уж я кого буду встречаен(и)ки?
30 Уж мне-ка некого, ой, дожидатеньки!
Уж удалого-то да до...добра молодца
Уж как мне ждять боле да не...(е) дождатесе.
Уж припопали да у его крылышки,
Уж утерял он только си...изы пёрыш(ы)ки,
35 Ой, отдав ж силушку да молодец(ы)кую,
Уж он-от храбрость, ой, богатыр(ы)скую,
Уж как за русску-ту да зе...емлю вол(и)ную,
Уж как за свой(и) тол(и)ко да за родной(и) народ,
Да за це...
40 Уж как за цесть свою да за славуш(ы)жу
И отдав жизнь свою да не...(о) жалеюци!
Уж как я буду только бе...една житен(и)ки?
Ой боле ждять мне, да не дождатисе,
И мне-ка вестоцки да не...
45 Уж(и) мне-ка ждять тол(и)ко, да не дождатисе,
И мне реветь больше, не до...ореветисе!
И не дождать мне да, ой, письмо-грамотку,
И скороходну-ту мне те...елеграмочку!
(Болью серце закололо, ребята!)

ФА ИРЛИ, ЭР Мезень 96, 07-04.

Архангельская обл., Лешуконский р-н, с. Лешуконское

Кашунина Анна Николаевна, 1921 г.р. Выучила причет от своей матери, которая оплакивала сына (брата А.Н.Кашуниной).

Записали: Келарев А. М., Марченко Ю. И., 27.10.1996.

№ 21. А вы донесите, да ноги резвые...

(Поминальный причет по мужу на кладбище)

- А вы донесите, да но...оги ре<звые>,
Уж как домашите, да ру...уки бе<лые>,
Уж как дог(ы)ледите-ко, да о...оци я<сные>,
Уж как до с(ы)воёго-то да мла...аду ми<лого>!
5 И уж мы идём(ы) ле к(ы) тебе...(е), ко роди<мому>,
А побудит(и)-то тебя, по...от(ы)рево<жити>
А от(ы)креп(ы)кого да сну...(у) от(ы) мё<ртового>.
Уж от(ы)колис(и) ты, земля ма...ат(и) сыра,
А уж ты от(ы)крой(и)се-ко, да гро...обова доска,
10 Вы роз(ы)мах(ы)нитес(и)-ко, да бе...елы са<ваны>,
Рос(ы)катитес(и) , да бе...елы ру<ченьки>,
Уж вы заговори...
Вы открой(и)тес(и)-ко, да о...оци я<сные>,
А уж заговорите, ус(ы)та...(а) сахар<ные>!
15 А уж(ы) ты с(ы)тан(и)-ко да п(ы)ро...обуди<ся>,
И уж ты с(ы)ходи-ко, да м(ы)ла...аду ми<лый>,
И уж ты на рецен(и)ку-ту...(у) на бы<струю>.
А уж ты умой(и)се-ко да клю...уцевой <водой>,
К(ы)люцевой(и) ле водо...ой(и) холо<дною>.
20 Уж ты у...ут(ы)рис(и)-ко да по...олотё<нышком>.
Мы п(ы)риш(ы)ли ле <к> тебе, п(ы)рие<хали>
И уж как(ы) поз(ы)ват(и) тебя да по...обуди<ти>
А уж как(ы) на...(а) т(ы)вой-от(ы) ле да но...он(и) обед.
А там(ы) на...ас(ы)тав(ы)лёны столы...(ы) дубо<вые>,
25 А уж там(ы) на...аношоны да пи...ит(и)я-ку<шанья>,
Уж ты, по...ожалуйста, да но...он(и) пой(и)дём!
Осер(и)дил(ы)сэ больше, о...ог(ы)неви<лсе>,
А ты не от(ы)крыл(ы) бол(е)ше да о...оци я<сные>,
Не прогово...орили ус(ы)та саха<рные>,

- 30 <У> тя не рос(ы)ка...а тилисе да ру...уки бе<лые>,
 Уж как не роз(ы)мах(ы)нулисе да бе...елы са<ваны>,
 Не от(ы)крыласе да гро...обова доска,
 А не рос(ы)кололасе да ма...ат(и) сыра земля!
 А уж ты у...ушёл(ы) ле от(ы) нас(ы), уе<хал>
- 35 Бол(и)ше на веки да на...(а) рушимы<е>.

ФА ИРЛИ, ЭР Мезень 96, 15-07.

Архангельская обл., Лешуконский р-н, Вожгорский с/с, д. Лебское
 Гольчикова Ульяна Львовна, 1918 г.р.

Записали: Келарев А. М., Марченко Ю. И., 03.11.1996.

№ 22. Да как подули да ветры буйные...

Уж ты куда же да нонь средился...

(Похоронный причет родственницы и жены над покойным)

- А как(ы) подули да ве...ет(ы)ры бу<йные>,
 А зашумели леса...а д(ы)рему<чие>.
 А вы пришли-то ле да но...они прие<хали>
 А не по-старому, да не...е по-пре<жнему>.
- 5 А как не вышел дитя...а серье<чное>,
 А он(ы) не вышел да ва...ас(ы) не встре<тил>.
 У его не ходят да но...оги ре<звые>,
 А уж(ы) не машут да ру...уки бе<лые>,
 А не г(ы)лядят-то да о...оци я<сные>.
- 10 Стоит у нас да до...ом(ы) шата<еце>,
 А он(ы) без(ы) ветрицьку да но...они шата<еце>,
 А без погодушки да ко...олыба<еце>.
 А уж и спасибо да вам, ле..ебеди бе<лые>!
 А вы пришли-то да но...они прие<хали>,
- 15 Не побоялись, не по...остраши<лисе>,
 А как(ы) моей(и) ле нужды...ы вели<кие>.
 Вы не подорожили да в де...ень-от о зло... <золоты казны>,
 Вы не пожалели казны...ы бесце<тныя>.
- А уж ты куда жа да но...они среди<лсе>,
 А уж ты куда нон(и)це да спо...одоби<лсе>,
 А уж ты во в(ы)сё в(ы) то да с(и)вет(ы)ло <платье>?
 А ты на роботоцки да но...они среди<лсе>,

- 5 А ты на наживушки да спо...одоби<лсе>?
 А хош(и), не с(ы)кажош(и) ты да на...ам(ы) не <едина
 словечика>
- А уж(ы) мы сами-ти да но...они доз(ы)на<лисе>,
 Уж(и) мы сами-ти да до...огада<лисе>!
- 10 А уж(ы) ты с(ы)редил(ы)сэ да с(ы)по...одоби<лсе>
 А уж(ы) как(ы) не в(ы) ту ле нон(и) не...е доро<женьку>,
 А уж ты на гор(ы)ке да на...а висо<кие>,
 А ты во леса-ти да во...о шуме<лые>,
 А ты во бора нон(и)це да во...о з(ы)воне<лые>,
 А уж ты не в(ы) тот(ы) ле в сад да но...он(и) певу<чий>.
- 15 А уж как(ы) в том(ы) ле в саду...у певу<чим>
 Одно кокушкино-то да ку...укова<ньицо>,
 Уж как петушино-то да во...ор(ы)кова<ньицо>.
 А тебе выкопана та...ам(ы) вед(и) я<мочка>,
 Тебе не с(ы)толы там(ы) да но...он(и) нас(ы)та<влены>,
- 20 А не пития-кушан(и)я да та...ам(ы) нано<шены>,
 А тебя...а б(ы)росят(ы) нонь да та...ам(ы) поки<нут>,
 А уж как(ы) за...ароют(ы) тебя, за...акопа<ют>,
 А нет там(ы) выходу да не...ету вы<лету>,
 Уж ты пис(и)ма...а- г(ы)рамот(ы)ки да не...е напи<шешь>,
- 25 А бол(и)ше...е веки тебя на...ам(ы) не ви<дети>!
 (Всё! Боле я не...)

ФА ИРЛИ, ЭР Мезень 96, 13-11.

Архангельская обл., Лешуконский р-н, Вожгорский с/с, д. Лебское

Лешукова Анна Кузьминична, 1926 г.р.

Гольчикова Ульяна Львовна, 1918 г.р.

Записали: Келарев А. М., Марченко Ю. И., 02.11.1996.

№ 1. Ой, резвы ножки подломилисе...¹

- oj je`-zvi nɔ`-fk'i po`-dlo-m'i:`-l'i-s'e:`
a ja`-sni ɔ`-tʂ'ɫ po`-mu-t'i:`-l'i-s'e:`
oj po-do-jt'i` ko mⁿe` ka b'e:`-di-nu-fk'i:`
oj mn'e ko r'e`-zivi-ji`m^o to no:`-ze-n'i-ka:`m
5 oj da kə r'e-t'i`-vo-mu s'e-r'r-d'e:`-tʂ'y-fku:`
oj po-gl'a-d'i`-t'i to mi-n'e` ka b'e:`-di-nu-fk'i:`
oj m'e-n'e` vo ja`-sⁿi-i ti ɔ:`-tʂ'e-n'i-k'i:`
oj mɔ-ʒet spu`-ʃtʃu ja s^ovo`j zi-tʃz:`-ni go-lo:`s
oj n'e vu-m'i`-l'i`n'o pr'i-tʃi-ta:`-n'ji-tʂ'o:`
10 oj go-lo-so`-tʃ-kom ja po-vi:`-z'di-nu:`
oj s'vo-jo-go` d'i-t'a` ba-ʒɔ:`-no-go:
oj po-spro-fu` ja to`-l'ko b'e:`-d'nu-f'ka:`
oj t'e-b'e ʃto` n'e pri-l'ʊ-b'i:`-lo-s'e:`
a t'e-b'e ʃto` n'e pri-gl'a-nu:`-lo-s'e:`
15 oj t'e-b'e d'e`-n'ʊ-fk'i-l'i n'e po:`-lni-ji:`
oj a-l'i xl'e`-bi n'i də-vo:`-l'i-ni-ji:`
oj ti ɔ-sta`-v'il mo-lo-du:` ʒɛ-nu:`
oj di ro-ʒo`-nix^o ma`-lix^o d'e:`-tu-ʃz:`k
uʃ^o kak^o t^ovo-ja` ta mo-lo-da:` ʒo-na:`
20 a po-rɫ vr'e`-m'a-tʃko o-bo`-jdi-tʂɛ:`
oj to-ska na` s'e-r'tʂ'ɫ u-xo:`-d'i-tʂ'e:`
jo-na na-jd'ɛ`tⁱ mu-ʒa` za-kɔ:`-n'no-go:`
oj kakⁱ ro-ʒo`-ni-ji ti d'e:`-tu-ʃk'i:`
uʃⁱ n'e na-jdʊ`t^o ko-r'm'i`-l'i-tʂa ba:`-t'u-f'ka:`
25 oj dɫɔ ʒɫ-do`-bnoj ti ʒɫ-do:`-bu-ʃkɫɫ:`
uʃ kɫk ɛɛ-ro`-t^oni-ji ti d'e:`-tu-ʃk'i:`
jo-ni na u`-l'i-tʂ'i ʃɫ-l'i:`-vi-ji:`
oj za sto-lo`m^o to bo-l'ʃo-vi:`-t'ni-ji:`
oj na ix^o p'la`-t'i-ja na o-g^on'i:` go-r'a:`t
30 oj di o-bʊ`-tka vi`-stro d'ø:`-ʒi-tʂe:`
uʒ^o dagⁱ ʒa-do`-b'noj ti ʒa-do:`-bu-fka:`

¹ Транскрипции всех приведенных текстов выполнены Е.Г.Вольской и Н.Б.Вольской. При транскрибировании использовались символы МФА и принципы описания слогаделения, приведенные в Приложении №2 к БФФ, 1991, сс.59-60.

- a po-pro-fu` ja to`-l'ko be:`-d°nu-fka:`
 oj p'ri-sv'a-tu` s°ve-di bo-go-ro:`-d'i-tš'y:`
 oj to-l'ko da`-jko t'e-b'e go:`-spo-d'i:`
- 35 oj v re`-zvi no`-zε-n'k'i xo-zε:`-n'ji-tš'œ:`
 oj vo b'e-li` g'ru-d'i` z°di-xa:`-n'ji-tš'œ:`
 u-fi vo ja-sni` o-tš'i` gl'a-zε:`-n'ji-tš'œ:`
 oj vo us-ta` ti go-vo-r'e:`-n'ji-tš'œ:`
 oj dak fsta-va`j ko ti po-sta:`-ro-mu:`
- 40 oj kak ro-3o`-ni-jim to d'e:`-tu-f'ka:`m
 oj di-gi 3a-do`-bi-nim` to 3a-do:`-bu-f'ka:`m
 oj na no-g'i` kr'e-p'ko` n'e sta:`-v'l'o-ni:`
 oj u-ma ra`-zu-ma n'e na:`-da-nu:`
 oj kak ro-3o`-ni-im to d'e:`-tu-f'ka:`m
- 45 v'et'i mno`-go na`-đo u-ma ra:`-zu-ma:`
 xot'e je`-st'e d'a`-ju-f'k'i n'e ba:`-t'y-f°k'i:`
 oj je`-st'e t'o`-t'u-f'k'i n'e ma:`-tu-f'k'i:`
 u iγ° 3o-la`-n'ji-tsa tš'a-so:`-vi-ji:`
 oj kak s'e-r'd'e`-tš'u-f'ka ko-lo:`-vi-ji:`
- 50 uf u` ix s'e`-mji po-za-v'e:`-d'o-ni:`
 oj s°vo-i d'e`-tu-f'k'i na-ro:`-tš'o-ni:`
 oj dak jo-ni` mo-ji ba-3o:`-ni-ji:`
 oj da kru-go`m da bu`-dut o:`-ko-lo:`
 oj dak xo-d'i`d'i bu-du`t ša-ta:`-t'i-s'e:`
- 55 oj do 3a-la`-n'ja do-b'o-ra:`-t'i-s'e:`
 oj n'et° v'e-l'i`-ko-go 3a-la:`-nji-tsa:`
 a ka ko-r'm'i`-l'ets` to bil` ba:`-t'u-f'ko:`

№ 2. Я сегодняшного деницьку...

- ja sε-go-d'i`-n'a-fno-go d'e:`-n'i-tš'ku
 dak ma-lo spa:`-la mno-go v'i:`-d'e-la
 u-šə di`-i vo sn'ax i`-mno-go ka-za`-lo-s'ı
 di po sε-go-d'i`-n'ı-fno-mu d'e:`-n'i-tš'ku
- 5 u3° ko t'e-b'i:` ro-3o`-no d'i:`-t'a-tko
 pr'i-xo-d'i`l'i ko-r'm'i`-ledz ba`-t'u-f'ko
 u3° na tvo-jo`-o na pro-va-3d3ε`-n'i-ji-tš'°

- di o`n s po-ku:`-pka-mi s po-da`-ri-ka-mi
 oj o`-ni vet' s v'i-na:`-mi za-g'ra-n'i`-ts'i-ni-ma
 10 kak ro-3o:`-no-jo to d'i:`-t'a-tko
 dak u3° kak ja` da m'no`-go-b'e`-di-nu-fka
 kak se-go`-d'i-n'a-fno-vo d'e`-n'i-t's'ku
 u-3i b'e-3a`-la po xo-ro-mi`-no-mu stro-je`-n'i-ji-t's'y
 o-tvo-r'a:`-la d'v'e'r' du-bo`-vu-ju
 15 u3° za-pu-ska`-la m'no`-go b'e`-di-nu-fka
 ka svo-ju za-ko`-n:u-ju se-m'e`-jy-fku
 di tvo-jo-go`-o ko-r'm'i`-l'tsa ba`-t'y-fka
 na tvo-jo` na pro-va-3d3e`-n'i-ji-t's'oe
 uf sa`-mi zna`-a-jom sa`-mi v'e:`-da-jo-mi
 20 n'et ko-r'm'i:`-l'i-tsa sve`-ta ba`-t'y-fka
 di-n'et po-ku:`-po-t's'3k po-da`-a-ro-t's'3k
 di-i n'e-tu v'i`-ni da` za-gra-n'i`-ts'i-ni-ix
 di-i n'et ko-r'm'i`-l'i-t's'a sve`-ta ba:`-t'y-fka
 ti ro-33:`-no mo`-jo d'i:`-t'a-tko
 25 po-jd'o'f po pu-t'i:` da po do-ro`-3e-n'k'e
 u-3e tam po l'e:`-vu-ju po ru-t's'e-n'ku
 sto-id b'e:`-la-ja l'e-b'o`-du-fka
 dakⁱ po-k'lo-n'i`-s'i: mo-jo ba-3o`-no-jo
 di e`-t3j b'e:`-lo-ju l'e-b'o`-du-fk'
 30 kla:d'i`-t'ko sv'e-t's'i`-ku sto-ru-l'o:`-vu-ju
 da kla`-t'ko p'e:`-l'e-nu fo-lko`-vu-ju
 fto-bi go`-si-po-d'i po-m'i`-lo-val
 uf° ot vra-ga`-a ot su-po-sta`-to-go
 di ot pu:l' ot za-r'a-3o:`-ni-jix

№ 3. Уж как сяду я, беднушка...

- uf kak s'a`-du ja b'e`-dnu-fka:
 da ko t'e`-lu a ko m'o`-rtvo-mu:
 da ko l'i`-tj'u-fku po-b'l'o`-k'lo-mu:
 ufi kak po-dru`-fka mo-ja m'i`-la-ja:
 5 uf ti ku-da` da o-tpra-vl'a`-je-s'e

- uf ti` ku-di` da sna`-r'a-za-je-s'e:
uf ti n'e k pra`-zn'i-tfku xyo-do`-vo-mu:
n'e k vo-skr'i-s'e`-n'i-tsu xr'i-sto`-vo-mu
a k po-k²ro`-vu bo-go-ro`-d'i-tfk'i:
10 di vo ma`-tu-fku si-ru` z'e-m'li`u`
uf kak su-s'e`-tka po-du-go`-l'na-ja:
da kak na bu`-du-f:om na v'e`-ku-fk'i`
da βu`-d'e bu`-d'et vo`-l'a vo`-l'na-ja:
uf ti za-ko`-n:aj to s'e-m'e`-ju-fko:`j
15 da ti do-ro`-fkoj po`-str'e-tfa`-je-s'e`
da na pu-t'i` da po`-v'i-da`-je-s'e`
u-fə po`-do.i.-d'i`-ko po`-bl'i-z'o`-fε-n'ko`
da po`-klo-n'i`s' kə po`-n'i-z'o`-fε-n'ko`
u-fi ro`-ska-zi`-ko ti` po-za`-lu-sta`
20 uf pro svo-jo` zi-t'jo` vdo-v'i`-n:o-jo:
t'e-b'e` ro-βo`-tka n'e pot s'i`-lu-fku`
uf t'e`-β'e pla`-t'ja n'e po pl'e`-tfu-fka:`m
u-za b'e`-za-stu`-pna b'e`-za-f':i`-t'na-ja`
u-fv-u` t'a ro-d²no`-go n'e o`-dno-go`
25 di za-la`-n:o-go n'i ja`-dno-go`
uf kak i-f:z` po-d²ru`-fka m'i`-la-ja`
uf ti ska-zi` svo-jo`j za-ko`-n:oj to s'e-m'e`-ju-fk'i`
fto pr'i po-sl'i`-dn'om to di-xa`-n'ji-t'i`
u t'a sto-ja`l ro-d'i`-mo d'i`-t'a-tko`
30 l'u-b'i`-ma-ja n'e-v'e`-stu-fka`

№ 4. Ой, только слушай-ко, светушко братец родимый!

- oj to`-l'ka slu`-flaj ka sv'e`-tu-fko: bra:`-t'ets ra-d'i`-mij
oj ti:` mn'e da`j ka: ti v'e-l'i`-ka-ε ra`-zr'e:-fε`-n'ji-ts'Λ
s'es' na je`-tv da na u:-m'o`-rfv-jy na` ma:-g'i`-lv-fku
ftol' na je`-tv: na z'i-m'e`-l'v-fku na` prΛ:-m'œ`r-fv
5 oj ti` prΛ-st'i` m'i-n'a` za r'e`-tkΛ-.i.a pΛ`-s'e:-f':e`-n'i-tsə
Λ-ja: s'i-vo`-dn'ε:-fnim gə-spo`-dn'im da bo`-zjim d'e`-n'i-tfkə
rə-zə-b'i`-zœ:-nΛ kru-tfi`-n:a-ja` gΛ:-lo`-u-fkə

- n'e pə-prΛ-s'i't' li: v n'e-b'i a-n'g'a:-laf a:-rxa-n'ja-lΛ
 ɔj vi: ra-s:i-pt'e-kΛ pΛ-Λ p'e-s:i-nə-tʃ'kΛm f'se p'e:-so-tʃ'k'i
- 10 Λ-ra-ska-l'i-t'ε v m'e-lk'i tʃe-r'e:-fk'i gra-ba:-vi da-sk'i
 sta'n' va:-sta'n' ka: ti rΛ:d'i-maj da m'i-la:j βra't
 ɔj ti o-tkro'j kɔ: ti svΛ-i da: ja-sni: o-tʃe-nk'i
 a ti-i ra-zma-xn'i ka: ti sva-i da: b'e-li: ru-tʃ'e:-n'k'i
 Λ-sta'n' na r'e-zvi-jΛ svΛ-i da: b'e-li: no-ʒε:-nk'
- 15 aj pə-sma-tr'i kΛ ti na-a pΛ-ro-du-fku rΛ-da:-v'i-tu
 na svə-i x tə ti ʒ3-la-niγ da m'i-li:γ d'e-tu:-fΛk
 i na: svΛ-jʊ l'i: na: skΛ:-tʃo-niγ da na ʒε:-mtʃʊ-ʒi-nΛk
 aj na: svə-jʊ l'i: ti: za-kə-n:ʊ: sʊ-pru-gʊ da: fs'o za:-kə'n
 ɔj kak se-γo-dne:-fnim γΛ-spo-dn'im da bo-ʒjim d'e-n'i-tʃk
- 20 u-n'ej bu-d'œ-t:a'm ba-l'fo-je da p'i-ra:-va-n'je-tʃΛ
 pr'i-glΛ-fa-je t'e-b'a na-da va xa-ro-mna-ja strΛ-je-n'ji-tʃ'a
 a ta'm pΛ-sta-vl'ε-ni fs'o sto-li da fs'o dʊ:-bo-vi-je
 tam sto-ja-d:Λ: l'i fto-l'i zΛ-ku-sΛ:-tʃ'k'i m'e-do
 Λ-je:j s'i-γo-dn'i ta bil bʊ-d'ε:d d'e'n' ra:ʒd'e-n'ji-tʃ'
- 25 a je-f:o sprΛ-fi-əj sv'e-tu-fko bra:-t'ets ra:d'i-mij
 je-sl'i ta'm tœ: va'm v'e-l'i-ka da vo-l'na: vo-l'u-fkΛ
 n'i v'i-da-li ti ʒœ-la-ni-jix rΛ:d'i-t'e-l'ej

№ 5. Уж и мне-ка сесть, бедной горящице...

- ʊfi mn'e ka s'e-s'e b'e-dnoj go-r'γ-fε-tʃ'ε
 ʊfi kə bu-jno'j to kə go-lo-vu-fk'
 ʊfi g bo-go-da-noj da svo-je'j ma-tu-fk'e
 ʊfi kə vi-so-ko-mu zgo-lo-v'ji-tʃ
- 5 ʊfi ja ska-ʒu t'i-b'e gu-lu-bu-fka
 ʊfi bo-go-da-na to mo-ja ma-tu-fka
 ʊfi po-si-la-la ja go-lu-bu-fka
 ʊfi sko-ro-p'i-s'a-tu-ju gra-mo-tku
 ʊfi mo-jo-mu si-nu ro-d'i-mo-mu
- 10 ʊfi tvo-jo-mu vnu-ku l'u-b'i-mo-mu
 ʊfi na-p'i-sa-la to ja po-sko-ro-mu
 ʊfi na-ka-za-la da ja po-stro-go-mu

- vfi tì l'e-t'ì p'e-s'mo` po pt'ì-tš'jo-mu
 vfi go`-vo-r'ì po ts'o`-lo-v'e`-ts'jo-mu
 15 vfi pr'ì-je-z'aj to s'e-r'd'e`-ts'no d'ì-t'a-tko
 vfi ko` svo-je`j z'a-la`-n:oj ba`-bu-ſk'
 vfi na` po-sl'e`-dn'o-jo` pro-ſt'a`-nji-tš'o
 vfi ka`k na v'e`-ts'no da ro`-sta-va`-n'ji-tš
 vfi bo`-l'e vo` v'e-k'ì n'e fstr'e`-t'i-s'e
 20 di bo`-l'e v'e`-ts'ı-no n'e` u-v'ì-d'ı-s'
 n'ı na` pu-t'ı to n'ı na` do-ro`-ʒe-n'ı-k'e
 vfi n'ı na tru`-dno.i. to` ro-bo`-tu-ſk'
 n'ı na` kru-gl'ı-fı-t'a`-tim o`-z'o-ri-ſə-k'e
 vfi n'ı fsvo-je`j di vi-so`-koj go`-r'on
 25 vfi tì pr'ı-je`-d'of to m'ı-lo d'ı-t'a-tı-ko
 vfi na` ro-d'ı-mu to na` sto-ro`-nu-ſk
 vfi .u.o` svo-je`j to vi-so`-koj go`-r'o-nk'e
 vfi bu`-d'o f to`m di u-gə-lu` pu-st'o`-ſı-n'k
 vfi ka`k dru-go`mə da xo`-lo-dn'o`-ſı-n'ı-ko
 30 vfi kak tr'e`-t'jom to sn'e`-ſk'ı b'e`-lı-ı
 vfi ka`k ts'ı-tš'v'o`-rə-tom p'e`ts' k'ı-r'p'ı-tš'ı-na-ja
 vfi p'e`ts' k'ı-r'p'ı-tš'na-ja` xo-lo`-dna-ja
 vfi n'ı so-gri`-jə-to t'ı-b'a` b'e`-dno-go
 vfi ts'u`-zəj da`-l'n'œ-jı-to` sto-ro`-nuſ
 35 vfi n'e` po-k'ı-n'ı-t'e l'u`-d'ı do`-bri-je
 vfi vi` m'ı-lı-je to` su-s'e`-du-ſk'
 da vi` ro-d'ı-mı to m'ı-lı d'e`-d'u-ſk'ı
 vfi ka`k l'u-b'ı-mı-je` tı t'o`-tu-ſk'
 vfi bo`-go-da`-na to mo`-ja ma`-tu-ſka
 40 vfi ſto` tı s'p'ı'ſ' n'ı pro`-si-pa`-jis'
 vfi n'ı fsta-va`-ſı n'ı pro`-bu-ʒda`-je-s'ı
 vfi ſto` tı plo`-tno to po`-va-l'ı-las'
 vfi ſto` tı kr'e`-pi-ko u`-si-p'ı-la-s'e
 vfi na` m'e-n'a` di pr'ı-o`-s'e-r'd'ı-la-s'
 45 vfi na` mo-je` tı da o`-sko-r'bl'e`-n'ji-tš'a
 vfi tı na go`-rdı-ji tı slo-v'e`-ts'u-sk
 o-staf' ko u`-sə-no-jo` pro-ſt'e`-nji-tš'o
 o-staf' no o-dno` di bla-go`-slo-vl'e`-n'ji-tš

№ 6. Ой, я-то увидела - упремитила...

o-ja`-to u-v`i-d`r-la u-pr`i-m`i:-t`i-la
oј skro`-os` tu-ma`-ni sl`œ`-zi: go-ri`-ts`i
di: vi-so:`-ku-ju mΛ-g`i-lu-fku
oј po`-o-pro-fu`-u v`et` ja`-a go-r`y-f`i-ts`
5 v`e-ti-ri s`i-l`i-ni s`e`-e-v`e-ro`-ts`i
oј ro`-o-zΛ-v`i`-i-jt`es` v`i`-i-t`e-ro-ts`i
ro`-o-ska-t`i:`-t`e fs`e:` p`e-so`-ts`i
oј ro-si:-ko-l`i-s`i:-kɔ ti: si-ra` z`e-ml`Λ
po`-o-ka-zi:`-s`ko giro:`-bo-va do-skΛ
* * *
10 po-ka-zi`-s`ko t`e`-lo m`œ`-rtvo-jo
diј t`e`-lo m`œ`-rtvo l`i`-ts`ko bl`o`-klo-jo
sta`n` na r`e`-zvi no`-ze-n`k`i
da na sa-f`ja`-ni-i sa-po`-ze-n`k`i
diј pji-n`e-sla` ja t`i-b`e` go-r`y`-fi-ts`a
15 v r`e`-zvi no`-ze-n`k`i fa-xa`-n`ji-ts`a
v b`e`-li ru`-ts`e-n`k`i ma-xa`-n`ji-ts`a
vo tvo-i` o-tj`a` sv`i-da`-n`ji-ts`a
a vo u-sta` da go-vo-r`e`-n`ji-ts`œ
diј sta`-n`ko sta`n` tΛm ma`-tu-fka a xod` ba`-t`u-fka
20 da sta`-n`ko sta`n` da ti po-sta`-ro-mu
diј pu-jd`o`-mko mo-ja l`y`-bu-fka
vo svo-jo`-to v`i-to gn`i`-zdi-fko
t`e-b`e` go`z` da vo bo-l`fo`m ug-lu`
t`e-b`e` ts`e`z` da za sto-lo`m s`r-d`i`t`

№ 7. Уж подойти да мне, победную...

po`-do-jt`i da mn`e` po:-b`e
uјi kɔ` s`vz-jz`-mu m`i`-lu d`it`
uјi mn`e` so l`e`-vu-ju` to ru`ts`
uјi tu`t o-su`-d`at m`i`-n`a b`e`-di-nə
5 uјi fs`e` su-s`i`-d`i fs`e` su-s`e`-di

ʊfi fs'e` su-s'i`-tsk'i-to ma`-li d'e`-tuʃ
 tə`-kuʒ° po`-do-ʃt'i` da mn'e` po-b'e`-d'nə
 ʊʒi vo`-t'i-ja` da vo`-ʃs'i ja`-si-nə
 a-ku-ʃti` s'ka-ʒi` s'e-r'd'e`-ʃs'i-no d'i`-t'at
 10 kə-ku-ʒti` na-ʃto` da rə`-si-pro-gn'e`-va
 ʊʃ n'i na` m'i-n'a` l'i ma`-t'ku b'e`
 l' na` si-vo-ʃv` ti u`-ts'i-z' go`-rik
 ʌ-kuʒ ti` s'ka-ʒi` sɛ-ri-d'ɛ`-tsi-no d'i`t
 ʊʒi kə`-di sprə`-v'i-lsɛ` na-la`
 15 ʊʃ ti n'e` vi l'ʊ-bu`-ju pʊ`-t'i do-rəʒ
 ʊʃi n'e` vi l'ʊ-bu`-ju da`-a n'i vi m'il
 ʊʃi ja`-a kak¹ ni`n' bi po`-o tə-p'e`-r'i
 dək ʊʃ n'i si-pʊ-sti`-la ma`-ti-ka b'e`-di-na
 ʊʃi na` ʃʊ-ʒʊ da`-l'i-n'ʊ si-tʌ-ro`-nʊ
 20 ʊʃ ja svə`-ə-jo-wo` se-r'i-d'e`-ts'i-nʌ d'i`-t'ʌt
 ʌk ʊʃ ti` si-ka-ʒi`t kʌ mə`-ə-ʒə d'it
 ʊʃi ti si-ka-ʒi` mʌ-ʒə`-ə s'ɛ`-r'i

№ 8. Господарёв мой Сергиюшко...

o`-spə-da:`-r'of mo`j s'e-rg'i:`-ju-ʃko`
 da o`-spə-da:`-r'ow mo`j s'ɛ-rd'ɛ`-ʃne-n'ko:`j
 əj ti` tʃʌ-wo:` ʒo ti` na-du:`-ma-lsə`
 da ti` ə-sta:`-v'i m'e`-n'a go`-r'o go`-r'ku-ju:`
 5 da ti` o-sta:`-v'i m'e`-n'a` ko-ku:`-ʃii-ʃs'u:`
 po`-ʒi-la sto-bo`j po-kra`-so.u.a:`-la-s'a:`
 da ja` t'e-p'e:`-r'e-ʃʃi` ko-ku:`-ʃii-t'a:`
 da ka`k ja bu:`-du o`-bʒi-wa:`-t'i-s'a:`
 da kak ja b'es t'e-b'a` a-bu`-du ʒi:`-t:o:
 10 da o`-spə-da:`-r'of mo`j s'e-rg'i:`-ju-ʃko`
 da o`-spə-da`-r'of mo`j s'e-rd'e:`-ʃn'e-n'ko:`j
 ja p'a-tna:`-tset' go`o-do`o-ʃʃ'i-ko:`.u.
 da ja ʒi`i-la stə`-boj kra`-so-wa:`-la-s'a:`
 da n'e sli-xa`-la .i.a ot te-b'a` xu-də`-wa slo-w'e:`-ʃʃ'i-ka:`
 15 da o`-spə-da` / a-r'of s'e-rg'i:`-ju-ʃko:`

ja pr'i-du: so ro-bo: -tu-fk'i:
 da ja pr'i-du -u so ts'a-ʒ'o -li-jo: ɪ
 n'e-cto n'e ska: -ʒ'ot n'e slo-v'ε -tʃ'i-ka:
 da n'e spro-mo -o-l.u.ɪ t je-d'i: -no-wa:
 20 uʃ ja ʃi: -pko u -xo-o-d'i: -la-s'a:
 da uʃ ja ʃi: -pko pr'i -to-m'i: -la-s'a:
 da o -spo-da: -a-r'oʃ s'e-rg'i: -ju-fko:

№ 9. Уж раскатитесь-ко ручки белы...

uʃi ro -ska-t'i -t'e-s'ko ru -tʃ'k'i b'e: -li
 uʃi vi uo-tkro -jt'e-s'ko uo -tʃ'i ja: -sn
 uʃi u mo-jeʃ to la -di ʒε-la: -dn'ɪ-n'kə
 uʃi u mo-jeʃ to la -di s'e-r'id'e: -s'n'
 5 uʃi ja ska-ʒu t'i-b'e la -da m'i: -l'e-n'kə
 uʃi sta -la kro -ʃo-tʃka t'i-b'e n'e-mno: -ʒεtʃ
 uʃi svo -jomi do -m'i-tʃ'k'i bla -yo-da: -tnə
 uʃi u-svo-jeʃ to da sv'e -tlɔj s'v'ε: -tl'i-tʃə
 uʃi pr'i sto-lo -v'en' -k'oʃ svo -jeʃ ɣ'o: -r'en
 10 uʃi s'e sk'o-p'i -l'i-s'e l'y-d'i do: -bri
 uʃi so-bra-l'i -s'εi-s'e pro -vo-sla: -vnə
 uʃi vna -ʃaj dʒ -m'i-tʃ'o bla -go-da: -tnəj
 uʒi n'e n'a ra n'e na ra -dos' n'ε na v'e-s'e: -ljə
 uʒi spro -wo-ʒa -t:œ t'a la -du m'i: -l'i-n'ku
 15 uʒi spro -vo-ʒa -t:o t'i-b'a ʒa-la: -dn'
 uʃɪ u -n'e-su -t:o t'i-b'a u-x'va: -t'ət
 uʃɪ uo t m'i-n'a mo-ja la -da m'i: -l'e-n'ka
 uʃɪ uo t m'i-n'a to mo -ja ʒa-la: -dn'ɪ-n'kə
 uʃɪ uo t svo-i x to d'i-t'eʃ ro-ʒo: -n'i-n'kix
 20 uʃɪ uo t svo-i x to d'e-t'eʃ ʒε-la: -dn'i-n'kix
 uʃi p'o tor -noʃ to da p'o d'o-r'o: -ʒεtʃk'
 uʃi p'o sl'a-znoʃ to da po tro-p'i: -nə-tʃki
 uʃi nə k'ru-tu tu ɣ'o -ru vi-so: -ku
 uʃi t'i -b'a spu -st'at moj la -da m'i: -l'i-n'kə
 25 u t'ib'a uo-pu -st'at mo-ja ʒε-la: -dn'i-n'kə

ʋʃ t'e-b'a` vo ja`-mo-tʃ'ku vo` g'lu-bo:~ku
 ʋʃ t'i-b'a` za-rɔ`-jut moja` ʒɛ-la:~dn'i-n'kə
 ʋʒ ro`-ʒ:o-l'ti`m to m'e`-lk'im p'e-so:~tʃkəm
 ʋʃɪ tɪ` n'ɛ sta`-n'o-ʃə bo`-l'ʃɛ n'e ska:~ʒəʃ°
 30 ʋʃ to-l'k'o` xo-d'i`t' ja bu`-du ko-ku:~xɬ
 ʋʃ to-l'k'o` bu-d'i`t' ja bu`-du r'ɪ go-r'u:~xɬ
 ʋʃɪ ja` t'i-b'a` mo-ja la`-da m'i:~l'i-n'kə
 ʋʃɪ ja` t'i-b'a` tɔ mo-ja ʒɛ-la:~dn'i-n'kə
 ʋʃɪ ko`-g'da g'w'o`-r'u-ʃko na`-va-l'i:~tʃɬ
 35 ʋʃ kog-da` p'e-tʃa`-l'ta ko mn'e` na-ka:~t'i-tʃə
 ʋʒɪ ja` sxo-ʒu` k t'i-b'e` la`-da m'i:~l'e-n'kɬ
 ʋʃɪ ja` sxo-ʒu` to k t'i-b'e` ʒɛ-la:~dn'i-n'kə
 ʋʃɪ na` kɪru-tu` tu gwɔ`-ru vi-so:~ku
 ʋʃɪ ja` ro-z'vo`-ju tɔ ja` ro-si:~pl'u
 40 ʋʃɪ s'o` svo-jo` to g'w'o`-r'o v'e-l'i:~ko
 ʋʃɪ ja` ska-ʒu` t'i-b'e la`-da m'i:~l'e-n'kə
 ʋʃɪ ja` ska-ʒu` to mo-ja ʒɛ-la:~dn'i-n'kɬ
 ʋʃɪ mi` v'ɛd' ʒɪ`-l'i s to`-boj ʒɛ-la:~d'ni-n'kə
 ʋʃɪ mi` v'ɛd' ʒɪ`-l'i s to`-boj s'e-r'd'e:~s'n'-kə
 45 ʋʃɪ n'e` v'ji-m'e`-n'ji-tʃ'ɪ n'e` v bo-ʧa:~s'f'i-tʃə
 ʋʃ n'e` zdo`-ro-go`j to ka`-znoj v'e-l'i:~koi
 ʋʒɪ u` nɬs' m'no`-go bi`-lo na`-ro-d'i:~lɛs'
 ʋʒɪ u` nɛs m'no`-go bi`-lo na`-pl'w'o-d'i:~lɛs'
 ʋʃɪ ro`-zro-ʒo`-niʧ d'i-t'e`j s'e-r'd'e:~s'n'ɪx
 50 ʋʃɪ tɪ` xo-d'i`l mo-ja` la`-da m'i:~l'e-n'kə
 ʋʃɪ tɪ` xo-d'i`l to mo-ja ʒɛ-la:~d'ni-n'kə
 ʋʃɪ na`-ʒii-va`l tɪ da`i fs'o sta-ra:~lɛə
 ʋʃɪ tɪ` ko-r'm'i`l to da` i`x poi-ji:~lə
 ʋʃɪ to`-l'ko du`-mal tɪ to`-l'ko mi:~sl'ɪ
 55 ʋʒ di-mɬ`m po-di`-n'om mi d'i-t'e`j ro-ʒo:~n'ɪ-n'k'ɪx
 ʋʒ du-mə`m po-di`-ro`-st'im mi d'i-t'e`j
 s'e-r'd'e:~s'n'ɪ-n'k'ɪx
 ʋʒ bu-d'o`t° na-d'e`-ju-ʃka` na`m°v'e-l'i:~kə
 ʋʃɪ uo`-bo-gr'e`-vu-ʃka bu-d'o`t s'e`-r'd'e:~s'n'ɬ
 ʋʃɪ uo`t svo-i`x to d'i-t'e`j ro-ʒo:~nix
 60 ʋʃɪ uo`t svo-i`x to d'i-t'e`j s'e-r'd'e:~s'n'ɬ

- ოფი ja` ska-3u` t'i-b'e` la`-da m'i:`-l'e-n'ka
 ოფი ja` ska-3u` to mo-ja` s'e-r'd'e:`-s'n'i-n'ka
 ოფი ja` ku-da` to t'i-pe'r' go-r'u:`-xa
 ოფი ja` ku-da` to t'i-pe'r' ko-ku:`-xa
 65 ოფი pr'i`-klo-n'u` svo-ju` bu`-jnu go:`-lou
 ოფი to`-l'ko ka`k ja` b'e`-dna` zlo`-f'a:`-sna
 ოფი to`-l'ko ka`k ja da g'o`-r'e g'o:`-r'ka
 ოფი po`-di-nu` ja b'e`-dna` po-d'ro:`-f'u
 ოფი ja` svo-i`x to d'i-t'e`j ro-3o:`-n'i-n'k'ix
 70 ოფი ja` svo-i`x to d'i-t'e`j s'e-r'id'e:`-s'n'i-n'k'ix
 ოფი ja` ska-3u` t'i-b'e` la`-da m'i:`-l'e-n'ka
 ოფი u` m'i-n'a s'i`-lu-fk'i` tə` n'e xva:`-t'it
 ოფი m'o`-gu-ti` to mo`-je`j n'e sta:`-n'et
 ოფი fs'o` f p'e-ts'a`-l'u-fk'i` bu-du` v'zo-bo:`-tu-fk'i
 75 ოფი fs'o` v'zo-bo`-tu-fk'i` bu-du` v ro-bo:`-tə-fk'i

№ 10. Уж вы раздайтесь-ко, народ да люди добрые...

- uf' vi rA-z'da:`.i.-t'e-s'ko na-r'o`-di da:` l'u:`-d'i:` do
 uf vi fs'e su-s'e`e-du-fk'i da pr'i:`-bi:`-l'i:`-3o
 i fs'e m'i-li ta:`.i.-ni tvo-i po-d'ro:`ə-3A:`-t'f'k'i:` 3A:`-la
 fs'e s'bra`a-l'i-z'i da p'o-di-gA:`-to:`-v'i
 5 u-no`-s'at' t'e-b'a uot' nas' mo:`i-a` da` m'i`-lai
 dA-rA-ga:` ti mo-ja da v'nu`-t'fi-n'ka:` 3a:`-la
 uf na i`-m'a n'i`i-na-t'fka ti mo-ja da d'w:`-ə-ra:`-ga
 uf ti vo po-s'l'e:`-d'n'ej u` naz' d'e:`-n'i:` da:` ʧa`-spot'
 uf t'e-b'a n'e-su`ut' na u-ka-d'gA`A-ru:` vi:`-so`-kuj
 10 uf t'e-b'a n'e vo`o pA-ru da:` n'e:`i v'w`-vr'im'
 uf t'e-b'a po v'e-s'ni`i to n'e`-sut' da:` p'w`-ki`-ra
 rA-s:v'e-ta`a-ju-t:o da t'v'ε`ε-t'i:`-k'i` iA
 a ti u-x'o`-d'if at' nas' m'w`ə-ja:` da:` m'i
 uf vi t'i-xo`ə-n'i-t'fko je-jə`ə: da:`-n'e:`-s'i`-t'i
 15 uf vi pA-3a`a-lu-sta je-jə` da n'e:` si:`-ra:`-n'i
 u3 dA-rə-ga`a ti mo-ja` da m'i:`-la:`-ja:` n'i`-nə-t'fk
 uf ja b'o-l'u`u Ap t'e-b'e` da p'o:`-skU
 uf ti prA-f'a:`j ti mA-ja` da m'i:`-la:`-ja:` 3A-la

ja bu-du xʷɔ-d'i't' k t'e-b'e` da na`a-v'ε:-f:ia
 20 uf ti n'e vo`-o pa-ru da:` fs'o:` n'i:` vɔ`vr'
 ufi fsvε-tu`-f:i gʷo`ə-d'i-k'i tvo-ji:` da
 uf po-tsta-t'i`-la bo`o-l'ʊ-fka t'e-b'e` da n'e:-znΛ
 uf mi pʷo`ə-znΛ sxva-t'i:`-l'i-s'i wo:` t'i
 n'i sə-xrΛ-n'i`i-l'i t'e-b'a` na`a-fa` tɨ` n'i
 25 uf ti prΛ-f:a`i mɔ-ja` da dɔ`ə:-ra`-gu
 n'i za-bu:`-t' tɨ m'i-n'a` ʒə-la`-ni`-na-ja
 do-ro-gʷuə`-ja tɨ mo-ja` n'i`i-nΛ`-tʃkΛ
 ja l'u-b'i:`-la t'e-b'a` da po:`ə-tʃ'i:`-ta
 i tɨ l'u-b'i`-la m'i-n'a m'i`-la-ja ba:`-bu-fku z'i`-nu

№ 11: Ой, как ты моя да голубушка...

ɔ:`j kak tɨ mo-ja` da go-lu`-bu-fka:`
 ɔ:`j mo-ja` s'e-str'i`-t'a ro-d'i`-ma-ja:`
 ɔ:`j tɨ so-bra-la`s' to go-lu`-bu-fka:`
 ɔ:`j tɨ so-bra`-la sa-r'a-d'i`-la-s'œ:`
 5 ɔ:`j tɨ ot v'ε-kʷo`f to n'e fp'e`-vri-jœ:`
 ɔ:`j ot svo-je ʒi`-zn'i fpo-sl'i`-dn'i-jœ:`
 ɔ:`j tɨ so-bra-la`s na-r'a-d'i`-la-s'œ:`
 ɔ:`j tɨ vo.u.-s'e` na-r'a`-di po-s'l'i`-dn'i-jœ:`
 ɔ:`j kak tɨ mo-ja` da go-lu`-bu-fka:`
 10 ɔ:`j tɨ ro-ska-ʒi` kɔ go-lu`-bu-fka:`
 ɔ:`j da tɨ svo-i` t'e o-b'i`-du-fk'i:`
 ɔ:`j kak na svo-ji`x to si-no`-t'i-ko:`f
 ɔ:`j da kak sto-bo`j da vo-d'i`-l'i-s'œ:`
 ɔ:`j da kak na t'a` o-s'e-r'd'i`-l'i-s'œ:`
 15 ɔ:`j kak vi mo-i` da pr'i-ja`-t'ε-l'i:`
 ɔ:`j kak m'i-li-o` da pl'ε-m'e`-n'i-k'i:`
 ɔ:`j kak n'ε sp'ε-fɨ`-t'e ʒε-la`-ni-jœ:`
 ɔ:`j vi daj-t'e ro-d'i`-moj to ma`-tu-fk'e:`
 ɔ:`j kak na-gl'ε-d'i`-tʃ'œ go-lu`-bu-fk'e:`
 20 ɔ:`j da jœj na s'v'eə`-tli-jœ sv'i`-tl'i-tʃ'i:
 ɔ:`-ji na l'u-bi`x to pɔ-dru`-ʒε-n'o`k
 ɔ:`j kak so-bra-l'i`s' to go-lu`-bu-fk'i:`

- o:ʃ kak pro-vo-d'i`t' to go-lu`-bu-fk'i:ʃ
o:ʃ mo-ju s'e-str'i`-t'y ro-d'i`-mu-ju:ʃ
25 o:ʃ kak po-go-d'i`-t'e pl'e-m'e`-n'i-ts'k'i:ʃ
o:ʃ kak o-na fs'o` da o-sta`-v'i-la:ʃ
o:ʃ da fs'o svo-jo` po-p'æ-t'e`-n'je-t'œ:ʃ
o:ʃ kak jœj v'œt' zna`j-t'o to pl'e-m'e`-n'i-ts'k'i:ʃ
o:ʃ da joj v'et' n'e ta`-gda do-sta`-lo-s'œ:ʃ
30 o:ʃ kak po-di-ma`-la go-lu`-bu-fka:ʃ
o:ʃ o-na s'i-ro-t'i`-no-t'koj go`-r'ko-ju:ʃ
o:ʃ ona b'ez' m'i`-li-jœ la`-du-fk'i:ʃ
o:ʃ n'i-xto` n'e v'i`-d'aw ʒe-la`-n'i-t'y:ʃ
o:ʃ ja-jœ v'e-l'i`-k'i-jœ tru`-dno-s't'i:ʃ
35 o:ʃ kak pr'i-n'a-la` to go-lu`-bu-fka:ʃ
o:ʃ da mno-go go`-r'a v'e-l'i`-ko-va:ʃ
o:ʃ kak po-dn'a-la` to go-lu`-bu-fka:ʃ
o:ʃ da fs'em l'u-d'a`m da na za`-v'i-do:s'ʃ
o:ʃ kak vi-v'e-zla` to go-lu`-bu-fka:ʃ
40 o:ʃ o-na na po-l'a` t'e fi-r'uo`-k'i-jœ:ʃ
o:ʃ ona fs'o-la t'e` da v'e-s'o`-li-jœ:ʃ
o:ʃ ka kagb ʒa-la`-la go-lu`-bu-fka:ʃ
o:ʃ da kak i fs'e` l'u-d'i duo`-bri-jœ:ʃ

№ 12. Ой, как ты моё да рожноё...

- ho:ʃij kak ti mo-jo` da rʒ-ʒo:ʃ-no-jo:ʃ
ho:ʃij kak ti mo-jo` da: s'e-r'd'e:ʃ-t'i-n'ko:ʃ
ho:ʃij kak n'e spa-la`s' n'e:ʃ l'e-ʒa:ʃ-la-s'o:ʃ
ho:ʃij kak fto s'e-wo`-dn'i:-fna t'o:ʃ-mna no:ʃts
5 ho:ʃij da fs'o ʒda-la` do:ʃ-ʒi-da:ʃ-la-s'o:ʃ
ho:ʃij fto ti pro-sn'o`-s'o:ʃ pro-bu:ʃ-d'i-s'o:ʃ
ho:ʃij da i sta`-n'o:f ro-ʒo:ʃ-no-jo:ʃ
ho:ʃij na svo-i r'a:ʃ-zvi n'o:ʃ-ʒe-n'k'i:ʃ
ho:ʃij da ti pro-s'n'i`s' ko:ʃ ro-ʒo:ʃ-no-jo:ʃ
10 ho:ʃij dak na` m'i-nu`-tku:ʃ xot' vr'e:ʃ-m'e-ts'ka:ʃ
ho:ʃij dak ti ska-ʒi` ko:ʃ ro-ʒo:ʃ-no-jo:ʃ
ho:ʃij dak wo-sta-l'ni`-jo f po-sl'i:ʃ-dn'i-jo:ʃ

- ho:ij dak ti na pa-m'e:t' slo-w'ε:-ts'i-ko:
 ho:ij dak ti rɔ-d'i-mɔj to ma:-mo-n'k'ε:
 15 ho:ij da i so-ji'm to: ma-li:m d'i-t'a:m
 ho:ij da ti ɔ-sta-v'il ro-ʒo:-no-jo:
 ho:ij da ti sɜ-i'x ma-liy d'iε:-tɜ-n'ɔ:k
 ho:ij dak ti v i-z'v'e n'e na yu:-lo-tʃk'e:
 ho:ij dak ɔ svo-jo^om t''o-plom gn'i:-z'd'e-ts'ε:
 20 ho:ij dak ti na-ba-v'il ro-ʒo:-no-jo:
 ho:ij dak na mo-jo to r'a-t'i:-vo-jo:
 ho:ij dak mn^o-go go-r'a i kru:-t'i-ni:
 ho:ij da i p'e-ts'a-l'i: v'ε-l'i:-k'i-jo:
 ho:ij dak ja xo-ʒu go-r'e-mi:-fn'i-tʃ'a:
 25 ho:ij da b'e's ko-l^od za-p'i-na:-ju-s'o:
 ho:ij dag b'e's tra-wi za-pl'e-ta:-ju-s'o:
 ho:ij da-k u-mi-wa-juz' go-r'u:-fε-tʃka:
 ho:ij dak ja ka-ʒo-n:ɔ-jod bo:-ʒεj d'e:n
 ho:ij dak ja swo-i m go-r'e-ts'i:m sl'e-za:m

№ 13. Ой уж ты родимый жо брателко...

- ɔj uf ti rɔ-d'i-mɔj ʒo bra:
 ɔj uf na m n'e-do .u.-go ma-l'œ:
 ɔj uf na m i-ftɜ ko-ro-t'œ:
 ɔj uf po-gl'e-d'i't na t'a bra:
 5 ɔj uf na fɜ-rɔ-kom to kla:
 ɔj uf ti rɔ-d'i-moj ʒo bra:
 ɔj uf po-g'l'e-d'i ko ti bra:
 ɔj na .u.s'ʊ ro-dn'ɣ pr'i-bl'i-ʒε:
 ɔj uf:ɔ pr'i-f'l'i da pr'i-je:
 10 ɔj u-s'e rɔ-dni-jœ dvo-jy:
 ɔj da i two-i ma-li d'e:
 ɔj i si-no.u.-ja go-lu-bo:
 ɔj i sno-x'i t'i da go-lu:
 ɔj uf do-sta.u.-ni-jœ po-s'l'i:
 15 ɔj uf pro-wo-d'i-t'e-b'a bra:
 ɔj t'e-b'a na v'e-k'i t'i v'e:

- ɔ`j uf^o vi` l'ʊ-bi`-jo pl'e-m'e:`
 ɔ`j uf po`-gl'e-d'i`-t'e go-lu:`
 ɔ`j vi na` ro-d'i`-mo-va ba:`
 20 ɔ`j uf do`-sta.u.-ni`-jœ po-sl'e:`
 ɔ`j uf ka`k za-ro`-jyd ʒœ bra:`
 ɔ`j jevo za`-k'i-da`-jud^o go-lu:`
 ɔ`j u-ʒoʊ`-ti-m'i` to p'e-so:`
 ɔ`j u-s'e`-ri-m'i` ka-m'e-fɔ:`
 25 ɔ`j uf na`m^o wo sn'e`j to pr'i-v'i:`
 ɔ`j uf na`-ja-wu` n'e po-ka:`
 ɔ`j uf nam na` str'i`-tse n'e str'i:`
 ɔ`j uf stɔ`-rɔ-n'e` n'e ɔ-ʔkl'i:`
 ɔ`j uf na`f^o ro-d'i`-moj od^o bra:`
 30 ɔ`j uf n'e` u-v'i`-d'im n'e-l'stæ:`
 ɔ`j mi n'e` vi-z'b'e` n'e na ʊ:`
 ɔ`j uf mi` n'e ft'œ`-plom to gn'œ:`

№ 14. Ой, дак уж накатысь туця грозная...

- ɔ`j dak uf na`-ka-t'i`s' tu`-ts'a gro:`
 ɔ`j da pr'i`-l'i-t'i` str'e`-la vo:`
 ɔ`j dak uf i` ro-zb'ε`j str'ε`-la vo:`
 ɔ`j u mɔ`-je-wo` la`-di m'i:`
 5 ɔ` jevo` kru-tu`-ju` mo-g'i:`
 ɔ`j da i gro`-bo-wu`-ju` do-f:ʃfε:`
 ɔ`j dak uf ti` mo-ja` la`-da m'i:`
 ɔ`j p'e-r'e`-kr'e-st'i` la`-da m'i:`
 ɔ`j uf ti` svo-jo` l'i`-ʔs'œ b'e:`
 10 ɔ`j svo-jo` l'i`-ʔs'œ` ti` bu-ma:`
 ɔ`j da uf ro`-ska-ʒi` la`da m'i:`
 ɔ`j kax ta`m ʒi-v'o`f la`-da m'i:`
 ɔ`j da uf i` po-slu`-ʃa`j go-lu:`
 ɔ`j ti "ɔ`t m'e-n'a` "ɔ`t go-r'u:`
 15 ɔ`j kak ja` ʒi-wu` go`-r'e go:`
 ɔ`j ja b'e`s t'εb'a` la`-da m'i:`
 ɔ`j ja n'e` v'i-da`-la` go-r'u:`
 ɔ`j v'e-s'o`-lo-wa` to` d'e-n'o:`

- 20 ɔ̀j ja ra`-do-sno`-va` ts'a-so:\
 ɔ̀j dak uf to`-l'k'ø ja` u`-l'i-va:\
 ɔ̀j uf ja` sl'e-za`-m'i` go-r'ε:\
 ɔ̀j dak uf v'i`-d°no m'n'e` go`-r'e go:\
 ɔ̀j uf v'i`-dno v'e`k n'e` do-3:da:\
 ɔ̀j da uf i` t'e-b'a` n'e` do-zva:\
 25 ɔ̀j uf so` to-wo` sv'e`-tu b'e:\
 ɔ̀j v'i-d°no` u-fo`l la`-da m'i:\
 ɔ̀j ti ot m'e`-n'a o`t° go-r'y:\
 ɔ̀j dak uf ti` na v'e`-k'i` t'i v'ε:\
 ɔ̀j da uf na` .u.s'y 3i`z' b'e`-sko-n'ε:\
 30 ɔ̀j dak uf ti`-i 3di` la`-da m'i:\
 ɔ̀j uf ti` m'e-n'æ` go`-r'e go:\
 ɔ̀j dak uf mo`-3oet str'i`-t'i`-ms'o la:\
 ɔ̀j dak s to-bo`j na to`m da` na b'ε:\
 ɔ̀j dak uf tu`t ro-ska`-3o`m go-lu:\
 35 ɔ̀j uf pro` svo-ju` 3i` s'i-ro:

№ 15. Ой уж ты родимой жо брателко...
 Ой уж ты моя лада милая...

- ɔ̀j uf ti ro-d'i`-moj 3oε bra`a
 ɔ̀j uf so-braw-f:o` da sna-r'ε:\
 ɔ̀j uf ti na v'e`-k'i` t'i v'ε:\
 ɔ̀j uf na .u.s'y 3i`z' b'e`-sko-n'ε:\
 5 ɔ̀j uf u-v'ε-zu`-t'e-b'a bra:\
 ɔ̀j uf na fi-ro`-ko-joe kla:\
 ɔ̀j uf i po-lb`-3at 3oε bra:\
 ɔ̀j t'e-b'a vo` kru-tu`-jy mo-g'i:\
 ɔ̀j t'e-b'a vo` si-ru`-jy z'e-m'e:\
 10 ɔ̀j uf i za-si`-pl'yt 3oε bra:\
 ɔ̀j t'e-b'a 3o`w-ti-m'i` to p'ε-so:\
 ɔ̀j t'e-b'a s'e`-ri-m'i` ka-m'e-fɔ:\
 ɔ̀j dak v'et' ti` na str'i`-ts'ε n'e str'i:\
 ɔ̀j bo-l'e fsto`-ro-n'e` n'e o-tkl'i:

15 ɔ̀j uf n'e` u-v'i`-d'i-m:i bra:`
 ɔ̀j t'e-b'a n'e` na u`-l'i-t'se n'e:`t
 ɔ̀j uf n'e` vi-z'b'e` n'e na u:`
 ɔ̀j t'e-b'a` n'e ft'o`-plom^o to gn'o:`
 ɔ̀j uf ti` ro-d'i`-moj ʒœ bra:`
 20 ɔ̀j uf ti` ɔ-tkro`j su-dar'i bra:`
 ɔ̀j uf svo`-i ɔ-tʃ'i-t'i ja:`
 ɔ̀j uf po`-gl'e-d'i`-ko ti bra:`
 ɔ̀j uf na` .u.s'e tʃɛ`-ti-r'e sto:`
 ɔ̀j uf sko`l' so pr'i`-ʃlo da pr'i-je:`
 25 ɔ̀j u-s'a` ro-dn'a` da ro-d'i:`
 ɔ̀j u-s'a` rod-n'a` pr'i-bl'i-ʒɛ:`
 ɔ̀j da.i. tvo`-i ma`-li-jo d'e:`

ɔ̀j uf ti mo-ja` la`-da m'i:`
 ɔ̀j uf ja i ʃla` go`-r'e go:`
 ɔ̀j uf na ʃi-rɔ`-ko`-jo kla:`
 ɔ̀j u-ʃi gl'e-d'e`-la` go-r'u:`
 5 ɔ̀j uf vo.u.-s'e` tʃ'ɛ`-ti`-r'e sto:`
 ɔ̀j uf po ʃi-rɔ`-ko`-mu kla:`
 ɔ̀j du-ma-la` s'i-d'i`ʃ ti` v'e't' la:`
 ɔ̀j uf na kru-tɔ`j to mo-g'i:`
 ɔ̀j da ti`-i ʒdʒʃ la`-do m'i:`
 10 ɔ̀j uf ti m'e-n'a` go`-r'e go:`
 ɔ̀j dak uf n'e mo-gla ja u-v'i:`
 ɔ̀j uf n'e mo-gla` do`-gl'e`-d'i:`
 ɔ̀j dak uf v'i`-dno v'e`k to` n'e` v'i:`
 ɔ̀j slo-v'e`-ts'i-ka mn'e` n'e` sli:`
 15 ɔ̀j uf ɔ`t t'e-b'a` la-da m'i:`
 ɔ̀j v'i-dno` ro-sta`-l'is' go-lu:`
 ɔ̀j dak uf mi` sto-bo`j la`-da m'i`
 ɔ̀j uf mi` na v'e`-k'i` t'i v'ɛ:`
 ɔ̀j dak uf na` fs'u ʒi`z' b'e`-sko-n'ɛ:`

№ 16. О-ёй-ёй, я по утра-ту ранёшенько...

- о̀ / жо̀-оо-жо̀ ja po:~u`-ti-ru`-u tu`-u
ra:~n'œ` / ɔ`-ɔ-fɛ`n'i-ko:~
- з:~ / жо̀-оо-жо̀j dakⁱ ja` si-l'e`-z'i-m'i`-i
ju`-u-mi:~-va` / a`-a-la:~s'e:~
- з:~ / жо̀-оо-жо̀j da go:~r'y`-fi-ko`-mΛ
ju`-u-t'i:~-ra` / a`-a-la:~s'e:~
- о̀ / жо̀-оо-жо̀ ja na:~ po`o-o-lo`-si-to`
si-r'a:~-ʒa` / a`-a-la:~s'e:~
- 5 о̀ / жо̀-оо-жо̀ ja kⁱru:~to` fi-la`-a
to`-o-ro:~-p'i` / i`-i-la:~s'e:~
- о̀ / жо̀-оо-жо̀ dakⁱ ja:~ n'e`-ee bo`-o-gu`-u
mo:~-l'i` / i`-ii-t'i:~s'i:~
- о̀ / жо̀-оо-жо̀ n'e na:~ l'y`-yy-d'e`-ji
na`-se-mo`-ti-r'i` / i`-i-t'i:~s'i:~
- о̀ / жо̀-оо-жо̀j da mⁱn'e` se-ka`-aa-za`-a-l'i`-i
go:~r'u` / ʊ`-ʊ-fɛ:~te:~
- о̀ / жо̀-оо-жо̀j da t'vo`-ji ko`-r'i-m'i`-i-n'e`-e-tʂ'œ`-ti
ba` / a`-a-t'u-fi:~ko:~
- 10 о̀ / жо̀-оо-жо̀j on^o po` s'e-v'a`-aa-to`-o-mu`-u-tu:~
bu` / u`-u-je:~-vɔ:~
- о̀ / жо̀-оо-жо̀j dakⁱ jo`-fʒ jo`-ni xo`-o-d'i`-ti
ʃa:~-ta` / a`-a-ji-ti:~ts'e:~
- о̀ / жо̀-оо-жо̀j da jo`-ni m'e`-ee-n'a-a
do`-o-b'i:~-ra` / a`-a-ji-ti:~tʂe:~
- о̀ / жо̀-оо-жо̀j dakⁱ ja` pi-r'i`-fi-la`-a ʒo`-o
go:~r'y` / ʊ`-ʊ-fɛ:~ts'a:~
- о̀ / жо̀-оо-жо̀ ja ko:~ po`-o-o-wɔ`-se-tʊ`-ʊ
ko:~ bu` / ʊ`-ʊ-je:~-vu:~
- 15 о̀ / жо̀-оо-жо̀ ja kɔ` se-vɔ`-o-o-nu:~
kɔ`-ɔ-lɔ:~-kɔ` / ɔ`-l'e-no:~-mu:~

№ 17. Ух и ти мене, дак снаряжалась, бедная...

- u`u i-t`i` m`ii-n`e` ða sna-r`a-za`-laz` b`e`:-dnΛ-e
u`u i-t`i` m`ii-n`e` ja n`e` ftsv`e-tno`-joo pla`-t`i-t͡s`o
u`u i-t`i` m`ii-n`e` ja po`-txo-d`i`-laa b`e`:-dnΛ-ɪ
u`u i-t`i` m`ii-n`e` ða ja` ko xra`-muu bo`-zjo-mu
5 u`u i-t`i` m`ii-n`e` ko zvo`-nu ko`-lo-ko`-l`no-mu
u`u i-t`i` m`ii-n`e` da za`-xo-d`i`-laa b`e`:-dnΛ
u`u i-t`i` m`ii-n`e` ðə ʊ`f ja ftse`-rkow bo`-z`i-y
u`u i-t`i` m`ii-n`e` jə po`-smo-tr`u` jaaa b`e`:-dnΛ-ε
u`u i-t`i` m`ii-n`e` pə-svə po fs`e-mu` na-ro`-duu b`e`:-lo-u
10 u`u i-t`i` m`ii-n`e` ja n`e` mo-gla` dΛ-smo`-tri`
u`uh i-t`i` m`ii-n`e` da n`e` mo-gla` uu-v`i`:-d`it`
u`u i-t`i` m`ii-n`e` svo-e-vo` rΛ-dno`-vo ba`-t`u-fkə
u`u i-t`i` m`ii-n`e` da ja` wa-l`u`-s`i b`e`:-dnΛ-ε
u`u i-t`i` m`ii-n`e` da na` sv`a-tu` moo-g`i`:-lu-fku
15 u`u i-t`i` m`ii-n`e`-ε ko` ro-dno`-muu ba`-t`u-fk`
u`u i-t`i` m`ii-n`e` / ko` ro-d`i`-moj ma`-tu-fk`i

№ 18. И как раскину я да очи ясные...

- i kΛ`Λk ro-sk`i`-nu ja da uo` / o`-t͡f`i ja`-si-ni-je`
i po` pr`e-kra`-sno-mu` da l`u` / u-dnu kla`-di-b`i-f`u`
i po` pr`e-kra`-sno-mu` da po` / o s`l`e-z`l`i`-vo-mu`
i sli`-fi`f n`e`-tu mo-ja m`i` / i-la la`-du-fi-ka`
5 iu kΛ`k pr`i-fl`i` da mi t`i-b`a` / a po`-na-v`e`-da-t`i`
i kΛ`Λk t`i-b`e` da s`o`-dn`e ta` / am da spa`-lo-s`z`
i n`e`e na m`a`-k:uj to`-l`ko tu` / ut po-st`e`-lu-fi-k`e`
i n`e`e put t`o`-plim to`-l`ko uo` / o-d`e-ja`-li-fi-ko`m
n`e na`a za-rko`j ta t`o`-ploj to` / ol`ko p`e`-t͡fε-n`k`i`
10 i kΛ`k rə-sk`i`-nu ja` da uo` / o-t͡f`i ja`-si-ni-je`
i n`e`e u-v`i`-zu l`e` da ja` / gd`e m`i`-lu la`-du-fi-ku`
i to`-li-ko ja` je-go` n`e-gd`e` da n`e` / ε u-v`i`-d`e-la`
i go`o-lo-so`-t͡f`e-ka` je-go` da n`e` / ε u-sli`-fΛ-la`
i na`a-kə-t`i`s` ko to`-l`ko tu` / u-t͡f`a t`o`-mi-na-ja`
15 i za`a-do-3:d͡zi`-t`e m`e`-lk`i t͡f`a` / a-sti do`-zi-d`i-t͡f`k`i`

i ra`a-zmo-tf`i`-t'e ko` da ma:` / at' si-ru:` z'e-ml'u:`
i rΛ`Λ-sko-l'i`s' ko tu`d da gro:` / o-bo-va` do-ska:`
i stΛ`Λn' po pr'e`-zn'e-mu` da ti:` / i po sta`-ro-mu:`
i na`a svo-ji` da to`l'ko no:` / o-g'i r'e`-zi-vi-je:`

№ 19. И ты прости да боле, мила ладушка...
И ты, родимый ты да мой-от брателко...

i ti`i pro-s't'i` da bo`-le m'i:` / i-la la`-du-ʃi-ka:`
i ti na fs'e` da bo`-l'e v'e:` / e-k'i do`-lə-g'i-je:`
i bi`-l'i l'i gd'e ja t'e-b'a` da n'e:` / e u-v'i`-zu ʒe:`
i go`o-lo-so`-tʃ'e-ka tvo-jo` da ja da n'e:` / e u-si-li`-ʃu ʒe:`
5 i n'e`e t'e-b'e` to-l'ko` da po:` / o-ko-na`-ju-s'e:`
i ti`i mo-ja` da m'i`-la la:` / a la`-du-ʃka:`
i ti`i vo sn'a`x to-l'i-ko` da mn'e:` / e pr'i-sn'i`-s'i-ko-s'e:`
i na`a-je-vu` da to`-l'ko n'e:` / e po`-ka-ʒi`-s'e-ko:`

(2)

i ti`i ro-d'i-mo:j l'e da mo` / o-jo:` bra-t'e:-lko:`
i ti`i pro-st'i-ko:`-s'e da ti` u`-ʃə prΛ`-st'i:`
i ti`i u-bra`-lə:-s'e u mn'a` / a u-ka-t'i`-lo-s'e:`
i n'e`e tvo-jo` bi: i-ʃ'z tu`ut m'e`-st'e:`-tʃ'y-ʃko:`
Λ tu`ut l'e-ʒa`t' to:-l'ko t'i-b'e`-e n'e m'e-s'i:`-t'i`-tʃ'ko:`
Λ t'e`e-b'e ʒi`d' bi: i-ʃ'z ɔa` /a-o`-ʒi-va:`-t'i-s'e:`
i t'i`i-b'e ʒi`-d:a: iʃ-ʒ kra` / a-so:`-va-t'i`-s'e:`

№ 20. Уж я ждала только да дожидаласе...

uf ja` ʒda-la`-a to`-l'i-ko` da do` / o`-ʒi-da`a-la:`-s'e
uf i`z o-kna`-a ja`-a / wo-kno` k'i-da`a-la:`-s'e
uf ja` ʒda-la`-a to`-l'i-ko` da p'i` / i`s'mo gra`a-mo`t-ku
uf o`t svo-jo`-o-go:` tΛ s'er-d'e` / tʃ'na d'i`-i-t'e`t`-ka
5 uf o`t svo-jo`-o-go:` to` dΛ o`t / ro-d'i`-i-mo:`-go
uf u`-da-lo`-o-go:` to` ja do` / o`-bra mo`-o-lo:`-tʃa
oj do`-ʒdo-la`-as' ja`-a tΛ / ɔj po`-lu-tʃ'i`-i-la:` to

- uf ka`k jΛ v'e:-sto:-tʃku` da n'e` / e`-xu-ro`-o-fu:-jy
uf ka`k po-g'i:-p to`-l'i-ko` s'er'-d'e` / ʃ'nœ d'i`-i-t'a:-tko
- 10 uf na` vo-jn'e:- to`-l'i-ko` da ʃtʃ'ɔ` / o`-noj s'i`-i-lo:-ju
uf na` vo-jn'e:- to:-l'ko` kro-vo` / pro-l'i`-ti-na:-ju
uf po`-pr'i-ba:-v'i`-il o`n da mn'e` / kΛ go:-r'u:-ʃka
uf vo` mo-ju:- tu` da gru`t` / di-xa`-a-n'i:-tʃ'a
oj k'r'e`-t'i-vu:- s'e:-r'tʃ'y` da ra` / ri-va`-n'i-i:-tʃ'a
- 15 oj go`-r'u-tʃ'i:- sl'e:-zm'i` da u` / u`-t'i-ra`-n'i-i:-tʃ'a
uf so` sl'e-za:-m'i`-i to` da s pr'i` / tʃ'i-ta`-n'i-ja:-m'i
uf ka`k ja bu:-du`-u to` da / i b'e`-dna ʒi`-l-t'e`-n'i-k'i
uf b'e`-svo-jo:-go:- to` s'e-r'd'e` / d'e`-ʃna d'i:-t'æ:-tka
uf ot svo-jo`-o-go:- to` da ɔɔ` / o`t ro-ʒo`-o-no:-go
- 20 uf n'e` kΛ ʃε:-tʒ:-go:- da to` / o`-l'ko go`-o-r'u:-ʃka
i po`-sl'e ε:-to:-go`-o toɔ` / ε`-v'e-l'i`-i-ko:-go:-
uf na`-do zg / sxl'e`-ε-bu`-u-ʃka` da mn'e` / ε` l'i-ʃi`-i-t'i:-s'e:
uf s kru`-toj go:-ro`-o-tʃ'k'i` da mn'e` / n'e` spu-st'i`-i-t'i`-s'e:
ɔj b'i`-strəj r'e`-e-tʃk'r:- mn'e` da u` / u`-to-p'i`-i-t'i:-s'e:
- 25 uf ka`k pr'i-d'o:- to`-l'i-ko` da v'e` / v'e`s-na kra`-a-sna:-ja`
uf ro`-zo-l'jy:-tʃ'Λ:- to` dΛ r'e` / ε:-k'i bi`-si-tri:-je:
uf ka`k po-jdu:- to`-l'i-ko` da skoɔ` / o`-ro-xo`-di-ni:-k'i:
uf sko`-ro-xo`-di-ni`-i-k'i` da pa` / a`-rΛ-xo`-d'i:-k'i:
uf ja` ko-go:- bu`-du` / fstr'e-tʃ'a:-t'e`-n'i-k'i:
- 30 uf n'e` kΛ n'e:-ko:-g i:j / oj dΛ-ʒi-da:-t'e:-n'k'i
uf u`-da-lo`-o-go:- to` da do` / i-do`-bra mo`-o-lo`-o-tʃa`
uf ka`k n'e ʒda:t` b'o:-l'e` da n'εg` / ε`-do-ʒda:-t'i:-s'e`
uf pr'i`-po-pa`-a-l'i`-i da` / u jæ`-go kri:-li:-ʃk'i:
uf u`-t'e-r'a:-l o`n to`-l'ko s'i` / i`-ʒi p'o`-o-ri:-ʃi-k'i
- 35 ɔj ɔΛ`-dau / s'i:-lu:-ʃku` / da mo`-lo-d'e`-tʃi-ku:-ju:
uf ɔ`n Λ xra`-a-bro`-ɔs' / ɔj bΛ`-gΛ-ti`-ri-sku:-ju:
uf ka`g za ru:-sku`-u tu` da z'e` / e`-ml'u vΛ`-l'i-nu:-ju:
uf ka`g za ʃvo:-i to`-l'i-ko` / da za` rΛ-dno:-i na:-ro:t`
da` za
- 40 uf ka`g za tʃε:-ʃ't svo`-o-ju` / dΛ` ɔə ʃla:-vu`-ʃi-ku:
i ɔ`-dau ʒi:s' svo:-ju` da n'e` / ɔ`-ʒΛ-l'e:-ju:-tʃi
uf ka`k ja bu:-du`-u to`-l'ko b'e` / e`-dna ʒi:-t'e`-n'i-k'i
ɔj bo`-l'e ʒda:t` n'e`-e / da n'e` do-ʒda`-a-t'i:-s'e:
i d'e`-fka v'e:-sto`-o-tʃk'i`- da n'e`/

45 uʒ mn'e` kʌ ʒða:t' to`-l'i-ko` dʌ / n'e` do-ʒða`-a-t'i:-s'ε:
 i mn'e` r'ε-v'e:`d' bo:-l'ʃe` n'e do` / o`-r'e-v'ε:-t'i:-s'ε:
 i n'e` do-ʒda:t' n'e`-e da / oʃ p'i`-s'mo gra`-a-m^uo:-tʃku:
 n'e sko`-ro-xo:-dnu`-u tu` mn'e t'e` / e`-l'e-gra:-mo:-tʃku

№ 21. А вы донесите, да ноги резвые...

Λ` vi do`-o-o:-n'e`-e-e:-s'i`-i-i:-t'e:` da: no` /o:-g'i:-i: r'e`
 uʃ kʌg do`-o-o:-mʒ`-ʒ-ʒ:-ʃi:-i:-t'e:` da: ru` / u:-k'i`-i-i: b'e`
 əʃ kʌg do:-gʒi:-l'e`-e-e:-d'i`-i-i:-t'e:`-kə də o` / o:-tʃ'i`-i-i:-jə`
 uʃ kʌg dʒ: si:-vo`-o-o:-jʒ`-ʒ-ʒ:-go:` tʒ da mla` / a:-d'i`-i-i: /oʃ m'i`
 5 i` uʃ mi`-i-i: ji`-i-i:-d'œ:-mi: l'e:` k't'e-ε-b'e` / e: kə-ə-ə: d'i`
 ε: po`-o-o: bu` / u:-d'i`-i-t'i: to:` t'e-b'a po` / o-ti-r'e`-e-e:-vo`
 ε: o:-o-ti kr'e`-e-e-pi-ko`-o-o:-go`-o da: snu` /u:-u`-u-u-ti m'o`
 uʃ ro:-si:-ko`-o-o:-l'i`-i-is'ⁱ ti:` z'e-ml'Λ mʌ` / Λ-t'i si`-i-i:-rʌ`
 ə uʃ ti`-i-i: o`-o:-ti-kro:-o:-jʒ'e:` ko da gro` / o:-bo`-o-o:-va`:
 dʒ-skʒ`
 10 vi:-i: ro`-zi-ma-xi-n'i`-i-i:-t'e`-s'i ko da b'e` / e:-li`-i-i: sa`
 ro:-si:-kʒ`-ʒ-ʒ:-t'i`-i-i:-t'e`-s'i da: b'e` / e:-li`-i-i: ru`
 uʃ vi:-i ʒʌ-go`-o-vo`o:-r'i-i /
 vi o-tkro`-o-o:-jt'e`-s'i-ko da o` / o:-tʃ'i`-i-i:-j
 ʒ` uʒ ʒʒ`-ʒ-ʒ:-go:-vo:-r'i`-i-i:-t'e:` u-si-tʌ` / Λ: sa`-a-a:-xa`
 15 ε: u:-ʃi: ti`-i-i si-ta`-a-a-n'i-ko:` dʌ pi-ro` / o:-bu`-u / u-d'i`
 i` uʃ ti`-i-i si-xo`-o-o:-d'i`-i-i:-ko:` dʌ mi-la` / iʒa:-dʒu`
 i` uʃ ti`-i-i: na`-a-a: r'e`-e-e:-tʃ'e`-n'i-ku-u tu` / u: na`-a-a: bi`
 i` uʃ ti`-i-i: u:-u:-mo`:-o:j-s'e:` ko dʌ kl'y` / u:-tʃ'e`-e-i:-vo`
 k'l'y`-u-u:-tʃ'i:-i:-vo:-o:j l'e:` vo:-do` /o:j xo:-o:-lo`
 20 uʃ ti`-i-i: u` / u-ti-r'i:-i-s'i-ko:` da: po` / o:-lo`-o-o:-t'œ`
 mi:- pi:-r'i:-i-ʃi-l'i`-i-i: l'e:` t'e:-b'e`:-e pi-r'i:-i:-je`
 i` uʃ ka:-ki: po:-o-zi-va:-a-t'i t'e:-b'a da po` / o:-bu`-u-u:-d'i`
 i` uʃ ka:-a-ki na` / a ti-vo`-o-o:-jo`-ti l'e da`-tʃʌ` /
 o-n'i o`-o-o:-b'e`
 a: ta`-a-mi: na` / a-si-ta:-vi:-l'o:-ni sto-li` / i: dʒu`-u-u:-bo`
 25 a` uʃ ta:-mi: na` / a:-no:-o:-fo:-ni da p'i` / i-t'i-ja`-a-a: ku`
 uʃ ti`-i-i: po` / o:-ʒiʒa`-a-a:-lu:-sta da
 no` / o-n'i po`-o-o:j-d'o`m

o:-o:-s'e:-e-r'i-d'i:-i-li-se: bul'-fi o / o:-gn'e:-e:-v'i
 Λ-ti n'e:-e-e-vo:-o-ti-kri:-li: bo-l'i-fe da o / o:-ts'i-i-i: ja
 n'e pro-go:-o:-vo // o-r'i:-i:-l'i-i u-si-ta / a: sa-a-a-xa
 30 t'a n'e ro-o-o-si-ka / a:-t'i:-i:-li:-s'e da ru / u:-k'i-i-i: b'e
 u'f kak n'e:-e: rΛ-zι-mΛ-xi-nu-u-u:-l'i:-s'e da b'e / e:-li-i-i: sa
 n'e:-e: o-o-ti:-kri:-i:-la:-s'a da gro / o:-bo-o-o:-va do-ska
 Λ n'e ro:-si-i-ko:-o-o-lu:-u-u-la:-s'e da ma / a-t'i si-i-i:-ra z'e
 i' u'f ti-i-i: u // u:-fo-o-o-li l'e: o-ti na:-a-si: u-u-u:-je
 35 bo:-l'i-i-ε:-ε: na:-a-a-v'e:-k'i da na / a:-ru-u-u:-fi

№ 22. Да как подули да ветры буйные...

Уж ты куда же да нонь средился...

a: ka:-ki po:-o-du:-u-l'i: da-a v'e / e-ti-ri-i-i: bu:
 a: za:-a-fu:-u-m'e:-e-l'i: l'e-e-sa / a di-re-e-e:-mu:
 a: vi:-i pr'i:-i-fl'i:-i to: l'e da no / o-n'i pr'i-i-i:-je:
 a: n'e:-e po:-o sta:-a-ro da: n'e / e:-po-o-o:-pr'e:
 5 a: ka:-ki ne:-e vi:-i-fo:l d'i-i-t'Λ / a: s'e-e-e:-r'd'e:
 a: o:-on¹ n'e:-e vi:-i-fo:l da / va / a-si n'e-e-e: str'e:-t'i
 u je-go:-o n'e:-e xα:-o-d'a: da-a no / o:-g'i-i-i: r'e:
 a: u:-fi n'e / e ma:-a-fu:t da-a ru / u:-k'i-i-i: b'e:
 a: n'e: gi-l'e / e-d'a:-a-tio: da: o / o:-ts'i-i-i: ja:
 10 sto-ji-i-i:t u:-nə da do / o:m fa-a-a:-ta:
 Λ: o:-ni b'e-e-zi v'e:-e-tr'i: tku da no / o-n'i fa-a-a:-ta:
 Λ: b'e:-es po:-o-go:-o-du:-fk'i da ko / o:-li-i-i:-ba:j
 Λ: u:-f i spa:-a-s'i:-i-bo: da vΛM l'e / e:-b'e-e-e:-d'i b'e
 Λ: vi:-i pr'i:-i-fl'i:-i to: da: no / o-n'i pr'i-i-i:-je:
 15 n'e: po:-o-bo:-o-ja:-a-l'i:s' n'e: po / o:-stra-a-a:-fi:
 Λ: ka:-ki mo-o-o-je:-ej l'e: nu:-zdi / i: v'e-e-e:-l'i:
 vi n'e po:-o-do:-ro-zi:-i-l'i: da-a vre / e:-m'o-o-om
 zo-lo-tim
 vi n'e po:-o-za / a-l'e:-e-l'i: ka:-zni / i: b'e-e-e:-sts'e:n

a: t'e-e-e:-b'e-e-e:vi-i-i-ko:-pa-na ta / a-mi ve-e-e-t'i ja:

t'e`-b'e n'e:` si-to:`-o-li:`-i ta`-mi da: no` // o-n'i na`-a-a-si-ta:`
 20 Λ n'e p'i:`-t'i-ja:`-a ku`-u-u-fa`-n'i-ja dΛ ta` / a-mi na`-a-a-no:`
 Λ: t'e`-e-e:-b'a`/Λ bi-ro:`-o-s'a`-ti no`n' da ta`/ Λ-mi po`/ o-o-k'i
 Λ uʃ ka:`-ki: za` / a-ro`-o-o-ju`-ti t'e-b'a zΛ` / a:-ko`-o-o:
 Λ: n'e:`-et ta:`-a-amⁱ vi`-i-i-xo:`-du dΛ n'e` / e:-tu`-u-u: vi:`
 uʃ ti p'i:`-s'i:-mΛ` / Λ gi-ra:`-a-mo`-ti-k'i da n'e` / e: na`-a-a:-p'i:`
 25 Λ: bo:`-l'i-i-ʃε` / ε v'e`-e-e-k'i:` t'e-b'a nΛ` /a-mi n'e`-e-e: v'i:`

Приложения

1. Словарь эпитетов

б

бедная горюшица	5	блѣклое лицько	6
бедная матка	7	богатенькое именьеце	9
бедная я	7, 9, 17, 20	богатырская храбрость	20
белые груди	1	благодатной домичек	9
белая лебедушка	2	богоданная матушка	5
белое лицо	14	божий денечек	4, 12
белые лебеди	22	божий храм	17
белый народ	17	божья церковь	17
белые ноженьки	4	большое пированьеце	4
белы руки / рученьки	4, 6, 9, 21	большой угол	6
белый свет	14	буйно-то головушка	5, 9
белые снежки	5	буйные ветры	22
бесконечная жизнь	14, 15	бумажное лицо	14
бесценная казна	22	быстрая реченька	20, 21

в

великая казна	9	вито гнездышко	6
великое горе/горюшко	9, 20	вольная воля	3, 4
великое желаньеце	1	вольная земля	20
велика надеюшка	9	вострая стрела	14
великое разрешеньеце	4	вдовиное житье	3
великие нужды	22	высокое зголовьеце	5
великие печали	12	высокая гора	9, 22
веселые денечки	14	высокая горенка	5
вечно расставаньеце	5	высокая могилушка	6
вечные веки	14, 15		

		г		
глубокая ямочка	9	господарев Сергиюшко	8	
горе-горькая я	9, 14	господним денечком	4	
гордые словцошка	5	грозная туча	14	
горькая участь	7	гробовые доски	4,18,21	
горькое горе	15	гробова доска	6	
горячие слезы	12			
		д		
добрые люди	5, 9, 10, 11	дорогая казна	9	
добрый молодец	20	дремучие леса	22	
долгие веки	19	дубовые двери	2	
дорогая внученька	10	дубовые столы	4	
		ж		
жадобной жадобушка	1	желанные племянники	11	
желанная бабушка	5	желанные подружечки	10	
желанная внученька	10	желанные родители	4	
желанные детушки	4, 9	желтый песочек	9, 13, 15	
желанная лада	9			
		з		
заграницныя вина	2	злосчастная я	9	
законный семеюшка	2	золотая казна	22	
зеленелые леса	22	зычёный голос	1	
		к		
каждый день	12	кровапролитная война	20	
кирпичная печь	5	кругливцятое озерышко	5	
ключевая вода	21	крутая гора /горушка	9, 20	
колокольный звон	16, 17	крутая могила	14, 15	
красная весна	20	кручинная головушка	4	
крепкий сон	21	кукушкино кукованьицо	22	

Л			
левая-та рученька	7	любая путь-дороженька	7
ледяной обед	21	любые подруженьки	11
любимая невестушка	3	любые племянники	13
любимые тетушки	5	людное кладбище	18
любимый внук	5		
М			
малые детушки	12, 13, 15	милое дитяtko	5, 7
маленькая горенка	9	милый братенька	4
медовые закусочки	4	милые дедюшки	5
мелкий песочек	9	милые детушки	4
мелки черешки	4	милые суседушки	5
мёртвое тело	3, 6	молода жена	1
милая подружка	3, 10	молодецкая силушка	20
милая моя	10	мягкая постелушка	18
милый/миленькой лада	9, 13, 14, 15, 18, 19, 21		
Н			
нехорошая весточка	20		
П			
певучий сад	22	последние жизни	11
петушино	22	последние наряды	11
воркованьице			
победная я	7	последнее прощаньице	5
поблеклое личушко	3	православные люди	9
подугольная соседка	3	прекрасное кладбище	18
последнее дыханьице	3	приближенная родня	15

Р

радостный часочек	14	родимая сторонушка	5
редкое посещение	4	родимо дитяtko	3, 20
резвые ножки/ноженьки	1, 4, 7, 12, 18, 21, 22	родимый братец	4, 12, 13, 15, 19
редкие посещения	4	родимые дедюшки	5
ретивое сердечушко	1, 12	родимый лада	21
рожно дитяtko	1, 2, 9, 20	родимый сын	5
рожное сердеченко	12	родной народ	20
родимой мамоньке	12	родовитая породушка	4
родимая родня	15	русская земля	20
родимая сестрица	11		

С

сафьяновыи	7	сердешна обогревушка	9
сапоженьки			
сахарные уста	21	сердешно дитя (дитяtko)	5, 7, 9, 20, 22
светушко-братец	4	сердешненькой лада	9
светлое платье	22	сердешненькой Сергиюшко	8
светлая светлица	9	серый камешек	13
свои обидушки	11	сильны ветры	7
свои детоньки	12	скорописцятая грамотка	3
свои сыночки	11	скачёные жемчужинки	4
свой народ	20	скороходны пароходики	20
своя жизнь	20	скороходная	20
		телеграммочка	
сегодняшний деничек	2	слезливое кладбище	18
серый камешок	15	слезная тропиночка	9
серы перышки	20	снаряженные пули	2
сегодняшна ночь	12	сторублевая свецка	2
сиротные детушки	1	супостатый враг	2
сиротская жизнь	14	сырая земля	7, 15, 18

		<i>т</i>	
тайные подружечки	10	теплое одеялушко	18
темная ночь	12	торная дорожечка	9
теплое одеялушко	18	трудная работушка	5
теплая печенька	18	туманы слезы	6
теплое гнездышко	13, 15	тяжелые работушки	8
		<i>у</i>	
удалой молодец	20	умильное причитаньеце	1
умершая могилушка	4	устное прощеньеце	5
		<i>х</i>	
холодная вода	21	худое словечико	8
хоромное строеньеце	2, 4		
		<i>ц</i>	
цветущие годики	10	цюжа дальняя сторонушка	5, 7
цветное платьеце	19		
		<i>ч</i>	
черная сила	20	часовые желаньица	1
		<i>ш</i>	
широкое кладбище	13, 14, 15	шолковая пелена	2
широкие поля	11	шумелые леса	22
		ясные оци/оценьки	1, 4, 7, 9, 18, 21, 22

2. Двойные синонимические конструкции

бедная-злосчастная	9
в заботушке буду в работушке	9
горя да крутины да печали великие	12
господним да божьим денечком	5
дорогой-то казной великой	9
думал ты только мыслил	9
знаем, сами ведаем	2
кормил-то их да поил	9
кормилец-батюшко	1, 2, 18
кругом да будут около	1
крутая гора высокая	9
мелки-часты дождинки	18
на минутку хоть времечка	12
на пути-то на дороженьке	4
народы да люди добрые	10
не вставашь не пробуждаешься	4
не вышел ды вас не встретил	22
не побоялись не пострашились	22
печалюшке буду в заботушке	9
письмо-грамотка	20
пития-кушания	21
побудити тебя потревожити	21
подыну я, бедна, подрошу	9
нет покупочек-подарочек	2
пора-времечко	1
не во пору да не вовремя	10
позывати тебя да побудити	21
по прежнему да ты по старому	18, 22
пришли да приехали	13, 15, 21, 22
по пути да по дороженьке	2
радость-веселие	9
собрались да подготовились	10
собралася-рядилася	10
со слезами да с причитаниями	20

срядился да ты сподобился	22
убралыся у мня укотилося	19
укат-гора высокая	10
ума-разума	1
унесут тебя ухватят	9
ушел ты от нас уехал	21
ходить будут шататисе	16
ходить к тебе да навещать	10
цюжа дальняя сторонушка	4, 7

3. Метафорические замены, встречающиеся в публикуемых текстах

беднушка	<i>о себе</i>	1, 2, 3
бедная горюшица	<i>о себе</i>	3
белая лебедушка	<i>девушка-невеста</i>	2
белые лебеди	<i>соседки</i>	22
(ко) буйной головушке	<i>о матери</i>	5
великое желаньице	<i>муж</i>	1
высокое зголовьице	<i>о матери</i>	3
горе-горькая	<i>о себе</i>	8, 14, 15
горемычница	<i>о себе</i>	12
горюха / горюшица	<i>о себе</i>	12, 14, 18
день рождения	<i>праздник, поминки</i>	5
желанная / лада	<i>муж</i>	9, 11
законный семеюшка	<i>муж</i>	2, 3
кокушица, кокуха	<i>вдова о себе</i>	8
кручинная головушка	<i>о себе</i>	5
казны бесценные	<i>деньги</i>	22
милый / миленький лада	<i>о муже</i>	9, 11, 13, 14, 15
породушка родовитая	<i>родственники</i>	5
роженое сердеченько	<i>муж</i>	12
скачѣнные жемчуженки	<i>дети</i>	5
сиротиночка горькая	<i>дочь</i>	11
торная дороженька	<i>последний путь</i>	9
хоромное строеньице	<i>дом</i>	5

4. Словарь местных слов

бажёный	<i>желанный, любимый</i>
большовытный	<i>от выть “еда” — с большим аппетитом</i>
буево	<i>кладбище, погост</i>
вызыдынуть	<i>достать, извлечь</i>
желанная	<i>заботливая, добрая, ласковая</i>
жадобный	<i>желанный, любимый (ласковое обращение)</i>
зычёный	<i>громкий</i>
кокушица, кокуха	<i>кукушка</i>
коловые (сердечушки)	<i>жесткие</i>
могута	<i>сила, энергия, здоровье</i>
надежная головушка	<i>муж или большак</i>
нажива	<i>заработок</i>
победная	<i>горемычная</i>
попеченье	<i>забота</i>
ретивое (сердечушко)	<i>горячее, сердитое</i>
рожное	<i>родимое</i>
схватиться о	<i>спохватиться</i>
умильное	<i>любезное, вежливое</i>
часовые желаньца	<i>временные, недолговечные</i>